Встретимся в раю

Кристель и Изабель Цахерт

Обращение к читателям книги

"ВСТРЕТИМСЯ В РАЮ"

ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ

Дорогие братья и сестры!

В трудные периоды жизни, особенно во время постигшего нас недуга, все мы ждем поддержки со стороны наших родных и близких, нуждаемся в человеческом участии, надеемся на сострадание и милосердие. Живой отклик на боль другого человека вселяет надежду на выздоровление, дает силы и мужество.

Будучи духовной лечебницей, Церковь всегда обращается к страждущему человеку со словами утешения, помогая ему бороться с болезнью, в том числе и духовными средствами. Одному Богу известна мера страданий и душевных переживаний человека, лежащего на одре болезни. Можно вспомнить множество примеров мужественного перенесения страданий, начиная с Божественого Страдальца — Иисуса Христа и заканчивая мучениями нашего, во многом трагического XX века.

Книга Кристель и Изабель Цахерт "Встретимся в раю" — документальное свидетельство о том, что и в наше время есть люди, способные с достоинством переносить столь тяжелые испытания, не озлобляясь и не впадая в отчаяние.

Надеюсь, что духовный опыт жизни пятнадцатилетней умирающей девочки, которая твердо верила в то, что "Господь нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах" (Пс. 45, 2), поможет хотя бы некоторым обрести силы для мужественного перенесения своего недуга.

Патриарх

Московский

и Всея Руси Алексий II

"Я всегда мечтала о том,

чтобы в мой смертный час он держал мою руку

в своей. У него такая милая улыбка!

Я называла его Тёби.

Не знаю, можно ли это мне было?

Но ведь в конце концов он не какой-нибудь

Тёби, он — мой Тёби!"

15 ноября 1982 г.

Десять лет спустя.

Моя любимая доченька!

Я приехала в пансионат в Арденнах — он принадлежит одной моей хорошей приятельнице. Я радуюсь встрече с тобой, тому, что мы сможем поговорить, обменяться мыслями. Здесь я обрету покой, смогу полностью от всего отключиться и предаться воспоминаниям.

Ты ушла от нас десять лет назад — в твой рай. И ты права — мы не потеряли тебя. Как ты беспокоилась за нас, как оберегала, всегда такая уверенная и сильная! У твоей постели, когда ты уже лежала без сознания, я в первый раз читала вслух всей нашей семье твой дневник, написанный тобой в последние недели твоей жизни прежде всего для нас. С самого начала моим искренним желанием стало сделать это твое завещание достоянием многих людей. Я уверена, что это и твое желание.

Надеюсь, я найду здесь тот кладезь живительных воспоминаний и не заблужусь в долине безутешных слез. Обстоятельства способствуют этому. Я чувствую себя окруженной заботой со стороны моей по-матерински опекающей меня приятельницы, с которой ты уже не могла познакомиться, но я рассказывала ей о тебе. Она очень поддержала меня в том, что я задумала, пригласила сюда, к себе в Арденны, заботится о моем бренном существовании и следит за тем, чтобы я, погружаясь в свои мысли, не утонула в долине слез.

Я хочу попытаться, слушая свое сердце, пройти шаг за шагом самый напряженный год в моей жизни, последний год в твоей — тебе было пятнадцать, шел шестнадцатый. Это был год, отмеченный взлетами радости и падением в бездну несказанной скорби, год забрезживших надежд и глубочайшего отчаяния. При всех нечеловеческих трудностях и бедах это был для нас год удивительных открытий и великих откровений. На наших глазах и с нами вместе наша жизнерадостная, юная, нормально развивающаяся девочка I всего за год превратилась во взрослую, зрелую женщину. Все врачи и сестры, вообще все люди, принимавшие в этот период участие в твоей и нашей судьбе, испытали на себе твою притягательную силу. То, что ты умерла, как королева, сознательно прощаясь со всеми дорогими и близкими тебе людьми, успев еще оставить наказ, как должна выглядеть торжественная церемония траурного прощания с тобой, явилось как бы милостью, ниспосланной тебе твоей судьбой. ,

Итак, в путь! Я приступаю! Когда Господь Бог в г конце моего жизненного пути спросит меня, как я распорядилась дарованной мне жизнью и сумела ли передать другим людям то, чем одарила нас ты за свою жизнь и смерть, я не хотела бы предстать перед Ним с одними пустыми отговорками.

В тот день мы возвратились с папой из Рима. Это было наше первое путешествие вдвоем, без вас, наших детей. Ты и оба твоих брата — Кристиан и Маттиас — были страшно горды, что мы оставили вас одних на целую неделю. А мы испытывали ощущение, словно вступили в новый этап своей супружеской жизни. Обогащенные увиденными красотами и переполненные огромной радостью, вернулись мы домой. Была суббота, приближался вечер. Нам хотелось приехать домой не поздно — Маттиасу в тот день исполнилось четырнадцать лет. Кристиан с Маттиасом встретили нас радостными возгласами, а ты — так сказали нам мальчики — ушла к себе и скорее всего уже спишь. Мы очень удивились, но восприняли это как должное. Через какое-то время ты, очевидно, проснулась и все же вышла к нам из своей комнаты — бледная, измученная и обессиленная, одним словом, — как тяжело больной человек. Мы тут же окружили тебя заботой. В воскресенье утром папа сразу повез тебя к нашему домашнему врачу: запущенный грипп, вирусная инфекция — таков был диагноз; принимать пенициллин. И еще напутствие: после того как температура спадет, сделать рентген легких.

Воскресенье прошло в оживленных рассказах про Рим, перемежавшихся нашими въедливыми настойчивыми вопросами о том, как вы тут без нас жили. Что-то ведь должно было стать причиной, вызвавшей у тебя такой тяжелый "грипп". Один раз ты была на вечеринке, но из-за этого вряд ли могло такое случиться. За два дня до того ты была в спорт-клубе, проплыла две тысячи метров, затем отправилась в сауну и обратный путь домой проделала на велосипеде. Да, конечно, велосипед... Но это же старая рухлядь, у него даже переключения скоростей нет... да, но и ход потому такой тяжелый — да-да, конечно, виной всему велосипед. (Этот старый голландский велосипед до сих пор очень любит Маттиас и всегда ездит на нем в университет на лекции.) Однако одна фраза, брошенная тобой, удивила нас и поставила в тупик уже в то воскресенье: "Если я действительно больна, то уже давно и очень серьезно".

В понедельник и во вторник температура пошла на убыль, но лучше тебе не стало, ты слабела все больше и больше. А там, где ребра, выскочила какая-то шишка, не похожая на синяк, и мы опять не знали, откуда она взялась. Правда, во время школьной экскурсии — месяц назад — ты ударилась как раз этим местом. В среду ты уже с трудом могла говорить: сидела в постели и хватала ртом воздух. Я позвонила папе, он примчался с работы, и мы поехали в больницу; необходимо было установить — простое это или двустороннее воспаление легких? Через час мы уже знали все — это злокачественная опухоль.

Сразу после просвечивания нам сказали, что тебя необходимо положить на лечение в стационар — твоя жизнь в серьезной опасности. Позвали главврача. Немедленно требовалась пункция — иначе ты задохнешься. Мы не отходили от тебя ни на шаг и видели, чтб за жидкость выкачивали из твоего легкого — она была красной. Вставив в канюлю второй шприц, доктор Петри отправил содержимое первого в лабораторию на исследование и тут же связался по пейджеру с шефом больницы доктором Тёбеллиусом. Он сказал при этом: "У нас здесь молоденькая девочка, думаю, она вас заинтересует". Вся процедура проходила при полной концентрации сил, в очень серьезной обстановке и без всяких объяснений и комментариев. Мы с папой старались сохранять спокойствие. Ты вела себя очень мужественно. После второго, а может, третьего шприца отсасывать жидкость больше было нельзя, мог развиться коллапс. Тем временем для тебя уже нашли койку в палате с другой молоденькой девушкой.

Устроив тебя там, мы пошли искать врачей. Доктора Петри мы отыскали внизу в лаборатории и напрямик спросили его, как он оценивает ситуацию. Так же напрямик он ответил нам, что, без сомнения, речь идет о злокачественной опухоли последней стадии. Какова ее морфологическая структура, сказать пока нельзя. Нас как громом поразило это известие, мы с трудом сдерживали себя, стараясь не впадать в панику. Во мне молниеносно

ожило воспоминание двадцатидвухлетней давности: лечащие врачи сказали моей матери и нам, четверым братьям и сестрам — мне было тогда девятнадцать, — что у нашей мамы опухоль в легком и что никакое чудо, даже сам Господь Бог, не сможет спасти ее. Через две недели она умерла. Я тут же поняла серьезность твоей и нашей участи. Но мы не могли перекладывать на тебя наши страхи, не хотели, чтобы они поселились в твоем сердце. Ведь теперь тебе понадобятся все твои силы, чтобы справиться с болями и тяжелым недугом. Мы не могли сказать тебе того, что уже знали сами.

Собственно, этот день задумывался как один из очень счастливых. Бабушка — папина мама — возвращалась из своего путешествия в Японию. Первоначально мы хотели встретить ее в аэропорту -и отпраздновать ее приезд. Это путешествие имело для нее большое значение. Много лет своей жизни она провела в Японии: ее мать была японкой, а отец — немец. Бабушка до сих пор прекрасно говорит по-японски. Дедушка (Цахерт-сэнсэй1) не один год преподавал японским студентам в институте в Мацумото немецкий язык и немецкую культуру и все еще не забыт там и

' Учитель (яион.) (Здесь и далее примечания пер.) .

пользуется большим почетом как известный японист. Этот почет и уважение к умершему "сэнсэю" перешли на бабушку, так что она, безмерно счастливая, благодарная судьбе, что смогла проделать в семьдесят четыре года такое грандиозное путешествие, возвращалась сегодня домой в Германию.

Еще находясь в больнице, мы все отменили и организовали по-другому. Но вечером — ты была очень усталой и совершенно измученной — мы все же хотели съездить к бабушке, чтобы поговорить с ней обо всем. Мне кажется, мы тогда еще не упоминали слово "опухоль", а говорили только об очень тяжелой болезни. Она дала нам для тебя золотой амулетик из киота, принадлежавшего семье Исикава. Господин Конос-кэ Исикава из Кавасаки был когда-то дедушкиным студентом. Амулет должен принести счастье, сказала нам бабушка.

По дороге домой мы еще раз заехали в больницу. В отделении дежурил молодой врач. Он предложил нам повидаться с тобой, но у нас не хватило мужества. Мы только постояли несколько минут под дверью палаты. Молодой врач утешал нас как мог и говорил, что ты спишь. Дома мы сообщили мальчикам пока только самые скудные сведения. Маттиас и Кристиан лишились дара речи. Они никак не могли взять всего в толк и еще не осознавали, что на них надвигается. Но я почувствовала, что этот день стал для обоих концом их детства и отрочества!

Мы с папой плакали и гадали, что сказать тебе, да и другим тоже; наконец в какой-то момент мы заснули.

Следующий день был насыщен активными действиями. Тебя продолжали интенсивно обследовать всеми доступными медицине методами. А мы получили задание собрать все твои, какие только были, медицинские освидетельствования, рентгеновские снимки, данные анализов, а всего этого у нас накопилось превеликое множество. С момента последнего обследования и месяца не прошло — рентгенограмма ребер и длиннющий анализ крови. Поводом послужил твой рассказ про школьную экскурсию на катере по каналам Голландии. Вернувшись из путешествия, ты пожаловалась, что очень больно ударилась правым боком. Мы послали тебя к нашему домашнему доктору. Но, к счастью, ни одно ребро не было сломано, и все анализы были в полном порядке.

Затем хранились еще целые "простыни" про твою операцию на голеностопном суставе. Летом тебя замучил некроз1, это было очень болезненно, и университетская клиника и профессор Дедерих посоветовали сделать операцию. К счастью, гистология ничего тревожного не показала. Тем не менее уже эту операцию ты восприняла как удар судьбы, потому что она не только ограничила твои элементарные занятия спортом, но и даже естественную свободу движений. Самым трагическим для тебя явилось запрещение играть в теннис — ты ведь уже стала заядлой теннисисткой! Твои кубки и сегодня стоят у меня в шкафу. И с занятиями йогой тоже пришлось навсегда распроститься. Согласиться со всем этим было для тебя ох как нелегко! Когда после операции сняли гипс, ты попыталась снова возобновить плавание и езду на велосипеде, пусть и в медленном темпе. Но тогда еще для

полного счастья тебе этого было мало. Нам еще только предстояло научиться быть скромными в своих требованиях к жизни!

Некроз — местное омертвение ткани.

Нам даже удалось раздобыть в детской клинике историю болезни за 1968 год. В возрасте двух лет ты чуть не погибла, упав и получив тяжелое сотрясение мозга. Мы выхаживали тебя целых три месяца, и у нас тогда было такое чувство, что Господь Бог во второй раз подарил нам нашу дочку.

Мы собрали все, что могли, но врачам, похоже, от этого было мало проку.

Во второй половине дня они уже знали на основании только что проведенных исследований, что из-за распространения опухоли произошла интоксикация всего организма. А мы этого пока не знали. Вечером к тебе в палату пришел доктор Тё'беллиус вместе с заведующим хирургическим отделением. Я наблюдала за ними. Они сели на твою койку позади тебя и принялись выстукивать твои ребра. Они не разговаривали, только обменивались понимающими взглядами. А под конец хирург любовно так провел рукой по твоей спине и молча округлил губы, как бы произнося "полным-полно". В этот момент я уже знала его решение: тебе сделают биопсию — произведут забор ткани, чтобы выявить характер опухоли. Но сначала надо было осушить легкое — это тебе сделают за несколько дней с помощью катетера. Такова была цель и задача ближайших дней.

В пятницу состоялся первый долгий разговор с доктором Тё'беллиусом. Он был очень внимателен к нам. Думаю, что с точки зрения медицины диагноз был убийственно безнадежным: саркома — опухоль соединительной ткани, одна из самых агрессивных ее форм. Но доктор Тё'беллиус все же попытался оставить нам немного надежды.

Я спросила его: "Как долго еще проживет наша Изабель?" Он ничего не ответил. Я не хотела отступать и потому сказала вместо него: "Если распад опухоли будет идти в таком темпе и дальше, она не проживет и пяти дней." Он только посмотрел на меня своими большими карими глазами. Я знала, что как медик он мерит все на дни и часы, если, конечно, не произойдет чуда. И вот именно эту веру в возможное чудо он и вложил в нас тогда. И что было еще важнее — он дал нам ясно понять, что эту веру мы должны передать и тебе. С этого дня мы испытывали к этому человеку величайшее доверие.

В понедельник должны были сделать биопсию. Мы все время были с тобой. А к тебе толпами шли посетители. Каждый хотел еще раз увидеть тебя. К счастью, все это так отвлекало тебя, что у тебя не оставалось ни минутки свободного времени и ты не задавала нам никаких вопросов.

В субботу из Мангейма приехали мой младший брат Зигфрид со своей женой Улли и месячной дочуркой Сашей и к вечеру пришли к тебе в больницу. Зигфрид изо всех сил старался сдержать слезы. Но, к счастью, при нем, как всегда, была его камера. Он смотрел на тебя только через глазок объектива и без конца щелкал. И ты, к счастью, ничего не могла прочесть в его глазах. И так радовалась маленькой Саше! Думаю, для тебя это было чем-то удивительно восхитительным, когда тебе разрешили подержать ее на руках. Она словно символизировала собой смысл жизни, и Зигфрид и Улли почувствовали это — им очень хотелось, чтобы часть жизненной силы этого крошечного существа передалась и тебе.

А ты начала писать письма. Еще в пятницу ты написала своей крестной Инее. Та уже полгода как

была больна раком, но ты и раньше была очень привязана к ней.

14 ноября 1981 г.

Дорогая Инее!

Я опять в больнице, но давай я расскажу тебе все по порядку. Ты, возможно, знаешь, что родители уезжали на неделю в Рим, воспользовавшись подвернувшимся случаем: Ролли, который ведет там семинар, улетел в США и квартира оказалась свободной.

Они уехали двадцать девятого на машине с друзьями и предоставили нам — пятерым подросткам — полную самостоятельность. А пятеро нас было вот почему:

1. Трое нас с моими братьями.

2. Одна девочка-иностранка (Мари), она будет жить у нас год. Это говорящая по-французски бельгийка, мы прекрасно ладим с ней и отлично понимаем друг друга (ей двадцать лет).

3. Еще у нас гостила моя подружка из Бельгии, я была у них осенью на каникулах (ее зовут Карелии Опше).

Но так как Кристиан с Маттиасом почти не несли никакой ответственности по дому, а от гостей этого и вовсе нельзя требовать, я полностью взяла все заботы на себя, правда, мне в этом мило помогала Мари.

В ту неделю меня вдруг стало мучить удушье, приступы нарастали с каждым днем, но я, конечно, к врачу не пошла, потому что думала, что это бронхит, и, кроме того, у меня полно было забот о братьях, да и квартиру надо было содержать в порядке. В пятницу Каролин и Мари уехали. Каролнн всю неделю провожала меня в школу.

В субботу я убралась в квартире, а вечером вернулись родители, переполненные впечатлениями о Риме.

Я, по-видимому, здорово напугала их, потому что была белой как мел, шаталась и все время

задыхалась.

В воскресенье утром папа немедленно отвез меня к нашему домашнему доктору, и та сказала, что у меня начальная стадия воспаления легких. С температурой и всякой прочей чепухой стало немножко лучше, но мне все больше не хватало воздуха и очень болело правое плечо, в каком бы положении я ни находилась. Тогда наш домашний врач записала меня в больнице на после обеда в среду на рентген, и не успели они сделать рентгеноскопию, как тут же объявили, что жизнь моя находится в смертельной опасности, так как в правом легком скопилась жидкость и давит на сердце и левое легкое. Они не отпустили меня домой и сделали пункцию. Весь четверг они обследовали меня, чтобы выявить причину заболевания. Из меня вытянули шприцем немного костного мозга, а в пятницу воткнули между ребрами резиновую трубку, и надолго.

Вот уж никогда бы не поверила, что позволю проделать над собой такие жуткие штуки. Но здесь в больнице все такие невероятно милые люди. Я ведь уже много раз лежала в больнице, но ни в одной из них не было таких милых людей.

В среду прилетела из Японии бабушка и привезла нам всем разные красивые и прелестные

вещицы, а Болько — моему дяде — она подарила “Walkman”, это такой малюсенький плейер с наушниками, а вчера Болько пришел да взял и отдал эту диковину мне. Я нахожу это очень милым с его стороны. Мама с папой навещают меня очень часто, и Кристиан с Маттиасом тоже много приходят. Пока каждый день бывает не меньше семи посетителей, а иногда их число доходит и до пятнадцати. Все очень ласковы со мной. Это так прекрасно!

Меня все еще очень часто спрашивают про твои часы, откуда, мол, такие шикарные. Я ношу их каждый день, и с большой охотой.

Передавай привет всем твоим близким и поцелуй их от меня. Желаю тебе всего-всего хорошего, моя дорогая Инее.

Твоя болящая Белли

P.S. У меня все болит, и поэтому я пишу так плохо.

В понедельник сделали биопсию. К счастью, наркоз ты перенесла хорошо, явлений сосудистой недостаточности не было. После этого тебя перевели в отдельную палату, и сестры поставили туда для нас вторую кровать, так что папа или я могли теперь оставаться с тобой и на ночь. Вот и настало для нас время раздумий и размышлений, интенсивных разговоров, сверлящих мыслей и самых мрачных снов и видений. Смогут ли они провести лечение? Есть ли у тебя шанс? Сколько ты еще проживешь? Сможешь ли окончательно выздороветь? Мы с папой старались оградить тебя от подобных вопросов и мыслей и обменивались только тревожными взглядами, пряча в них молчаливые вопросы, или выходили в крайнем случае на несколько минут из палаты. Возможно, что те же вопросы не давали покоя и тебе. Но ты еще боялась их открыто формулировать. А может, просто была очень слаба, чтобы всерьез задаваться ими.

Когда я лежала ночью без сна в твоей палате, в памяти всплывали картины последних двух недель жизни моей матери, ее неописуемые страдания, мучившие ее боли, полная отчаяния мольба о скорейшей смерти. Все это не шло у меня из головы. Я лежала рядом с тобой с открытыми глазами или склонялась над тобой, чтобы уловить твое тихое и слабое дыхание. Меня терзала чудовищная мысль: а может, я должна уберечь тебя, мою любимую Изабельхен, от этой горькой участи? К счастью, надежда на чудо удержала меня от этого шага. — Но как тяжело смотреть, как страдает родной и горячо любимый тобою человек!

И папа тоже думал ночами о тебе.

Ханс Цахерт Бонн, 17 ноября 1981 г.

Моя дорогая девочка! Прежде чем я лягу спать, хочу немного поболтать с тобой. Надеюсь, мне удастся заснуть, хотя мне так не хватает, что меня никто не чмокнет и не скажет: "Доброй ночи!" Если бы я это услышал, то тут же бы сладко и уснул, а так вот сижу и думаю, что ты там делаешь: спишь ли уже и не мучают ли тебя боли? Меня успокаивает, что с тобой мама. Если бы я мог взять на себя часть твоей хвори — хотя бы температуру и боли, — я бы сделал это не задумываясь, моя милая доченька, только бы ты скорее поправилась! Пусть тебе прибавит силы то, что мы все безмерно любим тебя, моя дорогая девочка. Как твой отец, я люблю и обожаю тебя, нашу маленькую крошку, подарившую нам столько добра, любви и счастья. Поправляйся скорее, чтобы быть опять вместе с нами дома. Нам очень не хватает тебя!

Мысленно целую и обнимаю тебя несказанно нежно и надеюсь, что ты приснишься мне. Сердечная любовь к тебе переполняет меня.

Твой папа

Светало. Начинался новый день. У нас опять был разговор с доктором Тёбеллиусом. Он пытался объяснить нам две вещи. Во-первых, чтобы мы научились смотреть правде в глаза. А правда эта леденила душу — болезнь с летальным исходом. Если реально взглянуть на вещи, то речь могла идти только о продлении твоей коротенькой жизни. С помощью той или иной терапии и, возможно, всего на несколько недель, в лучшем случае месяцев. Без лечения счет шел на дни. Давать гарантии и связывать себя обещаниями никто не'хотел, да и не мог. Во-вторых, в наших душах должна поселиться вера в надежду, вера в чудо. Ему уже известны такие случаи, когда медики не в состоянии были объяснить причину исцеления. И он рассказал нам несколько примеров из историй болезни, пытаясь вселить в нас мужество. Мы задали вопрос о химиотерапии — возможностях и условиях проведения курсов и их

эффективности. Он выразил надежду, что получит место в университетской клинике в Кёльне у профессора Егеря. Мы стали просить и умолять его оставить тебя здесь, в боннской больнице. Но доктор Тёбеллиус был непреклонен в своем решении. Если тебе вообще суждено иметь хоть какой-то шанс, то только в онкологическом корпусе профессора Егеря. То, что у тебя выпадут волосы и что пациенты во время химиотерапии чувствуют себя очень плохо и тем не менее вынуждены повторять эти курсы по нескольку раз, он нам тоже сказал. Мы совершенно пали духом. Что и как должны мы сказать тебе? Но он пообещал помочь нам.

После полудня мы вчетвером сидели на твоей койке. Доктор Тёбеллиус сообщил тебе результаты исследований и объяснил степень тяжести твоего заболевания. Он ни разу не произнес слово "рак", последовательно идентифицируя твою болезнь как "опухоль". На твой вопрос, не рак ли это, он спокойно ответил, что рак — одна из разновидностей опухоли; но мы-то уже знали, что у тебя — саркома.

Затем он спросил тебя, хочешь ли ты лечиться — если ничего не предпринимать, ты можешь очень скоро умереть. Ты ответила, что хочешь жить и потому согласна лечиться. Тогда он попытался склонить тебя в пользу клиники в Кёльне. Ты стала слезно просить и умолять его оставить тебя в больнице в Бонне, но он был тверд. Он уже связался с профессором Егерем, и есть перспектива получить место в понедельник. Он утешал тебя, рассказывая о своем друге профессоре Л., заведующем отделением у профессора Егеря, который сказал ему, что будет заботиться о тебе лично.

Нам всем троим было куда милее, если бы ты осталась в больнице в Бонне. Но нам не дано было заглянуть в будущее. Мы все трое были только жертвы. И были готовы на все ради малейшего шанса. Доктор Тёбеллиус пообещал навестить тебя в Кёльне. Со свойственным тебе шармом ты взяла с него еще дополнительное обещание, которое он впоследствии сдержал: когда в Кёльне подберут для тебя нужную форму терапии, пусть тебя лечат дальше в Бонне. Он пообещал, что на этот случай свободная койка для тебя всегда найдется.

Ханс Цахерт Бонн, 19 ноября 1981 г.

Моя дорогая Изабельхен!

Сегодня доктор Тёбеллиус сказал тебе и нам вместе с тобой, чтб у тебя за болезнь. Как мужественно и с каким самообладанием выслушала ты это. Я так горжусь тобой! У моей любимой дочери нервы куда крепче, чем у меня, хотя болезнь в первую очередь поразила именно тебя. Что за необыкновенный человечек моя дочь! Мы с мамой очень беспокоимся за тебя, однако глубоко убеждены, что ты находишься в надежных руках и наверняка получишь квалифицированную помощь, а с нею и исцеление. Нам сейчас нужно всем вместе собрать наши силы, чтобы ты смогла выздороветь. Мы твердо верим в это и хотим сделать для этого все возможное.

21 ноября 1981 г.

Мой милый папочка!

Твое письмо невероятно обрадовало меня, потому что в каждой его строчке так много любви ко мне.

Иногда я удивляюсь, неужели это про меня и я достойна всей этой огромной любви! Такие ситуации, конечно, очень важны в жизни. Они как бы взрывают время от времени серые будни и показывают нам всем, как сильно мы в действительности любим друг друга, и только всякие повседневные мелочи заслоняют от нас эту любовь.

Я теперь часто раскаиваюсь, что так легко раздражалась на Маттиаса, не проявляя никакого терпения. Я всегда думала, он терпеть меня не может, а он сейчас такой милый, такой ласковый, и я вынуждена признать, что часто бывала к нему несправедлива.

Я каждый раз заново удивляюсь, какой любовью ты меня окружаешь. Ты прямо читаешь по моим губам все мои желания. Маме я тоже очень благодарна. Я часто выхожу из себя, а она даже ни разу не вспылила.

Кристиан превратился в очень милого и разумного брата и во всем помогает Мари.

Все вы самые близкие мне люди! Я очень люблю тебя и чувствую, как ты тоже любишь меня. Как мне это нужно и как не хватало! Я впервые заметила это, когда была у Лу.

Тысячу раз целую тебя!

Твоя любящая, просто безумно тебя любящая дочь

Ханс Цахерт 21 ноября 1981 г.

Я только что прочел твое бесценное и такое содержательное письмо ко мне. Я очень тронут и благодарен тебе за твои теплые слова. Как я успел заметить, очевидно, в письме можно многое сказать более душевно и открыто, чем когда просто разговариваешь друг с другом, потому что легче дать волю своим чувствам. Я буду часто писать тебе и постараюсь сблизиться с тобой душевно настолько, как это у меня только получится, моя дорогая девочка. Это вовсе не так, что лишь сейчас, когда ты в больнице, все наши сердца обращены к тебе с любовью. Нам, родителям, всегда было ясно, что ты в нашей семье самое любимое и самое ласковое чадо из всех. Но такого не говорят своим детям каждый божий день, а вот когда наступают трудные времена, таящие в себе опасность, сказать об этом стоит, и это должно укрепить тебя, сделать сильнее и озарить счастьем. Если бы ты могла заглянуть в мое сердце, то увидела бы, что мама и ты — вы обе занимаете в нем особое место, мальчики тоже, но моя любовь к ним все-таки немного другая.

Моя бесконечно любимая девочка, мы молим Бога помочь нам и исцелить тебя. Я искренне и сердечно люблю тебя и нежно обнимаю.

Целую

Твой папа

Оставшиеся дни в боннской больнице были заполнены многочисленными посетителями. В субботу нам разрешили еще раз вымыть тебе голову. Мы все никак не могли решиться сказать тебе, что волос скоро не будет. В воскресенье снова пришел Зигфрид и сделал еще целую серию снимков. Фотографии Белли с конским хвостом, с копной волос, зачесанной кверху, с распущенными волосами, с откинутой назад головой и кокетливым взглядом. Вдруг тебе пришла в голову одна идея. Тебя все время мучила мысль, что у тебя нет рождественских подарков для других. Ведь через пять недель наступит Рождество! И тут ты подумала, а не подарить ли нам всем наше семейное фото? Кристиану и Маттиасу идея тоже понравилась, и тогда череда молниевых вспышек с новой силой захлестнула палату. Так прошло последнее воскресенье в боннской больнице. И никто из нас не проронил ни одного грустного слова, не издал ни единого вздоха или возгласа, не говоря уже о том, чтобы позволить себе раздражаться или сердиться друг на друга, хотя нервы у всех были натянуты как струна.

На понедельник заказали санитарную машину. Двое молодых санитаров доставили нас на этой машине в кёльнскую клинику. Поездка была ужасной — тебе стало плохо. Нам пришлось остановиться на автобане, ты вышла, и тебя вырвало. Тебе уже было очень плохо — и без химиотерапии.

Мы приехали в Кёльн, это было 23 ноября, нас попросили подождать. Тебя поместили в палату с пожилой женщиной. Профессор Егерь отсутствовал — был на каком-то семинаре за границей, но должен был на этой неделе вернуться. Палатный врач оказался ничего из себя не представляющим молодым человеком. Его имя я забыла, у него была черная бородка. Ты знаешь, кого я имею в виду. У него еще всегда были наготове на удивление пошлые и циничные ответы вроде: "Все мы однажды умрем, и никто не знает точно, когда". Только такого тебе как раз и не хватало. Профессор Л. появился после обеда. Это был первый светлый лучик в Кёльне: по-отечески заботливый, с собственным независимым мышлением врач. Назначить сразу курс лечения он не мог, необходимо было дождаться сначала возвращения шефа, а кроме того, сделать кое-какие дополнительные исследования.

На следующий день тебя ожидала компьютерная томография. Папа приехал к тебе после работы. Мы были очень расстроены, что не можем остаться с тобой на ночь — нам так и не удалось получить одноместную палату. Онкологическое отделение профессора Егеря располагалось в старом маленьком приватизированном корпусе, уже давно не соответствовавшем запросам сегодняшнего дня. После современной и такой приветливой боннской больницы мы испытали настоящий шок, что придется прожить тут не одну неделю. Сестры корпуса после многолетнего ухода только за онкологическими больными как бы очерствели и отвердели душой, да и силы их тоже были на исходе. Они прилагали максимум усилий, но когда рубцы от душевных ран образуют как бы сплошную панцирную корку, потому что иначе вынести это ежедневно невозможно, сложно все же остаться одновременно чутким и отзывчивым человеком. В тот вечер мы возвращались домой из Кёльна с тяжелым сердцем.

Когда я на следующее утро опять приехала в Кёльн, тебя уже увезли в главный корпус на компьютерную томографию. Койка была пустой, но я нашла на ней конверт с надписью: "Для родителей Цахерт".

24 ноября 1981 г.

Мои горячо любимые родители!

Мне так много надо было сказать вам, но сначала мне помешали, а потом я опять заснула, потому .что действие снотворного еще не кончилось.

Сейчас, когда вы не можете больше быть со мной каждую минуту, я ощущаю себя такой покинутой, такой одинокой и совсем маленькой и больной.

Я чувствую, как вы все еще важны для меня. И как нужны мне, как сильно мне вас не хватает в этой больничной суматохе.

Здесь, где я намного ближе к выздоровлению, я боюсь лишиться вас, потому что всем, кто здесь находится, я, в общем, безразлична, а вам — нет.

Я бесконечно люблю вас

Белли

За эту неделю в Кёльне в твоем легком опять скопилась жидкость. С каждым днем тебе все труднее становилось говорить. Тебе опять давали кислород. В эти дни я читала тебе "Маленького принца" Сент-Экзю-пери — часто с замиранием в сердце.

В четверг появился профессор Егерь — светило с мировым именем, врач с огромным практическим опытом. Вы оба присматривались друг к другу, испытывая обоюдное уважение. Для тебя это был человек, от которого ты ждала чуда. А ты стала для него — и чем

дальше, тем больше — необыкновенной пациенткой. Он был очень сдержанным человеком, но иногда мне казалось, что он смотрит на тебя как на свою внучку.

Он объяснил нам, что у него пока нет данных о морфологической структуре опухоли. Результаты гистологического исследования будут получены лишь через несколько недель. Но ждать так долго в твоем состоянии нельзя. Он чувствует себя так, пошутил профессор Егерь, будто попал в положение егеря1, стреляющего в лесу в полной темноте наугад, но знающего, что обязан точно поразить цель. И он уже принял решение попробовать лечение по схеме ХОК2. В тот же четверг тебе поставили подключичный катетер. В эту ночь, перед началом первого курса лечения, ты снова осталась одна. Должно быть, для тебя это была ужасная ночь, слишком велико было напряжение неизвестности, тебя мучили вопросы и страхи, боли и недомогание — у тебя сильно поднялась температура, тебя всю трясло, и тогда ты попросила позвать к тебе дежурного врача. Что он тебе сказал, я не знаю, но что

Охотник (нем.).

Курс химиотерапии по схеме, предложенной немецким профессором Хансом Отто Клейном.

он сотворил с тобой, я почувствовала сразу же на следующий день. Во всяком случае, он тебя основательно "просветил" и даже на счет того, что выпадут все волосы. В то утро мне стало абсолютно ясно, что мы совершили непростительную ошибку, не поговорив с тобой об этом сами. Но мужество — это такой дар, который нельзя купить, и по указке сверху оно тоже не появляется. Мужество надо взрастить в себе.

27 ноября 1981 г.

Милая, милая Лу!

Когда я получила от всех вас письма, я заплакала, потому что очень им обрадовалась. Я уже и сейчас радуюсь: вдруг когда-нибудь опять приеду к вам на каникулы?

В настоящий момент хороший отдых мне очень бы не помешал. Меня перевели в Кёльн, в эту противную университетскую клинику. Я лежу у профессора Егеря, очень знаменитого врача, в стареньком, стоящем на отшибе корпусе, и с понедельника до вчерашнего дня, то есть четверга, меня все время возили на исследования в главный корпус. У них здесь очень плохо с больничным транспортом, только маленькие "универсалы", и их приходится ждать иногда по часу в "коечном корпусе" — так здесь называется стационар: огромное современное здание.

А как раз вчера у меня опять было два тяжелых и болезненных исследования. Они отвезли меня туда в 10.30 и сначала взяли шприцем кусочек ткани из легкого, а потом ввели в вену до самого сердца тоненький катетер, просунув его под ключицу, а резиновую трубку пришили прямо к коже.

И теперь из меня день и ночь торчат десять сантиметров этой самой трубки. Когда они вчера все это проделали, было уже 12.30, но меня повезли еще на рентген, а после этого мне пришлось дожидаться обратного транспорта до 14.30. И тут я вдруг заметила, что вся трубка наполнилась кровью. А трубка висела на капельнице, я везде таскала ее за собой вместе со штативом. Все это, конечно, было ужасно, потому что кровь закупорила трубку и теперь ее надо было прочищать. Я постараюсь как можно дольше не возвращаться в этот противный корпус. Он такой большой, что этажи обозначаются так: —2; —1; 0; 1 ... 4 ...18. Я все время думаю, что я в аэропорту. Если бы мои родители не были так исключительно добры ко мне, не старались во всем помочь и не навещали бы меня так часто — и бабушка, и мои хорошие друзья, с ними мы всегда договариваемся заранее, — я бы не выдержала здесь первую неделю. Во вторник, когда пришла мама, я разревелась и плакала очень долго. В тот день

мне не везло с самого утра — стоило мне встать, как началось нарушение кровообращения, а потом меня первый раз повезли в тот корпус, а там меня никто не знал. У них почему-то не было ни одного направления, и мне пришлось пробивать все самой. В тот день мне также стало ясно, как тяжело я больна, и я показалась себе такой несчастной, как еще никогда в жизни. ,

В этом огромном больничном комплексе чувствуешь себя совершенно раздавленной.

Я мечтаю выбраться отсюда, и как можно скорее. После того как проведут первый курс, мне разрешат уехать на месяц-полтора, возможно, назад в больницу в Бонн, куда вы ко мне приходили и чему я так обрадовалась.

Вы даже не знаете, как я всех вас люблю. Вы могли бы стать для меня моей второй семьей. С Карелии мы так хорошо понимаем друг друга, а Мануэль так мило заботился обо мне, когда я была у вас целую неделю.

А может, меня даже отпустят домой. Я только должна во всем соблюдать осторожность, потому что у этого лечения много побочных явлений, мне про них еще не все известно. Возможно, у меня даже выпадут все волосы, но я согласна, пусть только не будет тогда ничего другого страшного,

Фотографии мне очень понравились, я сразу узнала те места, где они были сделаны. Если можно будет приехать к вам еще разок, я буду во всем помогать, чем только смогу.

Пожалуйста, передай всем своим привет. Карелии я напишу сама. Всех вас крепко-крепко обнимаю и сердечно целую.

Ваша Изабель

Лечение началось в пятницу. Ты блестяще перенесла первый сеанс, если сравнивать с тем, к чему здесь все привыкли. И отдельная палата у тебя тоже появилась, так что один из нас мог теперь оставаться с тобой на ночь.

В воскресенье папа приехал с Маттиасом и Кристианом. Радость, что мы наконец-то опять впятером, все вместе, была огромной и для тебя. Кристиан, проходивший практику в спортивном магазине, привез тебе на выбор четыре или пять спортивных костюмов, и тебе это было очень приятно. Но самой большой нашей радостью было, что после двух дней лечения тебе настолько стало лучше, что ты еще вчера смогла отказаться от кислорода. С сегодняшнего дня ты уже опять могла говорить громко и отчетливо и даже рвалась сама почитать вслух книжку. Еще никогда в жизни мне не приходилось испытывать, что счастье — такая трудная работа: с меня градом катился пот.

После обеда мы с папой "передавали эстафету". Так мы это называли, когда сменяли друг друга у тебя в палате. Я поехала с мальчиками к тете Еве и ее мужу, куда мы были приглашены вместе с бабушкой на первый адвент1. В этот день мое сердце переполняли самые радужные надежды.

Мы очень скоро поняли, насколько это важно, быть во время сеансов лечения всегда с тобой, и насколько зависит от этого успех самого лечения. Своим присутствием мы как бы гасили твои страхи, а если удавалось, переключали разговорами твои мысли на что-нибудь прекрасное, вселяющее надежду. Если представлялась возможность доставить тебе хоть малейшую радость, мы старались не упустить ее. Лечение по схеме ХОК длилось восемь дней и закончилось полным триумфом. Теперь уже можно было как-то организоваться. Мы стали думать, как лучше распределить между собой время. Нам с папой хотелось действовать наверняка, чтобы один из нас постоянно был с тобой. Я была занята на работе только полдня, у папы был полный рабочий день. Значит, единственный "джокер" был на руках у меня.

Я подумывала о том, чтобы вообще бросить работу, но тут последовал твой решительный протест. Ты

Первое из четырех последних воскресений перед Рождеством.

хотела, чтобы наша жизнь и дальше текла по возможности по заведенному руслу. К тому же ты знала, какое большое значение имела для меня работа. Любое кардинальное изменение привычных форм нашей жизни ты восприняла бы как нарастание неопределенности и неуверенности.

За это время вокруг нас уже сплотился круг друзей, готовых помогать нам во всем. Это была практическая помощь в обыкновенных житейских делах, но она помогала нам справляться с нашей главной проблемой. Это выражалось, к примеру, в том, что одна супружеская пара из наших друзей предоставила в наше распоряжение свою двухместную машину: "передавать эстафету" благодаря этому стало куда удобнее и быстрее, мы экономили время; или, например, наша соседка фрау Браун снимала на чердаке высохшее белье и складывала его для меня уже выглаженным. Инга, наша приятельница и мать твоей лучшей подружки Марен (отец Марен Ханс-Юрген и твой папа вместе играли маленькими детьми еще в Японии, ваша дружба с Марен была, так сказать, дружбой в третьем поколении, потому что твоя бабушка и бабушка и дедушка Марен дружат до сих пор), с радостью приходила навещать тебя, несмотря на то что Марен, страдавшая поперечным миелитом, постоянно сидела в инвалидной коляске. С Марен ты с самого начала ходила в один и тот же класс в гимназию имени Яна Коменского1, а подружились вы еще в пятилетнем возрасте. Марен тяжело заболела, когда ей исполнилось восемь.

Ян Амос Коменский (1592— 1670) — чешский педагог-гуманист, выходец из протестантской семьи, испытыал гонение со стороны католической церкви; своими трудами оказал огромное влияние на развитие мировой педагогики.

5 декабря 1981 г.

Моя дорогая Марен!

Твои письма всегда придают мне силы. Спасибо тебе за них. Стихотворение тоже чудесное. Я повешу его на стенку.

Ваш предрождественский календарь сулит мне много радости. Особенно мне нравится маленький ёжичек и круглый медальон.

Мне очень приятно, что моя учительница музыки фрау Белль написала мне. Скажи ей, пожалуйста, что я очень обрадовалась ее письму, оно очень взбодрило меня. И она очень постаралась сделать это.

Я думаю, ты всегда была тем, кто в самые трудные для меня дни лучше всех понимал меня. Поэтому ты и придаешь мне столько силы.

Вчера в разговоре по телефону я поняла, что ты чувствуешь себя не очень хорошо. Я и кто-то еще, мы часто думаем о тебе.

Моя дорогая Марен, обнимаю тебя, привет всей твоей милой семье,

Твоя Белли

Как только Инга выкраивала пару часов, чтобы побыть с тобой, она тут же сообщала об этом, чтобы я могла на это время съездить на работу. Инга помогла также разрешить проблему с

выпадающими волосами. После пяти или шести сеансов химиотерапии волосы превратились в изъеденный молью пук. Расчесывать свалявшиеся волосы стало невозможно. Так что, отрезать? Мы даже не смели об этом заикнуться. Ты потребовала, чтобы я принесла из дома твой красный беретик. Под него ты запихивала спутанную копну оставшихся волос. С мрачным юмором ты пошутила, что будешь выглядеть теперь, как попугай — на тебе уже была желтая пижама. Инга не вынесла такого твоего вида. Она обсудила с тобой, не лучше ли будет отрезать волосы. К счастью, вы так и поступили.

Бабушка тоже была для нас большой поддержкой. В свои семьдесят четыре года она ездила общественным транспортом из Бонна в Кёльн и брала на себя тем самым все предобеденные часы. Еще никогда в жизни мне не доводилось так осязаемо ощутить и оценить, в чем смысл и польза большой семьи или что такое подлинные друзья. Но закладывать дружбу и укреплять ее следует всегда заранее. А истинную цену отдельным друзьям можно распознать в такой трудной ситуации мгновенно, как при вспышке молнии. К счастью, мы ошиблись только в одной семье, которую считали своими друзьями. За все время они не проявили и тени искреннего участия. Хотя именно они видели от тебя столько добра; мне еще и сегодня очень трудно разговаривать с ними. Но они были и остаются единственным нашим разочарованием.

Даже Лу и Альберт, наши друзья из Бельгии, и те старались помочь нам и подбадривали тебя и нас. Если Лу чувствовала по телефону твою подавленность, она тут же садилась в Антверпене в машину и приезжала на несколько часов в Кёльн или Бонн, чтобы доставить тебе немного радости и отвлечь от грустных мыслей. А Карелии, ее дочь и твоя хорошая подруга, старалась стать для тебя хорошей собеседницей в своих частых письмах. За два последних года, когда вы ездили друг к другу в гости в Антверпен и Бонн, между вами зародилась искренняя и по-девичьи эмоциональная дружба. Аксель — единственный из детей Лу, кто писал тебе письма по-французски. Он говорил по-немецки вполне сносно, но писать хотел только на родном языке. Вообще, в семье Лу с ее четырьмя детьми, двумя собаками и множеством птиц в большом саду ты чувствовала себя очень вольготно.

17 декабря 1981 г.

Дорогой Аксель!

Я невероятно обрадовалась, что ты несмотря на всю свою занятость нашел время, чтобы написать мне. Я думаю, мне надо выучить французский хотя бы ради того, чтобы мы могли с тобой свободно общаться. У меня возникло немало трудностей, пока я до конца разобрала твое письмо! Однако я с этим справилась. Надеюсь, с моим письмом у тебя таких проблем не будет.

Я очень рада, что пока у тебя с экзаменами все в порядке. Так, собственно, и должно быть, потому что из тебя непременно получится отличный садовник. Ты очень интересуешься этим, можешь даже сам проводить опыты в своей теплице (за!гге?). Во всяком случае, ты должен знать, что я очень верю в тебя.

Я думаю, это будет самое прекрасное Рождество в моей жизни, потому что теперь я смотрю на это по-другому. Я так рада, что буду праздновать его не в больнице!

Дорогой Аксель, нежно обнимаю тебя и целую и надеюсь, что мы скоро увидимся.

Твоя Изабель

Через неделю первый курс лечения закончился. Мы все с нетерпением ждали новых результатов обследования. Компьютерная томография показала резкое сокращение

размеров опухоли. Мы были на правильном пути. Профессор Егерь придерживался мнения, что попал с методом лечения в самое "яблочко".

Теперь все дело было в том, чтобы справиться с лейкопенией1. Сразу после окончания курса лечения картина крови упорно оставалась плохой. Иммунная система была как бы выведена из строя. Любая невидимая бактерия могла запросто разделаться с тобой.

Чтобы избежать опасности заражения, мы должны были соблюдать строжайшую изоляцию. Нам предписывалось без надобности не выходить из палаты, а если уж нужно было, то в специальном халате и со стерильной маской на лице. Посетителей тоже пускали только в стерильных халатах и масках.

Ты писала Лу и всей ее семье:

9 декабря 1981 г.

Мои дорогие!

Я, собственно, хотела вчера вечером позвонить вам, но у меня очень болел рот (это такие сопутствующие явления при лечении), и мне трудно было говорить. Как вы уже знаете, курс в субботу закончился, и вчера меня опять обследовали, чтобы посмотреть, как он на меня подействовал.

Смотревший меня врач сразу с первого взгляда мог уже сказать нам, что дела с опухолью значительно улучшились. Я и чувствую себя хорошо и вот впервые на несколько часов осталась одна.

(1Уменьшение количества лейкоцитов (белых кровяных клеток) в единице объема крови.)

В данный момент у меня такой период, когда во мне совсем нет антител — защитных белковых веществ против гриппа и т.д. Поэтому до меня, по возможности, никому нельзя дотрагиваться, а тот, кто хочет войти ко мне в палату, должен надеть маску. Когда я приеду домой, то попрошу отрезать , остаток моих "прекрасных каштановых локонов". Так будет практичнее и легче для ухода в ближайшее время.

Хочу только оставить хипповый "ежик", в надежде, что все же понравлюсь вам при ближайшей встрече.

Я похудела за этот курс на шесть кило! Так что совсем неплохо, что до того у меня был кой-какой , жирок! Я думаю, что это Рождество будет для меня одним из самых прекрасных, и я так радуюсь, что опять буду дома, а это значит, что я сейчас способна вполне объективно осознавать, как хорошо я себя чувствую. Если вдруг случится такое, что у вас появится свободная минутка и вы не будете знать, чем ее занять, и у вас еще возникнет желание записать какую-нибудь музыку, я буду невероятно рада получить от вас кассету. Я сейчас очень часто слушаю "Walkman", а у вас, на вашу беду, так много прекрасных пластинок, я бы очень-очень обрадовалась новым записям.

И я заранее жутко радуюсь, что как-нибудь 1 снова увижу вас всех. А осенние каникулы кажутся мне теперь далеким прошлым.

Я всех вас очень люблю. И крепко-крепко целую—сердечно, нежно и звонко.

Ваша почти уже здоровая

Изабель

P.S. Привет всем четвероногим членам семейства!

Со строгой изоляцией было связано много бытовых трудностей, но мы старались и из этого периода извлечь что-либо радостное. Я купила себе и тебе прекрасные книги. Всю лейкопению ты прожила в мире героев "Унесенных ветром", а затем с Анжеликой и ее многотомными приключениями. А я читала про Микел-анджело и Винсента ван Гога. А кроме того, наши мальчики и дети Лу записали для нас прекрасную музыку на кассеты, и вскоре у нас появился даже телевизор. Позднее Кристиан и Маттиас оставались с тобой во время лейкопении на субботу—воскресенье или по два-три дня в каникулы. Мы старались в периоды этого вынужденного ограничения насладиться всем, что помогало развеяться или доставляло прекрасные душевные переживания.

В эту первую лейкопению главной темой для тебя стало Рождество. У тебя появилась огромная потребность доставить веем-веем радость. Ты вязала шапочки и писала письма. Ты даже написала письмо своему старому классу, его прочел им твой классный руководитель. К сожалению, мне не удалось отыскать это письмо, но я помню его содержание. Тяжело заболев, ты осознала, какой это подарок судьбы — иметь возможность учиться, и ты ясно выразила эту свою мысль, присовокупив к ней соответственно испытываемую тобой благодарность. Если бы я была учителем, я вставила бы это письмо в рамку. А вот твое предрожде-ственское письмо к Инее сохранилось.

12 декабря 1981 г.

Дорогая Инес!

Хочу пожелать тебе и твоей семье счастливого и радостного Рождества. Надеюсь, что Новый год принесет тебе и всем вам много доброго и много счастья.

Уходящий год, похоже, принес больше бед, но каким бы плохим он ни был, я все-таки не хотела бы прожить без него — у меня было столько прекрасных бесед с моими родителями, и еще потому, что теперь я намного быстрее делаюсь довольной н счастливой и только теперь я осознала, какое это счастье — быть здоровой.

За это время на меня обрушилось столько любви, что я об этом никогда раньше и помыслить не могла.

В обычной жизни у всех всегда так мало времени, а стоило мне заболеть, как у всех оно сразу нашлось для меня.

Это может сделать человека по-настоящему счастливым, и такое большое участие придает мне силы и мужество. Мы уже сейчас строим с родителями планы, где мы проведем все вместе летние каникулы в их отпуск, чтобы я могла окончательно поправиться, а мои родители хорошо отдохнуть.

Моя дорогая Инес, желаю тебе всего хорошего. Всем своим передай приветы и поцелуй их от меня.

Твоя Изабель

Ты прослышала про праздник, который я решила устроить в честь Рождества для сестер и врачей отделения в Кёльне. Я купила для каждого маленькую бутылочку шампанского, и мы запаковали их, как аптечные пузырьки с лекарством, привесив к каждой бутылочке маленькое персональное поздравление, похожее на рецепт, — так каждый мог узнать, какое лекарство ты бы ему прописала. Одному — средство от

изнуряющего беспокойства, другому — против прогрессирующей самоуспокоенности, а профессору Егерю — особый порох, чтобы он и впредь мог так же уверенно поражать опухолевые клетки!

Среди поздравлений были очень веселые придумки и остроумные находки, и на следующий день мы только и слышали со всех сторон, сколько радости и веселья вызвало это у всех. Вскоре после того ты стала общей любимицей отделения.

17 декабря 1981 г.

Моя дорогая Каролин!

Надеюсь, что ты успешно сдала все экзамены. з Я уже прослушала твою с Кэти кассету, и она мне ч. очень понравилась.

Я так рада, что мне разрешили уехать на Рождество домой. Я писала вам, что хочу очень « коротко остричь волосы, но, похоже, из этого уже ничего не выйдет — все волоски проявили неожиданную самостоятельность, взяли и выпали почти все до единого, а жалкие остатки я срежу сегодня после обеда сама. Это мой единственный шанс сделать себе собственноручно стрижку — испортить-то ведь больше уже ничего нельзя.

Моя дорогая, любимая Каролин, надеюсь, мы скоро увидимся! Я очень тебя люблю!

Твоя Изабель

18 декабря мне разрешили забрать тебя домой. Улицы и даже автобан были завалены снегом. Папа уехал в Висбаден, он был членом экзаменационной комиссии. Я обещала тебе и ему приехать за тобой после работы на нашей машине. Но сдержать обещание не представлялось возможным — мешала погода. Не зная, что делать, я обратилась за помощью к одному из наших друзей. Он выслал мне машину помощнее и с шофером, а также с обогревом и радиотелефоном. Я приехала на три часа позже, чем мы договорились. Ты встретила нас очень кисло, в конце концов, это были потерянных три часа оставшейся тебе жизни, три часа бесценного для тебя времени: на свободе и без болей, другими словами — жизненного времени, отмеченного знаком высшего качества.

В Кёльне нам вручили на прощание рецепт, а также сообщили уже назначенный срок следующего курса лечения — 28 декабря 1981 года. Следовательно, у нас было девять полноценных дней, и к тому же на Рождество.

Мы старались сделать каждый день один лучше другого. И еще — чтобы ты опять нравилась сама себе. Смотреться в зеркало тебе больше не хотелось. Химиотерапия съела волосы, словно моль, да еще и мы обкорнали их крайне неумело. Такой ты себе никак не нравилась. И тогда я пригласила к нам домой своего мастера из парикмахерской за углом. Старый добрый господин Беккермайер пришел лично и выстриг остаток свалявшихся волос, оставив на голове только пушок. Так по крайней мере можно было полюбоваться твоей складненькой головкой. Этот пушок был тебе очень к лицу, и твои красивые, выразительные глаза стали еще заметнее. Почему же мы не сделали так с самого начала лечения?

К Рождеству надо было готовиться, не мешкая ни минуты. Елку нам купили друзья, подарки тебе и нам прибывали ежедневно. О рождественских пряниках и коврижках побеспокоилось

сразу несколько приятельниц. Мы ощущали поддержку и сочувствие со всех сторон и радость, что ты сможешь побыть несколько дней дома.

В тревоге последних недель мы с папой совершенно забыли, что 22 декабря двадцатилетняя годовщина нашей свадьбы. Тебе известна наша особая любовь торжественно отмечать все важные и особенно приятные даты нашей совместной супружеской жизни. В одиннадцать утра я как раз проходила мимо ресторана и торгового дома "Матернус", когда мне вдруг как в голову стукнуло: 22 декабря! Я подумала: "Быть такого не может! Двадцать лет замужем за одним и тем же человеком, и ты забыла!!!" Я подошла к фрау Матернус и спросила, нет ли у них на вечер отдельного свободного кабинета и официанта без насморка и кашля (число лейкоцитов все еще по-прежнему оставалось довольно низким.) Да, такая возможность была! Мы быстро обсудили праздничное меню, я объяснила ей ситуацию с тобой и скорее побежала домой. Уже пробило двенадцать часов, в восемь вечера я хотела отпраздновать годовщину нашей свадьбы в ресторане "Матернус", а мои гости даже еще и не подозревали об этом!

Ты так и загорелась! Папа на весь день уехал в Висбаден и должен был вернуться в Бонн только к восьми часам — коллеги хотели попраздновать после работы по случаю Рождества. Мы решили устроить ему сюрприз. Про Кристиана, Маттиаса и Мари беспокоиться было нечего. Тетя Бригитта и бабушка, наши друзья Инга и Ханс-Юрген, Хайо и Лёв, все из Бонна, согласились не думая. Зигфрид и Улли из Ман-гейма и Лу и Альберт из Антверпена практически должны были садиться в машину сразу же после моего звонка, и это несмотря на снегопад и гололедицу.

Я позвонила в Висбаден и попросила передать папе, чтобы он ехал прямо в ресторан.

Мы все собрались там уже в половине восьмого. Тебя усадили на самое почетное место и предоставили право выбрать себе партнеров слева и справа. Твой выбор пал на Хайо и Ханса-Юргена. Я полностью его одобрила. Лёв, к сожалению, не смогла прийти, она опасалась, как бы не заразить тебя своим кашлем. И решила лучше подарить тебе прелестное маленькое колечко с гранатом, его принес Хайо. Я и сегодня еще ношу его. Настроение у всех уже давно было праздничным, когда около восьми появился совершенно замученный папа. Он вошел и только тогда сразу понял, что празднуется годовщина нашей свадьбы, и очень этому обрадовался. Мы веселились, испытывая благодарность за подаренный нам вечер. К десяти часам ты очень устала, и мы поехали домой.

Конечно, этот праздник забрал у тебя много физических сил, но и придал тебе не меньше сил духовных. Мы все пребывали в состоянии глубочайшего счастья.

В сочельник нам хотелось сходить в церковь на рождественскую мессу. Ты настаивала на том, чтобы мы пошли. Наше отношение к приходской церкви несколько охладело, после того как священник, конфирмовавший1 тебя, перешел в другой приход, а новый приходский священник как-то не вызвал у нас таких же теплых чувств. Маттиас записался на занятия с конфирмующимися вместе со своими школьными дружками в другом приходе. Там мы и прослушали с сыновьями под собственные рыдания рождественскую

(1 Конфирмация — у протестантов обряд приобщения к церкви юношей и девушек, достигших 14 лет.)

мессу. Наши просьбы и желания, которые каждый из нас должен был подать на записочке в виде красной звезды, оказались у всех одинаковыми: "Чтобы Белли выздоровела!" Придя домой, полагалось раздать всем рождественские подарки. Хотелось сделать по возможности все так, как это было всегда. Папа зажег на елке свечи, и мы попробовали спеть "О! Радостная и тихая ночь..."1.

Ох, лучше бы мы этого не делали! Свечи сожгли кислород, тебе стало не хватать воздуха, и у нас у всех сжалось сердце и выступили слезы на глазах — на тебя невозможно было

смотреть, ты задыхалась. Кто-то из нас распахнул балконную дверь, чтобы тебе стало легче дышать. Понемногу успокоившись, мы принялись дарить друг другу подарки. Самым радостным для тебя было раздавать те подарки, которые ты сделала сама. Я получила от тебя связанный тобою белый пуловер, Маттиас — теннисную жилетку. Он и сегодня носит ее.

На распаковывание подарков и чтение трогательных писем ушли часы. Люди, которые на время выпали из нашего непосредственного поля зрения, старались ободрить тебя и порадовать нас. Я хорошо помню эти знаки внимания с пожеланиями надежд на лучшее. Слух о твоей тяжелой болезни распространился среди супруг японских журналистов и дипломатов в Бонне — кругу друзей твоей бабушки. И тогда эти дамы сговорились сделать для тебя гирлянду из бесчисленного множества пестрых бумажных журавликов, которых они умели складывать из цветной бумаги, и они прислали тебе эту гирлянду в подарок как символ надежды на

(' Самая известная из немецких народных рождественских песен.)

скорое выздоровление. Несмотря на большое душевное потрясение, этот вечер все-таки стал для нас благословенным праздником.

На второй день Рождества мальчики уезжали в Шварцвальд, в Альтгласхюттен, к чете Бек, у которых мы вот уже четырнадцать лет подряд снимали на рождественские каникулы квартиру в их бывшем подсобном сарае на гумне. Хозяева туристического пансионата — Герда и Эрнст — стали за эти годы нашими друзьями. Герда позвонила еще перед Рождеством и пригласила к себе мальчиков. Пусть приезжают, когда захотят. И они поехали. Так как 28 декабря надо было опять возвращаться в Кёльн, нам пришлось бы разрываться на Новый год, если бы мальчики остались дома, а ты лежала в клинике. Для нас это было подарком свыше.

Как бы мы хорошо ни понимали, что должны сейчас сконцентрировать все наши силы, время и любовь на тебе, тем не менее мы ясно осознавали, что Кристиан и особенно Маттиас тоже остро нуждаются в нас в это тяжелое для всех время. В конце концов, Маттиа-су было всего четырнадцать, да и Кристиану только девятнадцать. Все это время они практически почти полностью были предоставлены сами себе.

Тереза, женщина из Португалии, помогавшая мне по хозяйству, делала все по дому наилучшим образом, у нее было добрейшее сердце и материнская душа, но заменить им отца с матерью она никак не могла.

И вот они уехали к Герде — у той было большое любвеобильное сердце, а кроме того, они обязательно встретят там многих своих друзей.

Какие случайные опасности подстерегали нас на каждом шагу из-за огромного душевного перенапряжения всей семьи, наглядно демонстрирует следующее забавное происшествие. Как уже было сказано, в тот год выпало очень много снега, и в Шварцвальде тоже. Друзья встречали наших сыновей на перроне.

Кристиан вышел из вагона и — попал в объятия! А Маттиас где? Да он только что был в купе! Все стали громко звать его, обшарили весь поезд, вот и вагоны уже дернулись. После того как поезд отошел от станции, все увидели Маттиаса по другую сторону путей — он стоял там с чемоданом, наполовину провалившись в сугроб. Маттиас сошел с поезда не с той стороны. Все дружно засмеялись, но эта рассеянность, когда мысли заняты другим, могла ему дорого обойтись!

28 декабря мы снова отправились в Кёльн. На этот раз мы уже были из числа "стареньких", нас знали и тепло приветствовали. Нам тогда еще было неизвестно, что в любом онкологическом отделении по мере прохождения курсов лечения больные образуют как бы тесную общину людей с одинаковой судьбой, сживаются и срастаются в единое целое. Вот

эту молодую женщину мы, конечно, видели еще в ноябре. Она так ловко повязывает косынку на голове. И эту пожилую даму с завидной копной густых белых волос тоже. Надо бы расспросить потом поподробнее об этом Бас-ти, уборщицу-испанку, ставшую душой отделения.

Мы пришли в "нашу" старую палату. Она уже стала для нас как бы частью нашего дома. На этот раз мы привезли с собой телевизор и твою флейту. Я официально взяла отпуск и могла не рваться и не дергаться. Не испытывая угрызений совести по отношению к мальчикам, могла спокойно оставаться с тобой. 29 декабря тебе опять поставили подключичный катетер, а 30-го начали новый курс. Этот подключичный катетер я не забыла до сих пор. Мы поехали на больничном автобусике в главный корпус — это еще куда ни шло. Поставить катетер в вену на шее не такое простое дело. Но каждый раз это проделывал другой врач, совершенно незнакомый человек. Этот же молодой доктор попросил меня выйти. Однако он не на тех напал! Мы обе настояли на том, чтобы я осталась. Потом он даже был рад этому. Потому что я частично восполнила то, чего не могла предоставить нам эта гигантская клиника, а именно — неиндифферентного, по-человечески душевного медика. Ну почему в больницах не прибегают шире к помощи матерей? Катетер был поставлен, и тебе было сказано, что ты можешь встать и должка держать рукой обязательно на уровне головы флакон, откуда начнет поступать лекарство в катетер. Твоя рука превратилась, так сказать, в штатив. А в остальном нам позволено было вернуться назад в отделение.

Через полчаса после этой процедуры ты снова оказалась в своей палате. Я была глубоко подавлена. Надеюсь, ты ничего не заметила.

Во всех этих клиниках все время твердят об улучшении условий жизни больных и не понимают, что эти условия и их качество начинаются для людей, особенно тех, которые ведут счет оставшейся жизни на недели и месяцы, с повседневных будней больницы! Качество жизни определяется для этих пациентов не только степенью мучающих их болей, но и гуманностью отношения к ним и поддержанием их человеческого достоинства. Третий фактор — это свобода и возможность самостоятельного передвижения.

31 декабря приехал папа. Новый год мы хотели встретить втроем. Но у нас было только две койки.

Одному из нас двоих предстояло уехать домой, но никому не хотелось. Я уже не помню, как мы разрешили эту задачу. Знаю только, что последние часы уходящего года мы провели довольно весело. Сначала мы играли в скат. Это было очень забавно. С психологической точки зрения папа сидел меж двух стульев. Нормальным образом он всегда брал все взятки, вел таким образом игру и, конечно, в итоге выигрывал. На сей раз ему очень хотелось осчастливить этим тебя, и он все делал для того, чтобы ты выиграла. Это приводило к весьма странным ходам с его стороны. Обычно в игре мне всегда отводилась роль "подсадной утки", не составило большого труда сыграть ее и на этот раз.

На Новый год мы организовали что-то вроде праздничного стола. И пригласили к себе ночную сестру тоже. К счастью, тебя не раздражало наше пиршество. А в полночь мы устроили для тебя фейерверк.

Но еще до того мы от души посмеялись, посмотрев по телевизору английский скетч "Ужин на одного". Новый год начался. Что-то он принесет нам? Мы задавали тот же вопрос, который задают себе все люди на земле на пороге Нового года. Только перспективы у нас с ними были все же разные. Повернется ли колесо Фортуны к лучшему или Новый год поставит точку в твоей судьбе?

6 января закончился второй курс лечения по схеме ХОК, и ты опять хорошо с этим справилась. Теперь мы уже знали, что в первые дни после окончания курса болей у тебя совсем не будет. И в эти бесценные для тебя дни ты хотела получить от жизни как можно больше и провести их, конечно, на свободе. Сначала ты, как Цирцея, увещевала профессора Л.: ты и дома могла бы... И насморка и кашля там вокруг гораздо меньше... Зачем же так узко смотреть на вещи, вот здесь, например, постоянно приходит Басти с половой тряпкой... Под конец ему не осталось ничего другого, как сдаться, и не столько под напором твоих аргументов, сколько под обаянием твоего шарма. Первый бастион был взят. Теперь еще

нужно было убедить профессора Егеря. Это была задача потруднее, но твоим огромным карим глазам удалось и это. После первых пяти дней лейкопении тебе разрешили уехать домой. Но до этого тебе еще сделали несколько раз переливание крови, чтобы лейкоциты восстанавливались быстрее. Ты пообещала профессору Егерю, что в первые дни не будет никаких гостей.

Было ощутимо, что дела идут в гору. Физически ты чувствовала себя лучше, и ближайшие три недели своей жизни могла провести дома. Когда число лейкоцитов уже достаточно увеличилось, твоим друзьям разрешили навестить тебя. Еще чуть раньше мы купили несколько париков. Из парикмахерской их принесли на выбор, какие только душа пожелает: с длинными волосами, короткими, с челкой и без. Один парик был ужаснее другого, потому что даже самый лучший парик не может заменить собственных волос. Тебе пришла в голову идея носить шляпки и береты. Тогда из-под них выглядывало бы только несколько кончиков искусственных волос, и с этим ты готова была примириться.

Можно было приглашать друзей. И они пришли, даже появилась Марен в своей инвалидной коляске. Сколько же усилий стоило это Инге и Хансу-Юргену! И как помогла тебе Марен, показав своим примером, что значит уметь принимать удары судьбы и научиться быть счастливой в тот остаток жизни, который тебе еще отпущен! Вот уже семь лет она стоически несла свой крест и по зрелости, умению переносить страдания и планировать свою жизнь, превосходила вас всех. За все время твоей болезни она была для тебя самым главным примером и давала тебе столько сил! Именно в эти дни ты впервые задумалась, а действительно ли так уж невозможно счастье в жизни без тенниса?

В эти дни мы облегченно вздохнули всей семьей, потому что именно этот перерыв в лечении оказался самым безоблачным и самым беззаботным. Мы были уверены, что отныне дела будут идти все лучше и лучше. И жизнь потекла для нас опять более-менее нормально. Папа уходил на работу, Кристиан — в магазин, Маттиас и Мари — в школу, я — в контору. Тереза, наша домработница, появлялась каждое утро, и я уходила из дому еще до восьми и была рада, что могу поработать несколько часов до и после работы. Ты чаще всего спала до десяти утра, потом принимала ванну. Иногда приходила бабушка или одна из моих приятельниц. Бабушка часто приносила японскую еду — она или готовила ее сама или ее японские подружки передавали нам через нее бенто1. Частенько ты звонила мне около одиннадцати на работу, и мы намечали планы на вторую половину дня. Большим подспорьем для меня было, что место моей работы находилось в пятистах метрах от дома. Меня никогда не покидала уверенность, что в случае беды я тут же окажусь рядом. И для тебя так тоже было спокойнее. Когда я в двенадцать приходила домой, квартира была уже

(1 Японский набор продуктов к завтраку или в дорогу.)

убрана и обед готов, так что вторая половина дня и вечер были в нашем распоряжении.

Незадолго перед началом третьего курса мы даже вышли в город за покупками. Ты очень радовалась этому. Мы покупали разные мелочи — тут красивую коробочку для чая, там маленькое серебряное колечко или пляжную сумку на лето. Никаких обязательных будничных покупок, все только мелкие незначительные предметы люкса. Но для тебя то кольцо означало украшение из драгоценного металла с жемчужинкой, и ты давно мечтала, что, когда станешь взрослой женщиной, получишь такое в подарок; маленькая изящная коробочка для чая была для тебя уже частью твоего приданого, а пляжная сумка помогала поддерживать мечту о Карибском море.

Еще никогда в жизни я не испытывала столько радости от "хождения по магазинам". И я была благодарна, что наше финансовое положение позволяло нам это. Л ведь сколько есть родителей, дети которых страдают онкологическими заболеваниями, а они могут купить разве что только самое необходимое, а часто даже и этого нет?!

Чудесные дни, проведенные дома, подходили к концу. В понедельник 1 февраля 1982 года ты должна была снова вернуться в клинику в Кельн. Но в воскресенье мы еще хотели хорошенько повеселиться. Нам всем хотелось провести его вместе с семейством фон Мольтке. Мы знали их и их детей еще с начальной школы. Йохаинес и ты потом вместе пошли в гимназию имени Яна Коменского и даже в один и тот же класс. Близнецы — Доротея и Даниель — были одного возраста с Маттиасом. Мальчики очень дружили, и для нас это был как подарок судьбы, Мы чувство-

вали, как одиноко было Маттиасу все это время, но ничем не могли ему помочь. Мольтке окружили его радушием. Родители, Ульрика и Конрад, сказали ему, что их дом — это всегда и его дом, и не только символически вручили ему ключ от него, но и заверили, что он желанный гость для них в любое время.

Мы встретились с ними в клубе на Ьгипсп1 и весело провели этот выходной. Своего четвертого ребенка — последыша Якоба — они тоже взяли с собой. Это было непринужденное и радостное времяпрепровождение, и в это воскресенье у нас не было никаких мрачных мыслей.

I февраля мы поехали в Кёльн. Уже несколько дней у тебя болела левая нога. Было ли это связано с операцией на лодыжке в прошлом году? Может, тебя беспокоили гвозди, которые все еще оставались там?.. Или это уже метастазы? Тебе сделали сцинтиграмму1 костей. Врачи так и не пришли к единому мнению. Отчасти вроде что-то уже просматривалось, отчасти можно было надеяться, что твои жалобы вызваны сидящими там гвоздями. Было решено удалить их после двух последующих курсов химиотерапии. Объяснения врачей отличались расплывчатостью и неопределенностью. В принципе это не соответствовало твоему нраву, и ты не должна была бы этим удовлетвориться, но мы настолько были заняты лечением твоей основной болезни, что как-то не стали уж так серьезно задумываться над всем этим.

Нам вдруг разрешили съездить домой даже посреди курса. Четвертый день лечения по схеме ХОК сво-

(*1 Поздний завтрак (англ.).*

1 Метоп радиоизотопного исследования.)

боден от сеанса, и он совпал как раз с субботой. Мы воспользовались, что обход делал профессор Л,: спросить по крайней мере можно было! Я понимала всю тяжесть ответственности и грозных последствий для врача, разрешающего такое, — прав у него на это не было. С другой стороны, мы оба знали, что часы, проведенные дома, эти несколько часов нормальной жизни, оказывали на тебя такое же положительное действие, как половина курса. Они помогали стабилизировать твое душевное равновесие. Дни мучительной терапии уравновешивались днями жизни без болей и вне стен больницы. И каждый полноценно прожитый день укреплял твою готовность переносить эти тяготы и дальше. К счастью, профессор Л. понимал это и отпустил нас домой.

Ну почему больничная администрация не предоставляет врачам большей свободы, чтобы в случаях с тяжелыми больными они могли оператиано принимать собственные решения?

Во время проведения этого курса ты часто впадала в депрессию и отчаяние. Тебя очень угнетало, что твоя болезнь так отражается на нашей обшей жизни. Я хорошо помню один наш разговор. Ты заговорила о том, что отравляешь своей болезнью всем нам жизнь. Я попыталась тебе объяснить, что не воспринимаю так все свои тяготы, а рассматриваю их как возможность выстроить более тесный контакт в отношениях со своей дочерью. Моя жизнь еще никогда не была наполнена таким глубоким смыслом. Ведь я могла теперь одним только своим "присутствием" избавить человека от страха или хотя бы уменьшить его. Возможно,

отправной точкой твоего вопроса послужило небрежно оброненное замечание одного незнакомого дежурного вра-

ча, который увидел нас вместе в субботу в твоей палате сначала утром, потом вечером и, очень удивившись, неожиданно произнес: "Как, вы все еще тут?" — "Я живу здесь со своей дочерью, пока она проходит курс химиотерапии. Я провожу здесь свой отпуск!" Не веря своим ушам, он сказал: "Как? Вы проводите здесь, в больнице, свой отпуск?" Он очень удивился, но в голосе его прозвучала нотка уважения. Я взяла на фирме десять дней отпуска. Абстрагируясь от грустных обстоятельств, это было для меня чудесное время: я могла без гонки и нервотрепки полностью посвятить себя тебе и чувствовала, как благотворно это влияет на тебя, что опять же делало меня глубоко счастливой.

В это же время ты познакомилась с фрау д-р П. Она была заведующей отделением в детской кёльнской клинике, и мы знали о ней уже лет десять. В момент отчаяния я захотела встретиться и поговорить с ней. Она очень помогла мне своими советами, а главное, она умела слушать, как никто. Именно от нее я научилась тому, что можно жить и с мыслью о смерти и что вовсе не обязательно оказывать тяжело больному человеку сомнительную для него услугу, стараясь отогнать от него эти мысли. И что каждый человек борется по-своему, когда сталкивается с трудностями и узнает, что это для него последний бой в его жизни. Но самым важным было то, о чем она заставила меня подумать заранее, — как пройти весь этот путь и в самом конце его отпустить любимого человека, чтобы он мог умереть с миром. Я поняла, мне нужно использовать каждую минуту, пока мы вместе. Не во временном продлении твоей жизни лежит исполнение предназначенной нам судьбы, а в той доброте и глубине общения, какой мы наполним дарованный нам Богом общий отрезок жизни.

Ты радовалась каждый раз, когда фрау д-р П. навещала тебя в клинике, и между вами возникла со временем атмосфера глубокого внутреннего доверия, переросшая позднее в теплую искреннюю дружбу.

А в начале февраля тебе написал письмо Маттиас, и оно очень обрадовало тебя.

Дорогая сестра!

Не знаю, как начать, но, пожалуй, с того, где и как я с тобой впервые встретился. Думаю, это случилось, когда я еще лежал в колыбельке. Ты всегда была — и остаешься такой же и сегодня — очень умненькой девочкой. Прыгала и скакала везде и всюду. Остановить и утихомирить твой темперамент и веселый нрав не было никакой возможности. Но время шло, и мы росли. Ты всегда была со мной рядом, как и впредь тоже будешь всегда рядом со мной, и помогала мне во всем чем могла. Я был тогда — и так все еще и остаюсь — маленьким, принимал все, как должное, не придавая этому особого значения. Но когда я немножко подрос, как и ты, то увидел, что у нас есть силенки — и сегодня они еще тоже есть — и понял, что их можно на что-нибудь употребить, например, чтобы позлить друг друга, но сегодня-то я знаю, что это было лишь озорство, потому что мы всегда любили друг друга, как любим и сейчас.

Время текло. И ты, свой в доску "кореш", превратилась в маленькую красивую девочку. Мы вступили в новую фазу отношений. Мне кажется, я испугался, что потерял отличного товарища по играм, остался сидеть играть в песочек один, поэтому я стал тиранить тебя, обзывал разными словами: воображалой, девчонкой, которая "мажется" и не хочет больше водиться с маленькими. И особенно, когда я чувствовал себя обиженным, потому что папа был с тобою ласковее, чем со мной, а что же дальше-то будет? Это была — так я думаю — просто ревность, потому что мне тоже хотелось, чтобы меня немножко любили, особенно маленькая "фройляйн", я и сейчас все еще этого хочу. Но время не стояло на месте, мы еще выросли, и пришла пора, когда ты начала ходить в детский сад. А меня туда пока не брали. Это было самое горькое для меня время. Я видел тебя снова только в двенадцать, когда ты возвращалась из сада. Я всегда стоял и ждал у окна, я так скучал по тебе. Вот наконец я видел твою маленькую головку, она поворачивалась ко мне и посылала мне сияющую улыбку, как лучи восходящего солнца, — она всегда приводила меня в такой восторг!

Как же я радовался, когда наконец тоже пошел в детский сад, крепко держась за подол твоей юбки, как за руку, а ты тут же отправила меня играть с другими детишками, которые там были; и я подумал, ты больше не хочешь со мной водиться, но это было не так, ты только хотела мне показать, что я не должен все время находиться при тебе и мне надо пойти познакомиться с другими ребятами в саду. Это очень мне помогло. Но потом пришло время, и ты перестала ходить в детский сад. Потому что пошла уже в школу. А я опять остался маленьким, совсем маленьким, никому не нужным на свете мальчиком. Но и мое время в детском саду закончилось, и я тоже пошел учиться в начальную школу, в первый класс. Как же было здорово, когда ты меня так радостно встретила там! Ты уже была второклашка, и благодаря твоей улыбке тебя уже окружали целые полчища друзей, которых ты всегда высылала мне на подмогу, если назревали ссоры и драки с одноклассниками. Но и это прекрасное время кончилось. Ты перешла в гимназию, в старшие классы. А я все еще оставался в начальной школе — для маленьких. И я тут же . со всеми передрался. Но время тикало, и я тоже пошел в гимназию. И опять почувствовал себя под надежной защитой. Как ты водила меня с собой в детский сад и школу, так привела потом в свой теннисный клуб. Меня там уже сразу все знали, потому что все они знали девочку с ослепительной улыбкой. Как всегда, ты ввела меня в свой круг.

То, что я хочу сказать или, вернее, имею в виду, это что ты для меня — моя опора, как из одних алмазов, самый прочный и твердый минерал, как камень, на который всегда можно опереться — не подведет, как и ты.

Дорогая Изабель, моя сестра, я хочу сказать, что бесконечно люблю тебя, что всегда буду верен этой любви, а в трудные времена особенно. Цветок, лишенный солнечных лучей, погибает. Я — такой цветок. Твой брат, нуждающийся в твоих живительных солнечных лучах. Я чувствую, как мои листочки вянут.

Любимая сестра, от всей души желаю тебе счастья, ты всем нам нужна, твоя любовь и твоя улыбка. Мы все заранее радуемся, что ты скоро вернешься домой.

Твой любящий тебя брат

Твой "карапуз"

P.8. Тебе не обязательно отвечать на мое письмо,

не трать на него свои силы. Я и так знаю, что ты меня любишь, точно так же, как и я тебя — всем

сердцем!

ОБНИМАЮ!

Мы все желаем тебе самого-самого лучшего!!!

Мы очень рады, что ты скоро опять будешь дома.

15 февраля нам вновь разрешили поехать домой, и на этот раз у нас был перерыв на целый месяц. Ты была безумно счастлива, потому что чувствовала себя хорошо. И ты надеялась, что через несколько месяцев победишь свою болезнь. Ты уже обдумывала, как бы тебе наверстать пропущенное в школе. Ты составляла на каждый день индивидуальный план и следила за тем, чтобы строго придерживаться его, и верила, что дела твои идут продуктивнее, когда ты живешь по плану, а не просто так. Мы старались поддержать тебя в этом и попросили Петера Майера, ученика выпускного класса гимназии Яна Коменского, заниматься с тобой час или два в день. Темп занятий и их продолжительность ты всегда определяла сама. Эти намеченные тобой цели были очень важны для тебя. Они знаменовали собой, что ты и мы верим в твое будущее. Тогда в онкологических центрах еще не было никакой педагогической, психологической и социальной помощи, сегодня, к счастью, ситуация уже изменилась к лучшему.

16 февраля 1982 г.

Любимая моя Каролин!

Я несказанно счастлива! Представь, я на 98% опять здорова, и уже виден скорый конец всем этим курсам лечения. На всякий случай мне, правда, придется проделать еще один и, возможно, еще и другой, и тогда уж, вероятно, всему КОНЕЦ!!!!!! Я готова подпрыгнуть до потолка.

У меня опять растет много-много маленьких волосиков. Это приносит мне множество смешных кличек. Маттиас называет меня черепахой или слоненком, потому что голова у меня такая же шершавая, как кожа у маленького слоненка. Да, приходится уж терпеть! (Я ведь знаю, что все они говорят мне это любя.)

Сегодня Маттиас ложится на десять дней в больницу, ему надо исправить носовую перегородку, чтобы легче было сморкаться.

Я теперь на каждый день пишу себе план, что мне надо сделать. Так я успеваю сделать за один день гораздо больше, и если я накануне наметила, что завтра мне надо заняться французским, то шансов больше, что я это сделаю, чем когда это не запланировано. Мне нужно нагнать все за полгода!

Спасибо тебе за письма, моя любимая подружка!

Твоя Изабель

16 февраля я отвезла Маттиаса в больницу вроде бы по пустяковому поводу. У него всегда был забит нос и лобные пазухи и потому он постоянно ходил с насморком. Нормальным образом можно было бы и повременить с этой операцией, но в нашей ситуации это очень осложняло его пребывание в одной квартире с тобой. В период лейкопении ему вообще нельзя было контактировать с тобой из-за опасения возможной инфекции, и он жил все это время в семье фон Мольтке. Ситуацию непременно нужно было изменить. Профессор Маурер посоветовал прооперировать искривленную хрящевую перегородку. Сама по себе ординарная операция, но для Маттиаса, если учесть общую обстановку в семье, она прошла довольно трудно. Я не могла уделить ему много внимания, как ему того хотелось. Он наверняка ждал, что и ему достанется часть материнской любви и сочувствия. Но со своим отчаянием и разочарованием он, к счастью, справился сам.

Когда Маттиас вышел из больницы, все наши мысли сосредоточились на твоем дне рождения — 3 марта 1982 года тебе исполнялось шестнадцать лет. Мы хотели весело отпраздновать его со всеми нашими друзьями. Но великое торжество не должно было стать для тебя слишком утомительным. Мы загибали пальцы, считая приглашенных, и сошлись на том, что их не должно быть больше двадцати четырех человек. Мы пригласили всех в Американский клуб. Там мы уже были свои.

Сначала праздник надо было подготовить. Ты тоже активно включилась в эту работу. Мы поручили тебе отвечать за этикет за столом — рассадить гостей и позаботиться о гостевых карточках для каждого. В качестве тамады ты хотела видеть поочередно Альберта и Зигфрида — без сомнения, главных заводил любого застолья. Карточки для гостей ты нарисовала сама: на лицевой стороне красовалось имя гостя и какая-нибудь картинка, а на внутренней ты написала для каждого несколько теплых слов. Вот только придут ли они все?

Но они пришли все! Даже приехали из Антверпена Лу и Альберт с Карелии и Акселем, и Инее из Мюнхена, и Зигфрид с Улли из Мангейма — все нашли для тебя в этот обычный рабочий день время. Мы знали, что по медицинскому прогнозу — это твой последний день рождения, но никому не хотелось в это верить. Каждый старался как мог превратить этот праздник в незабываемое для тебя событие. Мы, конечно, опасались, что это действительно последний твой день рождения, но одновременно были счастливы, что можем еще отпраздновать его с

тобой. Мы потом очень долго жили этим, и воспоминание о том дне согревает меня и сегодня и наполняет счастьем.

А в конце той недели, после твоего дня рождения, мы впервые снова поехали с тобой в Бельгию, к Лу и Альберту. Это было доказательством того, что ты чувствуешь себя значительно лучше, и эта поездка воспринималась нами как мерило нашей общей радости и счастья. Кристиан и Маттиас тоже были с нами. Ты радовалась встрече с Лу и Каролин, но особенно с Акселем. У него были такие же красивые карие глаза, как и у тебя. Вы оба разговаривали друг с другом только взглядами. И были один от другого в восторге. Теперь Аксель — самостоятельный садовник-дизайнер, и дела его идут успешно. Альберт умер в прошлом году от инфаркта прямо на теннисном корте во время игры. Но все это тебе известно лучше меня! А в тот уик-энд Лу праздновала день рождения Акселя. Ты была в самом центре внимания. Именинный торт, само собой разумеется, предназначался для вас обоих. Лу действительно сделала все, чтобы устроить тебе и нам незабываемый уик-энд. Когда бы мы ни приезжали в Бельгию, это всегда были для нас счастливые дни. Вся их семья любила тебя, и дружба между тобой и Каролин или с Акселем была уже дружбой в третьем поколении. Мои родители и родители Лу тоже были друзьями. Как это прекрасно, когда можно пожинать в жизни плоды!

9 марта 1982 г.

Привет, мой ангел Дорис!

С каждым днем мне разрешают все больше и больше. Я с помпой и барабанным боем отпраздновала свой день рождения, совершила первое коротенькое путешествие в Бельгию, в четверг схожу на часок на один урок в школу, а сегодня пойду по Бонну делать покупки. Не ожидала, а? Возможно, я перейду в 9а, потому что определенно не справлюсь с тем, чтобы догнать свой старый класс.

В этом классе учатся Ингунд и Антон, и учителя тоже очень хорошие. Классной руководительницей там фрау Келлер.

Знаешь, что мне бросилось в глаза? Вчера я ходила в теннисный клуб навестить свою старую команду. Они так смешно вели себя, словно не знали, куда меня посадить. Я это замечаю теперь уже не в первый раз за некоторыми людьми. И многие из них уже сказали мне, что я очень изменилась.

Мой дядя утверждает, что я теперь не такая веселая и радостная, как раньше. А я этого совсем не замечаю. Такое отношение ко мне кажется мне странным, и я даже нахожу его не очень красивым. Надеюсь, что скоро все это прекратится. Я вообще надеюсь, что скоро все нормализуется, а то мои родители совсем замаялись.

Милая Дорис, всего-всего тебе хорошего, огромный привет твоим родителям.

Твоя Белли

Прежде чем вернуться в Кельн, ты обязательно хотела еще раз сходить в школу. И так радовалась этому, а пришла назад такой разочарованной! Ты, безусловно, хотела поразить класс, а ученики и учителя оказались к этому не готовы. Ты оделась очень нарядно, с большим шиком. Модный беретик с козырьком и солнечные очки, на шее роскошный платочек. Впечатление тяжело больной девочки ты не производила. Твои одноклассники были сбиты с толку. Они не решались глядеть на тебя, отводили глаза, чтобы не пялиться на парик. Да и вообще — был ли парик-то? Ты выглядела так шикарно, так моднецки, но разглядывать тебя бесцеремонно им тоже не хотелось. А о чем с тобой можно говорить? У каждого на языке вертелась тысяча вопросов. "Это правда, что у тебя рак?" — мысленно этот вопрос задавал каждый, но никто не решался произнести его вслух. Может, ты даже скоро умрешь? Тысячи других вопросов наверняка сверлили их мозги. Но каждый держал со

страху рот на замке, боясь ляпнуть что-нибудь не то. Не говорить же с тобой о погоде или последней классной контрольной? Такие банальные темы как бы отпадали сами собой. Все было примерно так или чуть иначе. А ты мечтала о том, что все они бросятся к тебе, окружат и обнимут тебя, скажут, как они рады, что ты опять здесь, что они надеются, ты и дальше будешь так же мужественно и энергично бороться со своей болезнью, что они, возможно, навестят тебя во время следующего курса и расскажут тебе про школу, и что они в восторге, как ты отлично выглядишь. Но это твое появление в школе, которое ты хотела обратить в свой триумф, мы с классом не подготовили.

15 марта 1982 года ты уже была в Кёльне. В клинику тебя отвез папа. Новый курс оказался очень тяжелым. Врачи решили попробовать лечение по новой схеме, она называлась ВТ1С. В общей сложности это был твой четвертый курс. У нас, конечно, имелись свои источники информации — в коридоре безотказно функционировал "больничный телеграф". Да и знали все друг друга уже так хорошо, что запросто ходили в гости по палатам, если самочувствие позволяло. Мы уже слышали, что с каждым курсом опухолевые клетки становятся все более невосприимчивыми к химиотерапии, и она теряет свою эффективность.

Поэтому тебе и изменили метод лечения? Профессор Егерь успокоил нас и объяснил тебе, что хочет попробовать другой калибр "пороха". А схему ХОК он приберегает на потом. Но ОТ1С ты перенесла очень плохо. Папа рассказывал, что ночью, когда тебя мучила бессонница, ты часто спрашивала его о жизни после смерти, и вы вместе разрабатывали ваши представления о загробной жизни. Его картины носили абстрактный характер, а твои более конкретный. В какой-то момент его фантазия и питающие ее силы иссякли окончательно, и тогда он заявил, что не очень-то представляет себе, как там обстоит с этим дело. Ведь если все люди со всего земного шара окажутся после смерти на небе, там непременно в какой-то момент произойдет перенаселение, и небо придется закрыть для всех остальных... И на этой ноте тема оказалась исчерпанной, разговоры волей-неволей умолкли, и ночной покой в палате был восстановлен.

Днем папа попытался возродить тебя к активной жизни, постарался поднять тебе настроение, попросил поиграть на флейте. Пока ты была здоровой, музыка была очень важна для тебя. В девять лет ты неожиданно самостоятельно записалась в музыкальную школу на фортепьяно, хотя у нас даже инструмента не было. А тогда и для родителей, имевших инструмент, было непросто получить часы занятий для своих одаренных отпрысков. Но ты добилась разрешения и без инструмента — в конце концов, можно ведь заниматься у знакомых! Ну что нам оставалось делать? Только купить тебе пианино! Чтобы осуществить это, мы впервые и единственный раз в жизни купили вещь в рассрочку. Кое-чему ты научилась и даже приобрела определенные навыки фортепьянной игры, а параллельно ты осваивала флейту. И вот теперь ты снова вспомнила про музыку, попросила принести тебе твою флейту.

Как крысолов из Гамельна1, зазывала ты людей в свою палату. Эти звуки были столь необычны для больницы, что каждый хотел знать — от Басти до профессора Егеря — откуда они исходят. В эти минуты ты забывала все. Одной из твоих самых любимых мелодий был канон: "Много, очень много есть искусств у сатаны, — а вот петь, а вот петь он не умеет". Когда один из нас уходил от тебя, ты всегда говорила: "Минуточку, я только еще сыграю для тебя "печальную ноту". Так ты называла ноту "ля", ты держала ее очень долго, и звук, замирая, становился все слабее и слабее. И тогда у тебя выступала слезинка на глазах, если ты в этот момент не падала духом, то дарила нам эту слезинку на прощание — снимала ее пальчиком со щеки и прикладывала к нашим губам.

Приближался день рождения Карелии, и это очень волновало тебя. Ты непременно хотела порадовать ее и вязала ей тоненький батничек из нежной желтой

(1 Известный сюжет в немецкой литературе: в основе его лежит древнее предаиие о крысолове, который, не получив свою плату, увел под звуки музыки из города детей.)

шерсти. Поскольку Каролин была темненькая и необыкновенно хрупкая девочка, ей это должно было очень пойти. Сложность заключалась только в точности размера. Первый вариант явно оказался велик, и ты решила подарить его мне, а для Каролин связать еще раз, размером поменьше. Как это уже часто бывало с тобой, первая неудача нисколько не охладила тебя и не поколебала твоего намерения довести дело до конца. И Каролин, и я носим наши желтые батнички и сегодня.

А еще ты снова начала рисовать. Именно в это время возникла та чудесная картина с мальвами в пастельных тонах.

Цветы принесли тебе друзья, и папа вдохновил тебя на эту работу. Фрау д-р П. написала, между прочим, научный труд о способностях детей, страдающих опухолевыми заболеваниями, к самовыражению и о силе художественного воздействия их рисунков. Тебя, конечно, обрадует, что твои рисунки там тоже есть. Коллаж, сделанный тобой незадолго до того, как выплеснулась наружу твоя болезнь, д-р П. считает рисунком особой интенсивности по своей выразительности и мощным сигналом, свидетельствующим о надвигающейся беде. Об этом даже показывали фильм по телевидению. Но от тебя это наверняка не ускользнуло.

После этого курса ты должна была шестнадцать дней оставаться в клинике, и при том в строжайшей изоляции. Картина крови была катастрофической. Исследования, однако, указывали на положительный эффект. Мы вздохнули облегченно и попросили профессора Егеря о подробной консультации, чтобы он мог сказать нам, как будут развиваться события дальше. Ты знала о предстоящем разговоре и хотела пойти вместе с нами, но он пригласил нас в свой кабинет одних. Поздравив с успешным курсом, он сказал, что разные методы лечения — это только одна половина успеха, а другая целиком зависит от нас и нашего активного участия. И вообще все, что сделано, — это только начало. Если у Изабель есть шанс выжить, тогда нам придется выдерживать все это еще два-три года. И хотя само по себе это было доброй вестью, нам в тот момент показалось, что земля сейчас разверзнется под нами. Где же взять силы, чтобы выдержать такое еще два-три года? К такой новости мы никак не были готовы. Нас во второй раз словно ударом грома поразило!

Как сказать тебе об этом? Еще час назад мы думали, что через полгода весь этот ужас закончится! Мы опять стояли перед дверью в твою палату, плакали и не знали, как быть дальше. Доктора Тёбеллиуса, который помог бы поговорить с тобой, на этот раз с нами не было. Мы попытались сказать тебе об этом в мягкой форме. Но даже сама мысль быть прикованной к больничной койке еще два-три года была для тебя невыносима. Да и мы тоже чувствовали, что наших сил не хватит на такое долгое время. Если бы можно было проводить эти курсы хотя бы в Бонне. Ведь у нас в конце концов были еще и другие дети, которым мы тоже были нужны. Мы уже использовали все свои отпуска, а чтобы оставить тебя на лечение в Кёльне одну, об этом мы и помыслить даже не могли. И кроме того, для тебя был так важен контакт с твоей школой и твоими друзьями. А кёльнская клиника находилась от боннских школьников очень далеко.

Ты хотела сказать обо всем этом профессору Егерю во время его следующего обхода. Он пришел. Профессор Л., папа и я тоже были тут. "Мне нужно с вами

поговорить. У вас есть для меня время?" Он присел на край твоей койки. С ним такое вообще случилось впервые, и чувствовалось, как это непривычно для старого человека. Ты сидела прямая и решительная. Вы долго смотрели друг другу в глаза, не произнося ни слова. В палате зависла напряженная тишина, обстановка наэлектризовалась. Профессор Егерь весь обратился в слух, а ты сконцентрировалась, чтобы подобрать нужные слова. "Почему я не могу проходить лечение в боннской больнице?" — "Ты меня не любишь?" — "Нет, даже очень, как моего собственного дедушку. Но..." И ты привела все аргументы, которые тщательно продумала и собрала воедино. Он все терпеливо выслушал, все еще глядя тебе в глаза. Он молчал, не ответив тебе. Тогда ты кокетливо постучала пальчиком по его носу и произнесла: "Ну пожалуйста!" Он согласился. "Хорошо! Следующий курс по схеме ХОК в Бонне, но после этого — будьте столь любезны! — прошу опять в Кёльн". Мы были рады — хоть маленький, но все же свет в окошке! Теперь осталось только дождаться, когда придут в норму лейкоциты. Нам так хотелось съездить на Пасху на парочку дней в Шварцвальд.

29 марта 1982 г.

Моя дорогая и единственная Карелии!

Надеюсь, ты не сердишься на меня, что я написала письмо только Лу, а тебе нет. Думаю, ты все понимаешь.

Мне во время этого курса было так плохо, что вообще ничего не хотелось делать. Эта кёльнская клиника мне настолько опротивела, что я решила добиться во что бы то ни стало, чтобы мне разрешили проделать следующий курс в Бонне.

Наверняка это несправедливо по отношению к людям здесь, но ведь постепенно начинаешь и людей ненавидеть, не хочется видеть тех, кто вечно делает тебе больно. Я очень часто плачу в последнее время, потому что все мне кажется бесполезным. Какое-то время я даже думала, а не лучше ли было умереть тогда, в ноябре. Чем больше я расспрашиваю своих родителей, тем лучше понимаю, что жизнь моя висела тогда на волоске.

Чтобы ты поняла, почему меня в последние дни обуревают такие мысли, скажу тебе, что эти процедуры с лечением растянутся на несколько лет, приблизительно на два-три года.

Я-то думала, вот еще только пятый курс — и всему конец, а мне вдруг говорят, что все это будет продолжаться и дальше. Выражаясь ясным языком — спортом мне практически вообще больше нельзя будет заниматься совсем, может, немножечко водным, так, поплескаться в водичке; волосы тоже уже никогда не вырастут, и через каждые восемь недель надо будет опять возвращаться в больницу на лечение. Если уж совсем не повезет, тогда и всему — прощай! Скажем, курсы в школе танцев — там ведь занятия длятся дольше двух месяцев. Я так скучаю по своим ровесникам, по вечеринкам с друзьями и всяким другим веселым делам.

Но, моя дорогая Карелии, хотя я и настроена так грустно, сейчас мне уже стало немножко повеселее — я очень радуюсь, что мы, надеюсь, скоро увидимся.

В последние дни меня еще замучил комплекс, что меня никогда не полюбит ни один мальчик, хотя бы просто потому, что я выгляжу не как все девочки — без волос.

А потом, когда я слушаю музыку (я очень часто ставлю твою потрясающую кассету!), я вдруг опять веселею и думаю, что жизнь все-таки так прекрасна и что, может, с помощью парика я немножко прихорошусь, а мои высыпавшие из-за лекарств Л угри опять пропадут.

Раз уж я тебе во всем доверяюсь, то хочу тебя , о чем-то спросить, только пусть тебе это не покажется ужасной глупостью. И не думай, пожалуйста, плохо обо мне. Как ты думаешь, я хоть немножко нравлюсь Акселю? Мне он, собственно, жутко нравится. Только никому не говори об этом. Тебе это может показаться страшно глупым, но у меня сейчас сильная потребность, чтобы меня чуть-чуть любили.

Мои родители очень добры ко мне, и ты, и мои братья, и вся твоя семья, но быть чуть-чуть любимой мальчиком это совсем другое дело.

Я очень-очень расстроилась, когда врач , отсоветовал нам ехать в Монталиве, в ваш пансионат во Франции. Я бы с такой радостью -, провела вместе с тобой каникулы! Но если климат там плохо отразится на моем здоровье, значит, ничего не поделаешь. Может, как-нибудь в другой раз. ч

На твой день рождения я готовлю тебе потрясающий сюрприз. Надеюсь, тебе понравится. И он подскажет тебе, как бесконечно я тебя люблю!

30 марта 1982 г.

Дорогая Карелии!

Я сейчас как раз одна и хочу написать тебе, потому что это всегда для меня счастье. Мое вчерашнее письмо было немножко грустным, но мне необходимо было высказать все, что накопилось на душе, и если не тебе, то кому же?

Со своими родителями я тоже об этом много говорила и о том, как мне устроить в будущем свою жизнь, и все это мне очень помогло. :

Временами я опять частенько радуюсь ' и придумываю разные приятные вещи, которые сделаю, а может, куплю себе что красивое. Я также ' часто думаю о вас. Как хорошо знать, что где-то ' кто-то любит тебя.

Сегодня при обходе я выиграла маленькое ' сражение! Пятый курс лечения шеф разрешил мне ; проделать в боннской больнице. Это меня очень радует, значит, не придется скова ехать в эту противную клинику. Вскоре я вообще не смогу здесь никого видеть. А в боннской больнице меня гораздо чаще будут навещать мои сверстники, а это, как ни смешно, очень важно для меня. Когда все время лежишь среди одних взрослых и не с кем, кроме них, пообщаться, тогда страсть как хочется подурачиться с ровесниками.

Надеюсь, ты не рассердишься, если я чуть запоздаю со своим сюрпризом к твоему дню рождения. Дело в том, что я кое-что сделала не так и хочу исправить.

Я очень рада, что мы поедем в Шварцвальд, и очень надеюсь, что немножко поправлюсь там, то есть я хочу сказать, что, может, у меня вновь появится настоящий аппетит, а вечером я даже буду уставать, потому что займусь немножко спортом, ну, скажем, буду совершать прогулки, кататься на санках или играть в снежки. Ведь вполне возможно, что там еще лежит снег!

Моя кожа стала намного лучше, уже не такая красная. Это действительно ужасно глупо. Стоит мне ненадолго остаться одной, как мне опять делается грустно.

Сегодня я первую ночь здесь одна, в этой старой развалюхе. Я хочу сказать, что родители после двух с половиной недель наконец-то оба ночуют дома. И мне совсем не хочется звонить домой грустным голосом или даже плакать по телефону, потому что мама сказала, она тут же приедет назад, но тогда я им испорчу весь вечер, и они всегда будут думать, что я здесь все время тоскую и плачу, а мне этого никак нельзя, потому что грусть и печаль забирают у меня слишком много сил.

31 марта 1982 г.

Я все-таки справилась.

Спала, правда, не очень долго и не очень хорошо, но самое важное то, что родители вчера вечером могли позаботиться о Маттиасе. У него очень болит щека. (Ему удалили зубы мудрости.)

Любимая моя и единственная Каролин, я так часто вспоминаю тебя, целую много-много раз и всех остальных твоих тоже.

Твоя Изабель

Лейкоциты все никак не хотели увеличиваться. Намеченный отъезд домой переносился со дня на день. Наконец в Великий четверг нам разрешили покинуть больницу. На этот раз это был наполовину настоящий переезд: рисовальные принадлежности, книги, кассеты, приемник, картины и телевизор. Мы прожили в клинике целый месяц.

Не успев приехать домой, ты стала торопить нас в Альттласхюттен, потому что следующий курс должен был начаться в Бонне уже через десять дней. Мы с папой собирали чемоданы ночью. Вечером мы проводили Кристиана. Он еще раньше записался через своего шефа на

курсы подводного плавания на Корфу. Сейчас ему больше хотелось поехать с нами, но изменить уже было ничего нельзя. Мари уехала к своим родителям в Бельгию, так что из молодежи в твоем распоряжении оставался только один Маттиас. Мы попросили Мольтке спросить своих детей, не захочет ли кто из них поехать с нами. Даниель и Доротея уже уехали, а вот Йохакнес дал согласие приехать поездом в Пасхальное воскресенье. Что это были за незабываемые дни!

В Шварцвальде еще лежало много снега, придавая ландшафту вид заколдованного царства. Герда любезно приготовила для нас нашу квартиру под самой крышей в своем переоборудованном и благоустроенном сарае. Мы были в нем единственными постояльцами. Погода стояла хорошая. Только у папы началось воспаление среднего уха с нагноением, что было болезненно.

Ты испытывала огромную жажду побыть на свежем воздухе и на природе. Я попробовала немного походить с тобой и погулять. Когда мы выходили на улицу, ты надевала папину меховую шапку. Она закрывала всю твою головку. Только между глазами и подбородком оставалась открытой часть твоего лица. Оно выглядело таким естественным и было таким спокойным и хорошим — под шапкой ты не носила никакого парика. В полном одиночестве на природе, когда было тепло, ты даже снимала на несколько минут шапку, нисколько не задумываясь о своей "лысинке". Когда мы возвращались назад в свою деревенскую горницу, для тебя тоже было естественным бегать по дому без парика. Что же ты будешь делать, когда в воскресенье приедет Йоханнес? — А ничего! Сначала ты это делала слегка украдкой, но потом, когда Йоханнес сказал, что с "лысинкой" ты намного красивее, чем в парике, все преграды были сломлены — отсутствие волос перестало тебя волновать, во всяком случае, пока ты была среди своих.

Вечером мы впятером играли в карты или в настольные игры. Время от времени нам действительно удавалось чувствовать себя очень естественно, быть веселыми и раскованными. Но порой мы испытывали раздражение, наши души были изранены, а нервы до предела напряжены. Мы старались пересилить себя, взять в руки, но это удавалось нам не всегда. То что Йоханнес фон Мольтке был с нами, очень помогало нам. И Маттиас был счастлив — с ним его друг, такой же здоровый и нормальный, как и он сам, и тоже не думает постоянно об опухоли, химиотерапии и связанных с ними страхах. А от нас его присутствие требовало большей внутренней дисциплины и контроля над своими словами и чувствами. Для тебя же это было просто Божьей благодатью! Оба мальчика обращались с тобой совершенно естественно, без всяких комплексов. Они были веселы и заманивали тебя с каждым днем все дальше и дальше, подталкивая не бояться испробовать свои физические возможности. Если ты не хотела идти на прогулку, они затевали снежный бой, а когда ты просто не в силах была идти дальше, они тащили тебя по очереди на спине или несли на руках. Я еще и сегодня мечтаю о том, чтобы папа поносил меня на руках, но он сделал это только один раз тридцать пять

лет назад!

Мы катались также на санях. Закутанная в плед, но подставив свое лицо солнцу и свежему шварцвалъд-скому воздуху, ты чувствовала себя очень привольно. В послеобеденные часы вы строили плотину на ручье возле хижины Раймартихютте. День ото дня ты двигалась все увереннее, все чаще снимала шапку, но фотографировать себя без нее не разрешала. Во время одной дальней прогулки ты однажды вдруг снова сняла шапку, и папа попробовал щелкнуть тебя. Но ты спряталась за рослого Йоханнеса. Он быстро смекнул в чем дело и подмигнул папе. После того как ты уже несколько секунд пряталась за Йоханнесом, он моргнул папе и тут же чуть отклонился в сторону. Папа тотчас же нажал на спуск. Это было первое фото с "лысинкой". И мы до сих пор любим его совершенно особенно. С этого момента ты перестала стесняться и больше не пряталась от камеры.

Ты заметно окрепла и все больше доверяла своему телу. И твой аппетит тоже улучшился. Днем мы заходили во все прелестные хижины-пансионаты, которые знали вот уже четырнадцать лет. Особенно памятна мне прогулка вокруг озера Шлухзее. День был солнечный, но холодный. Твое самочувствие настолько улучшилось, что мы отважились дойти до старейшего отеля в Шварцвальде "Унтеркрумменхоф" — заветная цель наших

походов с давних пор. Последний снег словно засахарил природу и заколдовал ее. Тебя переполняла радость жизни, и тебе хотелось пошалить. Снежные поля манили тебя, ты захотела покататься на санках. Санок у нас с собой, конечно, не было, зато был пакет из пластика. Вот он и пошел в ход — со

смехом съезжала ты на нем с каждой еще покрытой снегом "горки". Придя в "Унтеркрумменхоф", вы развесили сначала вокруг кафельной печки свою мокрую одежду, а потом забрались втроем на уютные лавки вокруг нее, чтобы согреться. И вдруг ты осмелела: сняла свою меховую шапку и здесь, и тебя нисколько не волновало, если люди смотрели на тебя.

Конечно, мы плотно подзакусили, и ты ни в чем не хотела отставать от мальчиков. Если бы не нужно было наведываться к врачу, чтобы посмотреть на лейкоциты, мы бы вообще забыли про опухоль.

В воскресенье мы отправились домой, потому что в понедельник должны были явиться в боннскую больницу. Ты вернулась в свое старое отделение. Лечащим врачом по-прежнему был Бурби. Сестры встретили тебя с распростертыми объятиями. В тот же день доктор Тёбеллиус поставил тебе катетер. И не нужно было ехать на санитарной машине в "коечный" корпус к очередному незнакомому врачу, а потом топать пешком назад в отделение. Насколько все здесь было проще и легче: доктор Тёбеллиус сам пришел к тебе в палату, чтобы поставить катетер, и, поскольку ты ему полностью доверяла, у тебя и страха никакого не было.

До сих пор нам всем казалось, что доктор Тёбеллиус — глава многочисленного семейства. Само собой разумелось, что у него есть жена и множество детишек. А как бы иначе он мог испытывать к нам такое сочувствие и относиться с таким пониманием! Спрашивать его об этом мы никогда не спрашивали, и вдруг сейчас услышали в вестибюле от одной чересчур разговорчивой пациентки, что он холостяк. Вскоре нам стало ясно почему: он был "женат" на своей больнице и ее пациентах. Находясь тут постоянно, он делал для них абсолютно все. И ты в полной мере ощутила это на себе.

Стоит только вспомнить историю с твоим портретным рисунком, который ты назвала "Почему?". В боннской больнице ты начала делать карандашные зарисовки своих посетителей и среди прочего сделала с помощью зеркала собственный карандашный портрет. Ты сделала его очень быстро, это был всего лишь набросок. В твоих больших глазах стояло выражение тревоги и страха и вечно сверлящий вопрос "Почему?". А твои красные губы говорили о проснувшемся желании. Каждого посетителя ты проверяла по его реакции на этот портрет. Каждый должен был посмотреть на него, и каждого ты потом дотошно расспрашивала. Если кто старался не смотреть и давал тебе поверхностный ответ, значит, у того была пустая голова и он становился тебе абсолютно не интересен. А тот, кто чувствовал немой крик и был готов поговорить с тобой о твоих страхах и надеждах, тот испытание прошел. Я присутствовала в тот день на нескольких "экзаменах", сама подверглась проверке. Но на твой вопрос "Почему?" у меня тоже не было ответа, хотя я и попыталась найти его вместе с тобой.

После обеда с обходом пришел доктор Тёбеллиус. Он спросил, как ты себя чувствуешь. Ты протянула ему рисунок и ждала, что он на это скажет. "И ты думаешь, что это ты? Ну знаешь, ты намного симпатичнее! Однако это очень серьезная работа, и нам надо поговорить о ней в спокойной обстановке. Приходи сегодня вечером в мой кабинет, я отвечу тебе". Около шести вечера он позвал тебя вниз и беседовал с тобой полтора часа.

После ты сказала мне, что вы беседовали о жизни и смерти, и еще об одной очень личной проблеме. Много дней спустя доктор Тёбеллиус сказал мне, что не может припомнить ни одного подобного разговора ни с одной пациенткой, чтобы он был таким же содержательным, как с тобой. Ты решила написать ему вечером письмо и поблагодарить за этот разговор. Но сначала ты спросила меня, можно ли тебе такое сделать. "Ну почему же нет?" Позже ты показала мне свое письмо, и содержание разговора отчасти прояснилось для меня. По всей видимости, ты спросила у него совета, как тебе держаться в своих отношениях с Акселем. Написать ему и признаться в своей симпатии к нему? Или лучше отступить перед

опасностью, что он не отвечает тебе взаимностью? И доктор Тёбеллиус дал тебе ясно понять, что в жизни кто не рискует, тот и не выигрывает! Ты благодарила его за этот жизненный урок. Я не знаю, сохранилось ли это письмо, но в моем сердце память о нем жива. Ты еще сказала мне, что если тебе будет суждено выйти когда-нибудь замуж, ты хотела бы, чтобы у тебя был такой муж, с которым можно было бы вести такие умные разговоры.

Наряду с доктором Тёбеллиусом был еще один человек, который в этот период становился для тебя день ото дня важнее. Это — Каролин. Тебя с ней связывала особая дружба. Она была наполнена большой нежностью и глубоким доверием. Эта дружба зародилась и развивалась между Антверпеном и Бонном, и расстояние не было ей помехой. Возможно, почва для нее была подготовлена нашей дружбой с Лу, но, возможно, это большое доверие могло вырасти и само по себе так успешно расцвести, потому что в этой традиционной для наших семей дружбе не было конкурирующих между собой соперниц. Вам обеим выпало большое счастье, что вы уже с ранних лет могли откровенно обмениваться своими мыслями и чувствами. Толстая пачка писем к Каролин тому свидетельство.

19 апреля 1982 г.

Моя дорогая любимая Каролин!

Тысячу раз спасибо тебе за чудесную открытку и письмо. Я очень за тебя рада, что ты хорошо отдыхаешь. У нас тоже все чудесно и, возможно, в ближайшие дни ты получишь открыточку из Шварцвальда.

Я очень хорошо отдохнула и была по-настоящему счастлива. Моя кожа приобрела другой цвет (сказать, что у меня шоколадный загар, было бы, конечно, преувеличением), и прыщиков стало гораздо меньше.

А знаешь ли ты, что после этого курса мне разрешат плавать, ездить на велосипеде и даже немножко побыть в сауне? Я радуюсь безмерно. Конечно, сначала придется проделать этот дурацкий курс, но зато какие открываются перспективы! На сей раз мне не очень повезло, я лежу в одной палате с ворчливой старой дамой, но зато я в боннской больнице и намного ближе к дому! Надеюсь, ко мне придет много посетителей.

Моя дорогая Каролин, обнимаю тебя мысленно крепко-крепко и радуюсь, что когда-нибудь летом мы все же встретимся. Крепко целую тебя

Твоя Изабель

P.S. Сюрприз прибудет через 10 дней!

Шлю приветы всей твоей семье.

20 апреля 1982 г.

Привет, моя любимица!

У меня сейчас огромное желание написать кому-нибудь письмо. Знаешь, чего бы мне сейчас хотелось больше всего? Потанцевать где-нибудь на свежем воздухе. У меня всегда поднимается настроение, когда приходит весна. И мне очень хочется тогда принарядиться, подурачиться и повеселиться. Даже сейчас, в больнице, у меня и то радостно на душе.

Правда, этому во многом способствует атмосфера в этой больнице. Я лежу на 7-м этаже, и внизу подо мной расстилаются большие зеленые лужайки, много цветов и кустарников, и невероятное количество птиц, они щебечут прямо под моим окном.

В вашем саду сейчас, наверное, необычайно хорошо. С какого времени вы уже ходите купаться? , Как-нибудь в конце мая ты должна меня навестить. Тогда мы могли бы вместе сходить в сауну!

Сейчас меня так много всего радует. Меня теперь гораздо чаще навещают мои одноклассники. У меня к тебе есть вопрос: то мое печальное и такое длинное письмо читали только вы с Лу или и Аксель тоже, и еще кто-нибудь? Потому что Аксель написал мне в своем письме, что я не должна так копаться в своей душе и предаваться грустным мыслям. Если да, я не вижу в том ничего трагического.

С моей перепиской дело обстоит совсем плохо. Мне надо написать так многим людям, а я каждый раз пишу сначала тебе и, конечно, полностью выкладываюсь, так что потом мне уже больше никому писать не хочется. Тебе я к тому же пишу самые интересные письма. Они доставляют мне столько радости!

А знаешь, какие ужасные вещи я в последнее время делаю? Рисую портреты людей! Если и вам так же крупно не повезет, я возьму и нарисую ваши лица по фотографиям. Ясно, что вы потом себя не узнаете. Некоторые рисунки получаются очень смешными. Но до сих пор все-таки всегда можно было догадаться, кого я нарисовала.

Я, между прочим, очень обрадовалась, что Аксель мне ответил. Я уже как-то смирилась с тем, что он не напишет мне. Я бы с удовольствием писала ему чаще, но не хочу навязываться.

Спроси его как-нибудь, будет ли он рад моим письмам. И кроме того скажи ему, что это его вовсе не обязывает отвечать мне на каждое письмо (только так, время от времени). Пожалуйста, передай ему самый теплый привет от меня.

Нежно обнимаю тебя, маленькая любимая Каролин! Хочется почаще видеть тебя.

Целую.

Твоя Белли

В воскресенье состоялась конфирмация твоего кузена Оливера. В доме моего брата в Бонне было большое семейное торжество. Поскольку они жили в пятистах метрах от больницы, у нас появилось огромное желание тоже принять в этом участие. Все семейство собиралось у входа в церковь — погода была превосходная. Мы с папой были у тебя в больнице. Ты находилась на процедуре. С кровью все было в порядке. Я спросила доктора Тёбеллиуса, нельзя ли нам себе кое-что позволить. И он разрешил!

Итак, что тебе надеть? Ты прыгала от счастья! Какую шляпку, какой парик, какие очки, какой пу-

ловер, сделать ли небольшой макияж? В конце концов, тебе хотелось всех обрадовать, выйти в люди, произвести впечатление — все это так естественно. Ах, какое удовольствие доставило тебе сказать сестрам: "До свидания!" — "Подумайте только, у самой тяжелой больной — выход в свет!" А кое-кто из пациентов, кто видел тебя в этот момент и кто даже ни в малейшей степени не мог сравниться с тобой по тяжести заболевания, задумался над этим не на шутку. Конфирмация прошла чудесно, и Оливер радовался от всего сердца. Через два часа мы вернулись, тебе нужно было отдохнуть. После обеда мы могли пойти снова. Но как это часто бывало во время лечения, на тебя вдруг навалилось дурное настроение. Насколько задорно и озорно заразила ты утром всех гостей своим весельем и оптимизмом, настолько подавленной и полной отчаяния была ты сейчас. Потребовалось все мое умение уговаривать тебя и приводить убедительные доводы, чтобы вытащить тебя из постели, а заодно и из депрессии. Когда мы опять появились среди гостей, ты уже обрела душевный покой и мягкость. Зигфрид сделал несколько чудесных снимков.

Ты не дарила Оливеру никаких подарков, ты написала ему очень теплое письмо.

25 апреля 1982 г.

Мой дорогой Оливер!

Я желаю тебе в день твоей конфирмации познать смысл вопроса "Почему?". Для очень многих он оказывается затерянным в этот день среди множества подарков.

Я ничего тебе сегодня не дарю, потому что мне не пришло в голову ничего путного, но если тебе понадобится когда-нибудь моя помощь, я с радостью это сделаю (как и ты так часто помогал мне своим вниманием). Целую тебя.

Твоя Изабель

От курса к курсу ты все сильнее страдала депрессиями. Пока проводился этот курс, мы не ночевали с тобой — ты так того хотела. Щадила нас, и мы были тебе за это благодарны. Но часто я просыпалась ночью с тревогой в сердце — твой балкон был так высоко, а твое настроение частенько падало так низко!

На третий день после завершения курса тебе разрешили вернуться домой. Но каждые два дня надо было приходить проверять кровь. Удивительно, насколько милее и разнообразнее прошел для тебя этот курс лечения, и все из-за того, что как пациентка ты находилась в привычном для тебя месте, там, где ты выросла, где тебе был знаком каждый угол и где кругом было полно знакомых и даже на период лейкопении можно было оставаться дома. Да и больница в случае возросшей опасности находилась совсем рядом. От нашего дома до Кёльна нам требовался, как правило, час езды, а до боннской больницы хватало и десяти минут. Соотношение между мучительными днями во время лечения и полноценной жизнью в стенах дома тоже изменилось в лучшую сторону.

Не стоит ли поискать новых форм в лечении хотя бы для детей с онкологическими заболеваниями? Поменьше формальностей и консерватизма, побольше возможностей для прохождения лечения в домашних условиях! Я уверена, что если бы мне кто-нибудь показал, как сменить в капельнице флакон с лекарством, я, навер-

ное, сумела бы это понять. Почему бы больницам не проводить лечение с помощью домашних врачей, самих пациентов и членов их семей? И разве не существует психологов, которые могли бы помочь семьям выдержать это напряжение? Наверняка за последние годы в борьбе с опухолевыми заболеваниями в медицинском отношении достигнуты большие успехи; однако их можно было бы существенно приумножить, если бы больше уделялось внимания душевному состоянию больного и членов его семьи! Если бы детская клиника в Бонне уже тогда имела такой хорошо налаженный онкологический центр с психологами, педагогами, домом родителей и возможностями для амбулаторного лечения, как это есть сегодня, нам не пришлось бы ездить в Кёльн и во многом все было бы для нас значительно проще.

Курс закончился, и для нас наступил перерыв в девять недель. Они прошли как упоительный миг — и как мне описать это упоение? Порой я опасалась, что такое количество впечатлений может пагубно сказаться на тебе, но ты хотела вкусить радость жизни. Наступило лето, и каждый стремился сделать для тебя что-нибудь приятное. Пока тебе не разрешали выходить из дома, мы развлекали тебя как могли. На несколько дней приехала из Антверпена Каролин. Вы провели вместе много радостных часов. Большое удовольствие доставило вам делать музыкальные записи на твоей новой стереосистеме — у тебя появилось еще несколько прекрасных кассет. И об Акселе вы тоже смогли свободно поговорить, что было так важно для тебя.

В эти недели мы также загружали тебя разными поручениями, чтобы у тебя было ощущение, что каждый твой день заполнен чем-то разумным и нужным. Папа попросил тебя привести в порядок твои марки, которые ты беспорядочно и в огромном множестве набросала в ящик

своего письменного стола. Чтобы эта работа не наскучила тебе, ты одновременно прослушивала бессистемно записанные нами кассеты и пыталась навести в них порядок, делая наклеечки с надписями, чтобы не получалось так, что вместо ожидаемого Моцарта на нас обрушивается джаз. Я и сегодня храню эти кассеты с твоими надписями, и хотя качество записи на них уступает сегодняшнему стандарту, нам все равно доставляет радость слушать их. И нашими многочисленными фотоальбомами мы тоже обязаны тебе — все фотографии ты наклеила именно в этот период, и эта работа принесла тебе большое удовлетворение. Она наполнила тебя чувством с пользой сделанного дела.

В мае ты с радостью отпраздновала конфирмацию Маттиаса. В церкви ты, правда, не была — лейкоциты были слишком низкие и потому велика опасность инфекции, возникающая всегда в такие периоды, но в семейном торжестве ты участвовала. Тебя еще очень обрадовало, что семейство фон Мольтке присутствовало в полном составе.

Через десять дней состоялось первое причастие. Тебе уже разрешили выходить. Ты очень хотела познакомиться со священником, конфирмовавшим Маттиаса. Это был большой приход. Для принятия причастия семьи приглашались пройти вперед небольшими группами. Каждый раз не больше сорока верующих. Чашу священник подносил к устам каждого причащающегося по очереди. Мы с папой не знали, стоит ли тебе проходить вперед. Нам, конечно, мерещилось, как со

всех верующих прыгают в общую чашу с вином бациллы, и нас обуревал страх, что ты можешь заразиться. Наконец очередь дошла до нас. Ты стояла в своем белом платье и белой шляпке среди людей, полукругом обступавших нас. Священник взял новую чашу, к которой еще никто не прикасался губами, наполнил ее вином и первой поднес к твоим устам. Господь Бог не оставил нас!

Но были еще и другие радостные события, отвлекавшие нас от наших бед: Мари привезла однажды из Бельгии два больших чемодана, наполненных театральными костюмами. Ах, как ты радовалась! В течение одного вечера ты переодевалась в разные костюмы, играя разные роли. Мы обеспечивали музыкальное сопровождение для этого спектакля, а Мари фотографировала. Ты предстала перед нами темпераментной испанкой, соблазнительной женщиной-вамп, гир-лой-ковбоем в юбке, романтической цветочницей-хиппи, певицей рок-звездой, подружкой рокера и обыкновенной нормальной Белли, какой ты была сейчас на самом деле — в беретике, парике или с косынкой.

И Мари и ты, вы обе были в диком восторге от этой забавы, хотя Мари было уже двадцать, да и тебе шестнадцать, другими словами — обе вы были уже не в том возрасте, чтобы играть в разгар лета в "переодевание". Но для тебя это были возможные или, может, невозможные, нереальные роли твоей жизни, которой ты жила в таком ускоренном темпе.

Мари действительно была настоящий клад. Вы обе сблизились и все больше походили на сестер. Когда она в следующий раз приехала из Бельгии, то привезла тебе маленький альбомчик с уже проявленными фотографиями.

В конце мая, когда ты уже вышла из лейкопении и могла выходить из дома, вы отправились вдвоем "по-шататься" по магазинам. Часто к вам присоединялась еще Доротея фон Мольтке. А я обычно следовала сзади, находясь при вас в роли "охраны" — мало ли что могло случиться.

Тем временем у тебя появились сильные боли во всей правой руке, и тебе пришлось поехать на один день в Кёльн — снова на компьютерную томографию и на сцинтиграмму костей; время от времени ты также наведывалась амбулаторно и в боннскую больницу — пока тебе не говорили, что пора ложиться на новый курс, ты всем была довольна.

Ты съездила к Зигфриду с Улли и маленькой Сашей. Малышка была для тебя огромной радостью. Зигфрид и Улли предложили тебе стать ее крестной матерью. Это осчастливило тебя. Во-первых, тебе доверяли заботу и шефство над таким крошечным существом, во-вторых, это доказывало, что они верят в то, что ты будешь жить дальше. Эти дни стали для тебя сказочно-волшебными. Улли с Зигфридом буквально носили тебя на руках.

В Бельгию мы тоже съездили. Сначала ты побыла два дня у Мари и ее родителей, а потом у Лу. Роберт и Розита, родители Мари, ее уважаемые бабушка с дедушкой, Анна, сестра Мари и даже экономка — все полюбили тебя всем сердцем. Розита присылала тебе потом почти каждую неделю очаровательные открытки, написанные на забавном немецком языке, — это все были пейзажи и виды, как в сказке, один лучше другого. Дни, проведенные у Лу, прошли очень бурно. Это был последний уик-энд перед моим днем рождения, и Лу устроила настоящий праздник. Зигфрид

и Ролли — мои братья — тоже были приглашены со своими семьями, а кроме того, много друзей Лу, которых мы тоже знали. В огромном саду был раскинут настоящий шатер. Мы танцевали и смеялись, беседовали по-французски, по-английски и по-немецки, ели и пили далеко за полночь. Я все время искала глазами тебя. Ты держалась в сторонке. Все дети помогали обслуживать гостей, заняться этим наравне с ними ты не могла. В душе ты надеялась, что, может, тебе удастся поймать на себе взгляд Акселя или даже поговорить с ним. Но из этого ничего не вышло. Возможно, Аксель тогда уже слишком сильно любил тебя!

Когда мы ехали домой, ты была немного печальной. Прощание с Антверпеном далось тебе нелегко. Тебя, правда, согревала надежда, что дети Лу навестят нас, как обещали. Через несколько дней приехали Аксель, Карелии и Кэти — старшая сестра. Они привезли с собой и Фридемана — немецкого друга Акселя, с которым ты познакомилась еще раньше.

Аксель с Фридеманом решили привести в порядок наш садовый участок в Обервинтере и остались там ночевать. Домик стоял последние месяцы нежилым. Обе девочки спали с тобой в одной комната. Тебе это страшно нравилось! Кэти переживала душевную драму, а Каролин, наоборот, только что счастливо влюбилась. Ты же могла присовокупить к этому только почерпнутый тобой "опыт" из "Анжелики". Совет вы держали до глубокой ночи. А ваши чувства с Акселем так продолжения и не имели. Мне очень хотелось подслушать тайком ваши разговоры. Через неделю Каролин, Кэти, Аксель и Фридеман уехали. Каролин уезжала с отцом и другой своей подружкой на каникулы в Монталиве. Первоначально планировалось, что ты поедешь туда с Каролин как одна семья, но врачи нам этого не разрешили.

1 июня 1982 г.

Моя дорогая Каролин!

Как я поняла из твоего письма, ты находишься где-то между Брюсселем и Монталиве.

Я очень рада за тебя, что ты так хорошо закончила учебный год. Могу только еще сказать, что ты очень тонкий и душевный человек.

В той фразе, где ты мне сообщаешь, что едешь в Монталиве с одной своей подружкой, ты одновременно называешь меня своей сестрой. Меня очень это поддерживает, когда ты все время стараешься дать мне понять, насколько я дорога тебе, и мне совсем не так трудно подождать подольше, пока от тебя придет одно из твоих милых писем. Я желаю тебе провести чудесные каникулы в Монталиве и много повеселиться вместе с подружкой.

Мне было бы очень приятно, если бы я могла (навестить вас в то же время, когда к вам приедет ,-Фридеман. Вот уж наверняка будет весело. Мне сейчас так хочется почаще бывать с молодежью. Я только не знаю, получится ли у меня по времени, потому что 19-го я уже опять должна быть в больнице.

У меня, собственно, так много накопилось всего на душе. Надеюсь, ты поймешь меня правильно. Вот уже примерно две недели, как у меня появилось "нечто похожее" на друга. Я говорю "нечто похожее", потому что это все-таки дружба, не совсем обычная по своим обстоятельствам. И это меня очень

радует. До сих пор я все думала, что мне так никогда и не удастся узнать, как это прекрасно — дружить с мальчиком. Я все опасалась, что этого не случится из-за моих волос и потому что ко мне не так-то легко подступиться.

Но с ним мы сразу нашли общий язык, и волосы, представь, не помешали. Мы очень много говорим, и он очень помогает мне, когда меня все-таки слишком одолевают мрачные мысли по поводу моей болезни. Он канадец, и мы беседуем с ним по-английски. Это очень забавно, И мне кажется, я уже очень многому от него научилась. Но что самое идиотское во всем, так это то, что с сентября он снова уедет в Канаду учиться.

Моя дорогая Каролин, как это здорово иметь ^ такую хорошую подружку, которой можно сказать.« все-все. Не оставляй меня!

И оставайся такой, какая ты есть: милой, порядочной, по-честному приветливой.

Сердечно целую тебя. Передай от меня приветы всей своей семье.

Твоя Изабель

И твои контакты с партнерами по теннису тоже опять наладились.

Конечно, об игре и думать было нечего, но на Троицу твоя старая команда решила организовать юношеский турнир, и Сибилла Паженкопф, твой старый тренер, попросила тебя помочь при организации. Какая же это была для тебя радость — опять быть в клубе среди других и слышать к себе обращение; "Фройляйн Цахерт, когда мое время играть?.. Изабель, можно мне взять новые мячи?.. Какой счет гейма?" Ты опять была нужна и имела право голоса. А несколько дней до того мы стояли у сетки корта другого клуба и смотрели на игру. Ты лизала языком мороженое, и вид у тебя был очень кокетливый. К нам присоединился молодой человек. Мы его сначала даже не заметили. Через какое-то время он вдруг сказал: "А ты не Изабель Цахерт? Люди болтают, что ты очень больна? Но ты вообще больной не выглядишь!" — "Про болезнь, которой я больна, говорят, что она смертельная. Нормальным образом от нее умирают!" — был твой ответ. Но про себя ты еще наверняка добавила: "А я вот нет!" И сейчас ты снова была в самой гуще спортивной жизни. Погода подыгрывала тебе, турнир удался на славу. Вечером в честь окончания турнира в клубе должен был состояться большой праздник с танцами. Твоя правая рука опять болела. Надо было хотя бы проконсультироваться с врачами. На Троицу мы застали в боннской больнице только старшего ординатора. Она очень любила тебя. Я высказала ей свои сомнения по поводу танцев. Она ответила: "Дайте ей двойную дозу болеутоляющего — и пусть идет танцевать". Победитель турнира среди юниоров открыл с тобой в паре вечер танцев. Ты никогда не ходила на танцкурсы, но это не сыграло большой роли — ты всегда была очень музыкальна и двигалась пластично. Когда я пришла за тобой, как мы договаривались, около одиннадцати часов вечера, ты была необыкновенно счастлива. Единственную бальную ночь в своей жизни ты протанцевала без передышки! А Томас Гранер и после этого очень трогательно и по-дружески опекал тебя.

3 июня 1982 г.

Моя дорогая Марен!

Это письмо опять дается мне с трудом, потому что у меня, можно лопнуть от злости, снова болит рука. Я сделала перед этим какое-то неловкое движение и потому пишу теперь такими каракулями.

Пожалуйста, извини меня, что я в последние дни молчала, но сначала было так, что я совсем не могла писать, а потом на уик-энд была так занята, что не было ни минутки свободного времени. В субботу в нашем теннисном клубе состоялся юношеский турнир, и это было просто супер! Были приглашены все (многие!) спортивные клубы Бонна, и всё только "первые ракетки". Тут такого всего было, и я помогала в организации турнира, сидела в

правлении за администраторской стойкой. Это, конечно, жутко смешно, но многие люди вдруг становятся с тобой по этой причине сразу такими вежливыми, какими никогда бы не были, встреться ты с ними просто так. Ах, как было здорово побыть опять среди сверстников, которые ведут себя так непринужденно, потому что им ничего неизвестно (что касается меня). А вечером был праздник, хотя сначала казалось, что он неизбежно провалится. Начало было назначено на половину восьмого, но из этого ничего не вышло. Многих еще просто не было, а кое-какие любопытные из числа посторонних ушли, что само по себе было даже очень кстати. Как-никак для меня это первый молодежный праздник за весь год. В половине десятого наконец все раскачались, и представь себе — я открывала бал в паре с Томасом Гранером. Мы первыми начали танцевать, и вдруг вся танцплощадка оказалась забитой. Видимо, всем хотелось попрыгать, но ни у кого не хватало смелости выйти первыми. А накануне я была в большом унынии, потому что почти потеряла всякую надежду, что смогу пойти. Но нам дали двойную дозу таблеток, и все было о'кей.

В воскресенье мы весь день были вместе со всеми Мольтке в Обервинтере. Там было просто отлично, и я здорово порозовела. Один раз, правда, испортилось настроение, потому что Матгиас всех вывел из себя и, конечно, от всех получил взбучку, но потом все прошло.

Я действительно могу сказать, что уик-энд мы провели чудесно. Надеюсь, ты тоже. Мне надо чуть передохнуть! А знаешь, мне вытащили гвозди! Помнишь, из той щиколотки, которую оперировали? Нельзя сказать, что это было самое большое удовольствие в моей жизни, и я как-то все себе по-другому представляла. Кроме того, я жутко боялась, потому что не знала, что меня ждет. В промежуток между уколом и самой операцией они на двадцать минут оставили меня совершенно одну. Мне это совсем не понравилось, н в голову полезли всякие дурные мысли. Моя дорогая Марен, вполне возможно, что я сегодня вечером еще позвоню. Я часто думаю о тебе!

Твоя Белли

Большой привет от всех наших.

В конце мая мы с папой познакомились с канадской парой Хетти и Полом Мартин. За короткое время они стали нашими хорошими друзьями. У них было двое детей — Тереза и Ян. Знакомство с этой семьей явилось для нас настоящим подарком. Они очень старались привнести в нашу жизнь радость и надежду. Эту семью отличала глубокая вера и умение естественно радоваться жизни.

Первое, чему, по их мнению, нам следовало научиться, — это играть в бинго1. Мы принарядились и заказали столик в таком месте, чтобы не дуло и чтобы по возможности рядом никто не курил. Сначала все ужинали, а потом стали играть. Беседовали мы на английском. Молодежь сидела на одном конце стола, мы, старики, — на другом. Ян сидел напротив тебя и рассказывал много и интересно. Он был старше тебя на три года, обладал большим чувством собственного достоинства и был очень уверен в себе. Во всяком случае, впечатления робкого молодого человека он не производил, Это было для тебя что-то новое. Судьба распорядилась так, что ты сорвала джекпот. Тебя вызвали вперед, на сцену, н все, кто про тебя все знал, радовались за тебя. После игры ты захотела в туалет, в этом не было ничего трагичного, но только ты не вернулась назад. И Ян тоже исчез. Папа забеспокоился, но Хетти решительно остановила его: "Да они скоро придут!" Через некоторое время Кристиан отправился на поиски сестры и вернулся назад в сильном возбуждении. "Они там гуляют по парку!" Для тебя началось чудесное время. Вы влюбились друг в друга. Ян почти ежедневно приходил к нам домой навестить тебя. Ты очень скоро перестала надевать парик, когда он входил. Ян сказал, что видит только твои прекрасные глаза.

(1 Лотерея (англ.).)

Обычно мы разговаривали сначала все вместе; потом Ян уходил с молодежью в комнату Кристиана или Маттиаса. Там начинались профессиональные дебаты про футбол, рэп или поп-музыку. Затем Ян шел с тобой к тебе. Эти часы были для тебя самыми прекрасными. Но Кристиан смотрел на это совсем по-другому. В нем вдруг просыпался инстинкт старшего брата-защитника, и он открыто переходил в атаку. Как только в твоей комнате становилось слишком тихо, он решительно входил в дверь со словами "Р1гз1 соШго!"1, а если находил нужным, то устраивал и "Зесопё сопШ>1"2. Кристиан не выносил закрытой двери. Он всегда отыскивал повод, чтобы ворваться. Однажды он вернулся назад совершенно обескураженный: "Он целует ее!" Как же я была рада!

Если Кристиан становился слишком любопытным и ревнивым, я брала стул и садилась, как Цербер, перед твоей дверью. Для тебя визиты Яна были счастливейшими часами.

My Dear Jan![3]

The evening yesterday was lovely. It gave me very much power.

I'm very excited if you kiss me. It is such a nice feeling. You can't imagine, what a great feeling it is, if I know that you will like me the way I am. You know I am ill, but just for some time. When I have to stay in bed, I need nice things to think of. I kiss you so sweet and soft.

Your Isabell

(1 Первая проверка (англ.)

2 Вторая проверка (англ.)

3 Мой дорогой Ян! Вчера был великолепный вечер. Это придало мне столько сил! Я так волнуюсь, когда ты целуешь меня! Какое это прекрасное чувство! Ты не представляешь, как это потрясающе здорово знать, что я нравлюсь тебе такой, какая я есть. Тебе известно, что я больна, но не все же время. А вот когда приходится лежать в постели, то так нужно, чтобы было о чем думать приятном. Целую тебя нежно-нежно! Твоя Изабель (англ.))

Но было кое-что и еще, что занимало тебя в жизни. Ухудшилось состояние Марен, ее пришлось отвезти в Мюнстер в ортопедическое отделение, чтобы подобрать ей новый корсет. Ты очень беспокоилась за нее.

Выборочно ты ходила на отдельные уроки в школу, но ничего путного из этого не получалось. Стали появляться мысли остаться после летних каникул на второй год, и ты подыскивала, ориентируясь на учителей и школьников, подходящий для тебя класс годом младше — новый класс в гимназии имени Коменского.

24 мая 1982 г.

Моя дорогая Марен!

К сожалению, мне приходится писать левой рукой, потому что правая очень болит (писать трудно).

Сейчас ты уже несколько часов в Мюнстере. Надеюсь, этот переезд был для тебя не очень тяжелым. Обещаю, что буду поддерживать тебя и помогать чем только смогу.

Мой класс кажется мне, за небольшими исключениями, очень глупым и неинтересным. Я уже приняла почти окончательное решение повторить этот учебный год в 9а. Я больше не чувствую связи со своим классом, я для них — посторонняя. У меня даже такое ощущение, что я занимаю не свое место и им как бы неприятно, что я опять тут появляюсь — они меня словно игнорируют. То ли я себе это воображаю, то ли это действительно так? Сейчас мне это уже, собственно, безразлично, потому что я решила остаться на второй год. И есть еще одна причина, чтобы перейти в другой класс: там не знают, что со мной было, и потому отношения будут более естественными.

Что меня особенно радует в последнее время, так это то, что теперь я очень часто общаюсь с Мольтке. С Доротеей мы понимаем друг друга очень хорошо, и наши родители тоже уже перешли на "ты".

Моя милая, мужественная Марен, я молюсь за тебя, чтобы все прошло для тебя полегче. Соберись с силами и думай о стихотворении "Следы на песке", которое ты мне однажды подарила. Мне оно очень помогло.

Ну пока, до следующего письма! Обнимаю тебя!

Твоя Белли

Р.8. Все наши дружно приветствуют тебя!

25 мая 1982 г.

Привет, моя милая Марен!

Минуту назад я сделала радостное открытие — нашла пленку, про которую мы с тобой думали, что она давным-давно где-то затерялась.

По моему почерку ты видишь, что с правой рукой дела стали получше. Вчера у меня вряд ли получилось бы писать.

Сейчас одиннадцать часов утра, но я не в школе (из-за руки). Конечно, может, я и смогла бы пойти, если б очень захотела, но мне не хочется. Еще месяц назад я бы даже представить себе такого не смогла.

Сегодня после обеда пойдем с Доротеей

фон Мольтке поболтаться по городу. Я с нетерпением жду этого, ведь когда много сидишь дома одна, в голову лезут всякие мысли. Вчера вечером я без конца вспоминала четвертый курс химиотерапии и, конечно, плакала. Хотя мне это ни к чему, но страх побороть очень трудно. К сожалению, тогда и на долю родителей тоже выпадает очень много. И я все время стараюсь скорее стать снова веселой, а то мама тоже начинает очень грустить.

Я навела у себя в комнате необыкновенный уют: . сижу на тахте, передо мной новый маленький столик, на нем свеча, чашка с чаем и все, что нужно еще, шоколадка Айег Е1§Ы и бутерброд, и я пишу тебе письмо!

Когда у тебя будет время, ты должна обязательно ко мне приехать. Я буду так рада.

За последнее время я открыла для себя, что мне нравится писать письма. Те, которые обязательные, пока еще не доставляют мне удовольствия, а вот те, в которых мне есть что сказать "получателю", приносят мне огромную радость.

А ты взяла с собой книги? Но только по-настоящему интересные? Ты ведь знаешь, достаточно одного твоего слова, и я тут же вышлю все, что тебе хочется. А знаешь, какую книгу я сейчас читаю? "Калифорнийскую симфонию" Гвен Бристоу. Ты ведь читала ее вместе с Изи? Это похоже на "Унесенные ветром"? Если так, я проглочу ее мгновенно.

Моя дорогая Марен! Я скоро тебе опять напишу. Выше голову!!! Мы все думаем о тебе. Обнимаю тебя!

Твоя Белли

Боли в руке становились все сильнее. Однажды они стали такими нестерпимыми, что врачи предположили, нет ли там самопроизвольного перелома. Опухоль на спине уплотнилась, прощупывался узел размером с голубиное яйцо и давивший, конечно, на нервные окончания. Врачи боннской больницы обследовали тебя и обсудили все с кёльнскими коллегами. Решался вопрос в пользу очередного курса химиотерапии.

Подумывали начать 28 июня 1982 года, но ждать так долго не представлялось возможным — 14 июня нам пришлось вернуться в Кёльн.

А накануне состоялись крестины Саши. Дата была назначена заранее и с учетом графика твоей жизни. Тебе обязательно полагалось присутствовать во время совершения обряда. Но теперь ты могла это сделать, только превозмогая сильную боль. Тем не менее ты сумела порадоваться общению со своей крестницей. А мы были в тоске и испытывали беспокойство. Мы видели, как ты страдаешь от непосильной боли, но лишь мужественно стискиваешь зубы, чтобы не омрачать всем радостного настроения во время этого прекрасного и полного любви торжественного события.

16 июня 1982 г.

Моя милая дорогая Карелии!

Я опять лежу в больнице и не могу, к сожалению, писать тебе самостоятельно, потому что очень болит правая рука. Вместо меня пишет моя дорогая мамочка, а я ей диктую. Меня, собственно, должны были положить только 28 июня, но я рада, что срок передвинули на две недели раньше. У меня вот уже примерно три недели сильные боли в спиие, и они становились все хуже и хуже, и мое грустное подозрение на новообразование оказалось небеспочвенным. В ближайшие дни меня обследуют, насколько разрослись опухолевые клетки. Я рада, что теперь это обнаружили так рано, по крайней мере, вся картина не будет пока выглядеть столь трагично, как в прошлом году. Тем не менее я очень боюсь, что дела с опухолью могут еще ухудшиться. Вчера я познакомилась здесь с одной молодой женщиной (Кпаудией), она лечится уже давно, и разговор с ней дал мне очень много. Ей всего 27 лет, и пока мы прекрасно понимаем друг друга. Мы носимся с мыслью попасть в одну палату, что, правда, имеет свои недостатки. Курс нам начнут проводить почти одновременно, что будет не очень хорошо, потому что мои родители не смогут тогда оставаться со мной на ночь. Но с другой стороны, это и большое преимущество — нагрузка на них уменьшится. Впрочем, все продлится только несколько дней — у нее сейчас короткий курс. Она мне очень интересна, потому что это первый человек с такой же "судьбой", как у меня. Но она болеет дольше моего и может потому ответить на мои вопросы, на которые здоровый человек ответа никогда не найдет.

Мне разрешили уехать на конец недели домой, но в пятницу утром я должна явиться на исследование. Я очень рада, что на выходные буду дома, и мама сможет принять вместе с Мари участие в теннисном турнире. А еще я радуюсь сегодняшнему вечеру, потому что мы идем большой компанией в Американский клуб играть в "бинго". Так как я последние два дня просидела из-за исследования на слабительном и мне ничего нельзя было есть, я очень радуюсь, что там будет много вкусной еды.

Дорогая Каролин, у тебя скоро начнутся летние каникулы, и у вас сейчас наверняка уже не так много письменных работ. Я держу за тебя кулаки, чтобы твой учебный год закончился хорошо. Надеюсь, этим летом мы еще разок повидаемся!

Привет всем твоим. Обнимаю тебя и сердечно целую.

Твоя Изабель

Кёльн, 23 июня 1982 г.

Моя дорогая Инес!

Хотя все и выглядит так, что письмо тебе как бы пишет мама, но я диктую ей его. У меня, к сожалению, рецидив, все чудовищно болит, потому что опухоль давит на нервы. К счастью, меня вот уже третий день, как лечат, и это уменьшает боль, но повергает меня в очень неприятный мир ощущений. Что мне очень помогает, так это поддержка моих родителей и одного канадского юноши, с которым я познакомилась совсем недавно. Он такой чуткий и сдержанный, что даже трудно .-себе представить такое после недели знакомства.

Когда я вернулась в Кёльн (14.6), врачи стали обсуждать, не провести ли мне курс лучевой терапии. Но так как мне требовалась срочная помощь, потому что я больше не могла терпеть этих болей, решили вернуться к старой схеме. Сегодня на обходе профессор Егерь опять очень ободрил меня. В настоящий момент я даже не могу себе представить такого состояния, когда ничего не болит и ты хорошо себя чувствуешь, Но к счастью, мне уже оказывают помощь. Сегодня ночью я впервые за всю неделю смогла проспать подряд пять часов. До этого у меня были такие боли, что я, несмотря на четыре таблетки фортрала, не могла ни сидеть, ни лежать.

13.6 мы еще съездили в Мангейм к Зигфриду, они крестили свою маленькую дочку, и я стала ее крестной. Еще мне удалили гвозди из сломанного сустава. Как видишь, последний перерыв в лечении мы использовали на полную катушку.

Моя дорогая Инее, сердечно обнимаю тебя и желаю всего наилучшего. Передай привет всем своим.

Твоя Иэабель

Когда мы в этот раз приехали в Кёльн, сначала надо было сделать несколько исследований. Даже врачи и сестры главного корпуса, особенно в отделении рентгенологии, уже знали тебя в лицо и проявляли участие. В эти дни тебе еще раз сделали биопсию — для повторного гистологического исследования.

Самыми трудными были ночи. Несмотря на очень сильные лекарственные средства, ты не могла спать от боли. Это был первый рецидив. До сих пор мы думали, рецидивы бывают только у других. Мы верили в чудо!

На сей раз твой боевой дух больше всего мобилизовывали контакты с людьми. Ян навещал тебя в Кёльне или звонил по телефону. Думы о нем высвобождали в тебе гигантские силы сопротивления. Он подал тебе идею "вешать в шкаф" свои боли, так сказать, "снимать" их с себя, как бы отдалять от своего тела, думая о чем-то другом, и тогда боль как бы и не чувствуется. Он оказался прав: когда ты думала о нем, то забывала о своих болях...

В этот раз в отделении было много больных молодого возраста. Но ближе всех тебе была Клаудиа, молодая женщина, так красиво повязывавшая косынку вокруг головы. Она перенесла уже несколько рецидивов и очень подбадривала тебя. Она сама была очень мужественной молодой женщиной, всего 27 лет. Новым пациентом был также Михаэль, юный студент. Ему повезло. Совершенно случайно у него обнаружили опухоль еще в начальной стадии. У него были все шансы продолжить со следующего семестра занятия. Он тоже был для тебя хорошей поддержкой. Вы играли с ним в разные игры и слушали вместе музыку.

Частная клиника профессора Егеря помещалась в совершенно старом здании, и на всех пациентов имелся только один туалет и один душ — в конце коридора, куда во время проведения курса надо было ходить вместе с капельницей. Это было довольно сложно, но стимулировало контакты между больными. Если кто чувствовал себя лучше, садился в коридоре на стул — их там стояло много. Это было, так сказать, ваше "клубное" помещение. Здесь узнавали все, что происходило в отделении.

20 июня тебе начали новый курс лечения. По схеме ХОК. К счастью! Боли ослабевали с каждым днем. Профессору Л. ты однажды сказала в те дни, как ты благодарна, что Господь Бог посылает тебе эти боли, заставляя твое тело таким образом реагировать, так что ты всегда сможешь узнать, если опухоль опять начнет расти! О позитивизме ты никогда ничего не слыхала и не читала, просто была удивительным оптимистом по натуре! 27 июня курс был закончен, и через три дня тебя уже отпустили домой. Только при условии соблюдения строжайшей изоляции, так как лейкоциты сейчас были очень низкими. В связи с этим у тебя возникла большая проблема: можно ли тебе поцеловать Яна, когда он придет навестить тебя? Я не знала и предложила спросить об этом профессора Л. Тот сказал, что целоваться с маской на лице, конечно, радости мало, пусть твой друг лучше позаботится о том, чтобы не простудиться.

3 июля мы пригласили к себе в гости всю семью Мартин. За столом мы посидели вместе, а потом вы, молодежь, ушли в одну из комнат, и мы остались разговаривать наедине с Хетти и Полом. У нас возник план: в августе, по расчетам профессора Егеря, намечалась перспектива отпуска. Мы хотели взять с собой Яна в один маленький пансионат в Эйфеле1. Но прежде чем сказать об этом тебе, нам надо было сначала обсудить это с Хетти и Полом и потом с Яном. В то воскресенье мы спросили их об этом. Они отнеслись к нашему плану положительно. В понедельник вечером Ян опять зашел навестить тебя. Мы сразу попросили его зайти к нам в комнату. Ты расстроилась, что он не сразу пошел к тебе. Мы тем временем изложили ему наш план, предоставив ему полную возможность отказаться. Он очень обрадовался и направился к тебе, чтобы рассказать, что поедет с нами. Наш разговор занял не больше двадцати минут, но твое недовольство, что Ян не прошел сразу к тебе, было слишком велико. Твое настроение упало до нуля, и ты никак не могла совладать с собой. В обычном состоянии тебя вряд ли можно было бы назвать капризной девочкой. Это были те самые резкие скачки в настроении, которых мы всегда так опасались во время курса. Ян беспомощно стоял перед тобой, но изменить твоего настроения не смог. Я думаю, именно в тот вечер он впервые понял, насколько ты больна, и был напуган до глубины души.

4.7.1982

My dear Jan,*

now you are gone since half an hour and I would like to thank you because you tried to help me so nice. You were a great help for me and I promise you to try never to be like that again. I'll leave my illness in a bottle in the cupboard.

I must have been very strange because my whole family asked me what had happened.

You are a very close friend of mine because there are not many people besides my family I can speak so sincere with. Sometimes I wonder why you like me. I have so many problems I have to live with, you can't do anything with me...

I have a very high opinion of your evening meetings with me because during that time there is always football and I believe you'd love to watch football.

* Мой дорогой Ян!

Прошло уже полчаса, как ты ушел, и я хочу поблагодарить тебя, потому что с твоей стороны было так мило, что ты хотел мне помочь. Ты действительно очень помог мне, и я обещаю тебе постараться больше никогда не быть такой — засуну свою болезнь в бутылку или "по-

вешу в шкаф".

Я, наверное, была очень странной, потому что все мои родные

спрашивали меня, что случилось.

Ты мне очень близкий друг, ведь кроме моей семьи я очень мало с кем могу говорить так искренне. Иногда я спрашиваю себя, что ты во мне нашел. В моей жизни столько неразрешимых проблем, и со мной бывает так трудно...

Я очень ценю, что ты приходишь вечером, хотя в это время всегда передают футбол, и тебе наверняка страшно хочется посмотреть его.

It's nice to spend time with you. I was so sorry that you just had the two hours, I felt bad. Now, I feel much better again for the most part you were so kind to me.

I believe your whole family and you are very super people. We just know each other since two weeks and you already gave me so much power. It's nice to know such powerful people.

But I hope I won't only take. I will give you my help as soon as can and you'd like to take it. I hope Tuesday is coming soon. I kiss you very soft and warm, enjoy that kiss!

Your Isabell

С этого момента его посещения стали реже, беседы не столь оживленными. Когда ты, прощаясь с ним, спрашивала его, придет ли он снова, он отвечал все нерешительнее и неопределеннее, говорил лишь "ргоЬаЫу"1 или "ргhарз"2. Ян начал "отступление". Ты переживала это болезненно, тебе трудно было смириться. "Мама, как жаль, что Ян больше не приходит, но не поддаваться же ради приятных ощущений ошибочным иллюзиям".

С тобой так хорошо! Мне жаль, что у тебя было всего два часа, а я почувствовала себя так плохо. Теперь мне снова гораздо лучше, и все потому, что ты был таким милым со мной.

По-моему, и ты, и вся твоя семья — просто потрясающие люди. Мы знакомы всего каких-то две недели, а вы уже дали мне столько сил. Это так здорово — знать таких сильных людей!

Но я совсем не хочу только брать. Я хочу давать, и если вам когда-нибудь понадобится помощь и вы согласитесь принять ее от меня, я буду счастлива. Скорей бы вторник! Целую тебя нежно и горячо. Чувствуешь? Твоя Изабель (англ.)

(1 Вероятно (англ.).

2 Возможно (англ.).)

На этот же перерыв в лечении приходится еще один чудесный вечер — с профессором Л. и его супругой и доктором Тёбеллиусом. Мы пригласили их на японское "сукияки"3. Тёби пришел чуть раньше, чтобы еще немного поговорить с тобой. В этот вечер Ян тоже был у нас в гостях. Гости разглядывали молодого человека весьма пристально. Говорили о спорте вообще, о футболе в особенности (Ян был почти профессионалом по этой части) и про американские университеты. Доктор Тёбеллиус (к этому времени у нас в семье его уже все называли просто Тёби) подошел к нам в конце ужина очень смущенный и спросил: "Кто этот самонадеянный бойкий молодой человек?" Он, очевидно, был обеспокоен, что этот бойкий молодой человек может причинить тебе страдания. Вечер прошел интересно, в раскованной обстановке, еда была отличной, интерес к Японии — неподдельным. Тёби и профессор Л. уже бывали в Японии. Разговоры велись открыто, чистосердечно, не затухая ни на минуту.

После того как Ян ушел, ты вышла к нам. Тёби еще раньше спрашивал, почему тебя нет за столом. Ты появилась такой, как была одета в своей комнате: в домашних тапочках, пижамных штанах и без парика. Когда профессор Л. и его супруга ушли, мы тихо-мирно провели остаток вечера с тобой и Тёби.

19 июля ты опять легла в клинику в Кёльне.

19 июля 1982 г.

Моя дорогая Каролин!

Надеюсь, ты проводишь каникулы так, что лучше себе и представить невозможно.

(3 Сукияки — мясо с овощами по-японски; праздничное дорогое блюдо с жаровней на столе.)

С сегодняшнего дня я опять в больнице и жду начала курса. Сегодня проводили исследования, и все в один голос сказали, что опухоль уменьшилась. Я очень обрадовалась, это значит, что тогда этот курс я перенесу легче.

Как было бы здорово, если бы я смогла приехать к вам, когда у вас будет Фридеман. Вот будет весело, и я опять окажусь среди молодежи. Меня страшно тянет побыть среди сверстников, наверное, потому, что в больнице вокруг меня одни взрослые.

Моя бесценная, желаю тебе прекрасно провести время! Целую и обнимаю тебя.

Твоя Изабель

P.S. Передай всем от меня привет. Возможно, мне принесут кошку, во всяком случае, какое-нибудь животное.

21 июля 1982 г.

Моя дорогая Дорис!

Я получила твое необыкновенно длинное письмо и прочитала его с восторгом.

Твое путешествие, очевидно, было фантастическим. От такого я бы тоже не отказалась. Ты просто раззадорила меня. Благодарю тебя за все твои многочисленные письма из Америки. Это было очень мило с твоей стороны.

За две недели перерыва у меня тоже было много разных событий и впечатлений. Я поддерживаю теперь связь с двумя учительницами — фрау Нифиндт и фрау Белль. Фрау Белль даже один раз навестила меня в больнице. Знаешь, это жутко интересно, когда можно заглянуть за кулисы школьной жизни. Фрау Нифиндт тоже очень интересный собеседник для меня, потому что она пережила нечто подобное и ей еще предстоит кое-что выдержать.

Последние дни дома оказались для меня не такими простыми. Предыдущий курс буквально травмировал меня, и я с трудом изживала из себя его последствия в бесконечном общении с людьми. К счастью, нашлось много тех, кто захотел мне помочь. Я уже достигла некоторого душевного равновесия, но иногда все-таки теряюсь и робею.

Миссис Мартин, мать Яна, подарила мне свой флакон с водой из Лурда1. Они все очень набожные, придерживаются строгих правил и очень верят в эту воду, потому что она для католиков — святая. Миссис Мартин сама была очень больна и убеждена, что эта вода исцелила ее. Этот подарок много значит для меня, потому что я знаю, чтб он значит для самой миссис Мартин. Дважды в день я крещу себя этой водой, и знаешь, это как-то помогает, восстанавливает силы.

Что меня иногда очень радует, так это то, как я могу радоваться какому-нибудь пустяку. Сегодня я опять много времени пробыла в постели, в некой полудреме. Думаю, подобное состояние дурмана или опьянения бывает у людей, которые принимают наркотики.

Мне надо еще тебе рассказать, что показало обследование. Врачи пока ничего не говорят официально, но опухоль еще уменьшилась или стала

(1 Лурд — место паломничества на юге Франции, где случилось "чудесное явление Богородицы" и где забил "чудодейственный источник".)

как прежде, потому что за последнее время она сильно выросла. А кроме того, профессор Егерь сказал, что он стремится к моему полному выздоровлению. Я в этом никогда не сомневалась или никогда не понимала, что все может кончиться как-то по-другому. В любом случае все это очень хорошо.

Моя дорогая Дорис, желаю тебе до конца хорошо провести каникулы. Вполне вероятно, я пробуду дома целый месяц.

Лечение началось удачно и протекает лучше, чем в последний раз. Привет всем.

Твоя Белли

В июле тебе проводили седьмой курс. Тебя поместили в самую маленькую и самую темную палату во всем отделении, и там негде было поставить вторую кровать. В палате стояло, правда, вольтеровское кресло. Когда Инга обо всем услышала, она организовала раскладушку, и Асси, папин коллега, привез ее еще в тот же вечер в Кёльн. Нам ничуть не мешало, что я каждый вечер "устраивала" себе спальное место, но все в этой палате давило на нас, атмосфера была мрачной и гнетущей. Да и само настроение в отделении тоже было удручающим.

Недавно сюда поступила молодая гречанка, лет двадцати, она была лежачей больной, так что контакта у нас с ней не было. Ее ежедневно навещала только такая же молоденькая студентка-гречанка, она говорила по-немецки. Мы старались как можно меньше рассказывать тебе об этом. Однако нам не удалось скрыть от тебя, что ее состояние с каждым днем ухуд шается. В отделение доставили кислородную установку и еще какую-то передвижную машину-сундук, назначение которой было нам неизвестно. Через две ночи мы услышали, как громко запричитала и заплакала студентка-гречанка. Больная отмучилась — вдали от своей родины и родителей.

Последующие дни в отделении тянулись чрезвычайно тоскливо. Двери снаружи герметически заклеили. Все знали, что в помещении будут проводить дезинфекцию. Твои мысли кружились вокруг самых мрачных вопросов. Ты хотела знать, будут ли обмывать труп?.. И кто?.. А когда тело положат в гроб?.. Здесь, в отделении, или в морге?.. Мы призвали на помощь все наши силы, но так и не смогли помешать тому, чтобы ты не впала в глубочайшую депрессию. Ты не хотела больше жить.

Тёби звонил нам и был в курсе, как развиваются события. Вечером он сам приехал в Кёльн и тут же взял инициативу в свои руки. Он выставил нас, родителей, из палаты. То есть, говоря нормальным языком, он, конечно, попросил нас дать ему возможность поговорить с тобой наедине. О чем он с тобой говорил, мы не знали. Но когда он пришел за нами через полтора часа, ты снова была готова продолжить лечение. Как мы были благодарны ему! И опять все пошло на улучшение! Боли отступили, лечение помогало. Это, между прочим, опять была схема ХОК. Чтобы как-то немножко развеять тебя, я выпросила разрешение ездить с тобой на машине по вечерам на прогулку в ближайший парк, только чтобы сменить обстановку. Было лето, но мы всегда брали с собой шерстяной плед и подушку — ведь мог подняться ветер. По дороге мы заезжали к одному итальянцу и покупали два мороженых, а потом ехали дальше, в зеленый пояс, окружающий Кёльн.

Я почти каждый день бегала по утрам и потому знала самые красивые места в округе. И одну скамейку возле озера. От стоянки до скамейки было недалеко. Лучи вечернего солнца освещали ее. Это была наша скамейка! Мы любовались лебедями и утками, время от времени в зелени деревьев мелькали белки, а мы предавались мечтам и ждали, когда сядет солнце. На обратном пути мы еще раз заезжали к итальянцу и покупали для каждого "едоспособного" пациента и ночной сестры мороженое. Частенько мы сдвигали в коридоре стулья, и начинался "треп". Мы приносили в отделение не только освежающее мороженое, но и чаще всего почерпнутое от общения с природой душевное умиротворение. Для тебя было насущной потребностью передать это состояние души другим. Иногда ты загадывала всем загадки или рассказывала что-нибудь смешное и веселое. Ты также очень хорошо умела отпускать меткие короткие реплики. Мы все лакомились мороженым и испытывали благодарность за эту естественную веселость твоего нрава!

Но на следующий день твое настроение могло так же стремительно поехать вниз. В один из таких дней — я никогда его не забуду, — это было жарким душным днем ъ середине лета, мне с трудом удалось вытащить тебя из этой бездны уныния. Я уговорила тебя сходить со мной "прошвырнуться" по магазинам.

Постепенно мы отвоевали в Кёльне кое-какие свободы для себя. Нам разрешали покидать отделение на два часа. Ты, собственно, шла рядом со мной абсолютно без всякой радости. Все ходячие больные отделения видели это, потому что сидели этим летним днем на скамейке в тени корпуса. Мы проехали на машине всего три улицы, и нам уже стали попадаться симпатичные бутики. В один из них мы зашли. Нам повезло: продавщица была очень приветливой, а магазин пустым. Ты поковырялась и порылась и отыскала очаровательное платье, которое сразу захотела примерить. Продавщица вызвалась помочь тебе. И, конечно, увидела на тебе бинты и заклеенную лейкопластырем трубку от катетера, торчавшую из твоей ключицы. Хлопчатобумажная косынка на твоей голове тоже съехала, и тогда она страшно испугалась, но ты отлично справилась с ситуацией: "Вам не стоит волноваться, я просто прохожу лечение!" Продавщица на удивление быстро взяла себя в руки.

Платье очень понравилось тебе, и ты настояла на том, чтобы я себе тоже что-нибудь купила. Я сделала это, хотя сегодня уже не помню, что это было. Тебе же это доставило радость. Проснулась твоя воля к жизни. "Мама, как ты думаешь, а если я вернусь в отделение в новом платье, они узнают меня? Они ведь все еще сидят там на скамейке!" И твои глаза засверкали. Старые тряпки — в пакет, новые — на себя, косыночку заново кокетливо повязать, солнечные очки — в машине, губная помада — у меня в сумке. Мы радостные ехали назад. Этот задорный блеск в твоих глазах, гордость в твоем сердце, что с дурным настроением покончено, это торжество на твоих устах — не было бы счастья, да несчастье помогло! Все-все видели это и радовались вместе с тобой! Это платье вдохновило тебя на множество замечательных идей. По какому поводу ты хотела бы надеть его? Кому бы ты

хотела в нем показаться? Тебе удалось на долгие часы забыть про свои боли или, как сказал бы Ян, "повесить их в шкаф".

28 июля 1982 г.

Моя дорогая Дорис!

Курс вчера закончился, и мне сейчас как раз делают переливание крови, потому что результат анализа очень плохой. А в остальном все новости обалденные:

1. Все результаты исследований, это ты уже знаешь, очень хорошие.

2. Как только моя кровь придет в норму, мне начнут новый курс, может, даже уже в эту пятницу, и он растянется очень надолго. Это означает, что раз в неделю мне будут делать инъекцию, и к тому же внутримышечно, то есть в попу. Все это может продлиться больше трех месяцев, если, конечно, пойдет нормально. Примерно в сентябре мне сделают контрольное обследование, после которого решат, что делать дальше. В общем и целом это значительно более мягкая терапия, более щадящая, и она, возможно, позволит мне вести почти нормальную жизнь.

3. Так что надо подумать о том, чтобы снова начать регулярно ходить в школу. Я уже радуюсь, что пойду в новый класс. Говорят, он очень милый, мне уже многие об этом сказали. Это меня особенно радует, раз появилась перспектива ходить в школу каждый день.

Может, у меня и волосы опять вырастут, тогда я смогу ходить без парика и без косынки. Косынку я только совсем недавно оценила, она намного приятнее этого идиотского парика.

А тебе известно, что у семьи Шольц, эта моя классная подружка, тоже очень много проблем с их отцом? Мне Инга рассказала, что у него язва горла, ему сделали биопсию и результат оказался положительным, а это значит, что у него опухоль.

Я написала Изи после этого письмо и предложила ей всяческую свою помощь, если у нее будут вопросы и т.д. Вечером я еще позвонила, и результаты исследования были уже известны достаточно определенно, а именно, что опухоль излечима. Я думаю, что немножко помогла ей, позвонив. Я так надеюсь! А кроме того, мне обязательно надо было это сделать, потому что именно ей я объясняла в письме, почему считаю поведение класса таким трусливым: прятать глаза и смотреть в сторону! Я ни за что не хотела бы вести себя точно так же.

Надеюсь, господину Шольцу повезет, как и мне, и он попадет в руки настоящих врачей.

А теперь о наших планах, чтобы я приехала к вам в августе. Тут, как ни смешно, нам придется как следует поломать голову. Если я начну опять нормально ходить в школу, значит, смогу приехать только в свои "каникулы". Другая возможность — это в середине сентября, когда мой новый класс отправится в поездку на школьную экскурсию, а мне с ними ехать не разрешат. Или, если это будет проще, ты приедешь к нам. Я очень надеюсь, что у нас все получится. В последние дни мне совсем не хотелось писать, а сегодня это доставляет мне I, большое удовольствие. >.

Дорогая Дорис, передай, пожалуйста, от меня « приветы всей твоей семье. Надеюсь, до скорого.

Твоя Белли

30 июля нам разрешили вернуться домой, и у нас была сногсшибательная перспектива: в течение ближайших трех месяцев — амбулаторное лечение. Раз в две недели тебе должны были делать внутримышечную инъекцию, а в промежутке — анализ крови. Мы ста-• ли строить планы, как ты снова начнешь ходить в ; школу и куда мы еще съездим летом отдохнуть. Лекар-1 ство, на которое врачи возлагали надежды, называлось блеомицин. Ты тоже слышала, что его применение часто дает хорошие результаты. 9 августа, когда число лейкоцитов было уже достаточно высоким, тебе сделали первый укол. Но, к сожалению, ты перенесла его плохо. У тебя начались приступы лихорадки и озноба, каких мы раньше не знали. К счастью, из Бельгии приехали Аксель и Каролин, и это тебя несколько отвлекло.

В Бонне тоже стало поспокойнее, потому что наступили школьные каникулы. В помощь подключились мои приятельницы. Когда ты чувствовала себя хорошо, Лев забирала тебя в Обервинтер. Там были Лип-пи и Патти — оба ее сына, ты отдыхала в прекрасном саду, находила для себя новые книги в ее обширной библиотеке и просто была благодарна, что видишь вокруг себя все совсем другое. Ты ходила также в гости к Жозефу и Жаклин вместе с Филиппом и Иоганном. К обоим мальчикам приехал еще молодой грек. Трое обаятельных юношей привлекательной наружности сидели с тобой в саду, а Жаклин подавала вам вкусные прохладительные напитки. Иоганн бренчал на гитаре, Филипп болтал с тобой о старых временах, когда ты еще играла в теннис — тебе было всего десять лет, когда ты взяла на себя роль его тренера. Или заходила иногда Кристиана, и вы слушали кассеты с музыкальными записями, навевавшими на тебя радужные мечты.

Писем тоже приходило много. Из кёльнской клиники тебе написала д-р П., детский врач.

Кёльн, 11 августа 1982 г.

Моя дорогая Изабель,

сердечно благодарю за Ваше теплое письмо. Как хорошо, что последний курс прошел без особых осложнений! А перспективу трехмесячного амбулаторного лечения я нахожу особенно приятной и желаю, чтобы блеомицин пошел Вам на пользу и не доставил никаких особых хлопот. Идею сделать небольшой летний отпуск я нахожу разумной — отдохнуть надо не только Вашим родителям, но и Вам самой. Я слишком хорошо знаю, насколько утомляет физически постоянное нахождение в больнице, все эти процедуры и прежде всего бесконечные сидения и ожидания и как это отражается на общем душевном состоянии. Поэтому так важно суметь восстановить себя в перерыве, вкусив и насладившись прекрасным, до краев наполнив себя радостью и новыми впечатлениями. Чем больше мы можем вобрать в себя, тем труднее подсознательным или сознательным страхам овладеть нашей психикой.

Поэтому желаю Вам хорошего отдыха. Если Вы хотите снова включиться в учебный процесс, спокойно начинайте это делать и не впадайте в излишнее честолюбие, тем более разочарование. Кое-что поначалу будет Вам казаться другим, не таким, как прежде. За время Вашей болезни особый вызов был сделан не только Вашему телу, но и Вашему духу, Вашим способностям мыслить, чувствовать и ощущать, а нормальный школьный процесс делает это иначе. Вас занимали совсем иные проблемы, и мысли Ваши шли по иному пути. Так что переключение на "школьные рельсы" первоначально покажется Вам несколько сложным делом, как и налаживание отношений с новым классом, прошедшим в свою очередь совершенно иной путь развития, отличный от Вашего. Немного терпимости и спокойствия Вам не помешают — как по отношению к себе, так и по отношению к другим, пока оба разных "мира" не почувствуют доверия друг к другу и не захотят сблизиться и даже объединиться. Это нормальный психологический процесс, и он не должен ни пугать Вас, ни настраивать на худшее. Желаю и для этого набраться сил и выдержки.

Но в первую очередь побольше радостей и приятных впечатлений во время отдыха. Я много думаю о Вас и шлю свой сердечный привет.

Ваша Ульрика П.

15 августа 1982 г.

Дорогая Дорис!

У вас уже начался учебный год. Твой приезд ко мне был просто супер.

С тех пор кое-что произошло. Мне уже сделали первую инъекцию, и я, к сожалению, не очень хорошо ее перенесла. У меня поднялась до сорока температура и бил сильный озноб. Постепенно все улеглось, и я надеюсь, что в следующий раз все пройдет легче. Но все равно это в тысячу раз лучше, чем лежать в больнице. К тому же к нам часто приезжают и приходят гости.

Дорогая Дорис, мне очень жаль, но мне что-то не хочется писать, я просто хотела о себе напомнить.

Пожалуйста, не сердись на меня, что письмо такое короткое. Всего.

Твоя Белли

16 августа мы смогли поехать на пять дней в Обер-ланштайн в хороший отель со спортивными сооружениями для летнего отдыха. До сих пор мы еще ни разу не жили всей семьей, с тремя детьми, в таком дорогом отеле. Но это было самое лучшее, что можно было предпринять в данных условиях. Уехать далеко мы не могли, кроме того, поблизости должна была обязательно находиться больница, потому что необходимо было следить за кровью.

Для тебя самым дорогим было то, что мы наконец могли позволить себе небольшой отдых. Ты с радостью наблюдала, как мы с мальчиками играем в теннис. Тебе разрешили немного поплавать, даже если будет болеть рука. Ты была счастлива и чувствовала себя в бассейне, как рыба в воде, ты ведь очень хорошо плавала, так что двух ног и одной руки тебе было вполне достаточно для "кроля". В спортзале ты играла с Кристианом и Маттиасом в пинг-понг. Поскольку тебе трудно было бегать вдоль стола, мальчики усадили тебя на стул и старались подавать мяч так, чтобы ты могла достать его ракеткой. Они создали для тебя иллюзию игры, но тебе и им было от этого радостно. Мы совершили прекрасную прогулку на пароходике вверх по Лану и вниз по Рейну. Никто из туристов не заметил, что во время прогулки ты мерила себе температуру, чтобы определить, не поднялась ли она и не пора ли уже спускаться вниз или еще можно побыть на палубе. Но все обошлось, и мы все, и мальчики тоже, были очень счастливы.

В предпоследний день мы пригласили к нам семейство Мартин, естественно, Яна тоже. Было не так-то просто убедить папу не отказывать тебе в этом. Ян ведь все равно возвращался в начале сентября в университет в Канаду. Удастся ли вам когда-нибудь увидеться еще раз? Не хотелось, чтобы у него остался горький осадок. Да и тебе очень хотелось увидеть Яна. Хетти сразу все поняла. День прошел в полной гармонии и закончился нормальным спокойным "До свидания" со скрытой надеждой, что Ян приедет в Германию на Рождество, и вы снова повидаетесь.

23 августа был днем следующей инъекции. После этого было назначено контрольное обследование, в том числе компьютерная томография и рентгеноскопия легких. Заведующий рентгенологическим отделением смотрел тебя сам — крупный, седовласый, представительный мужчина, которого, Бог свидетель, не так-то легко было вывести из равновесия. После обследования профессор-рентгенолог подошел ко мне и сказал: "Это лечение необходимо немедленно прекратить, я поговорю с профессором Л.!" Боже мой, а

тебе только что сделали вторую инъекцию, и профессор Егерь был в отпуске! Рентгенолог был совершенно белым — для него ты тоже была уже больше, чем одна из многих пациенток. Я боролась со слезами. Не знаю как, но по его печальным глазам я поняла, что он обнаружил в легком что-то страшное. Надежда на медицинское чудо рухнула. В этот момент все стало для меня окончательно ясным.

Врачи совещались. Тебе необходимо было изменить печение, и чем быстрее, тем лучше. Требовалось место в клинике. Профессора Егеря, несмотря на отпуск, необходимо было поставить в известность. Наконец был получен результат повторной биопсии. Два института провели исследование независимо друг от друга, и результаты их не совпали. Врачи клиники остановились на диагнозе, что первичная опухоль скорее всего представляла собой ганглионейробластому, то есть была злокачественной.

На сей раз мы считали дни, когда попадем в Кельн. 30 августа место наконец освободилось.

30 августа 1982 г.

Дорогая Дорис!

Очень коротенькое письмо, и опять каракулями, потому что у меня снова очень сильные боли. К несчастью, у меня повторный рецидив, из амбулаторного лечения ничего не вышло.

Ближайшие пять дней лечение будет довольно жестким, чтобы заставить опухоль уменьшиться. Я рада, что сразу будет что-то предпринято, потому что эти так называемые периодически возникающие к перемещающиеся боли просто чудовищны.

Самое раннее я дам о себе снова знать в воскресенье — тогда курс уже закончится.

Дорогая Дорис, надеюсь, твой новый учебный год начался удачно — мой так совсем никак.

До скорого! Привет твоей маме.

Твоя Белли

Этот курс был особенно суровым, но ты боролась с трудностями. В конце концов, тебе очень хотелось пойти в начале сентября в школу — в твой новый класс. Пока об этом следовало забыть. Но твой новый класс не забыл тебя! Они сами пришли к тебе. Фрау Келлер, твоя новая классная руководительница, и твои новые одноклассники — все они боролись с тобой за твою жизнь. Сначала приходили только письма, потом фрау Келлер лично приехала в Кельн, через какое-то время на это отважились и ребята. Это стало для тебя огромной поддержкой и стимулом.

2 сентября 1982 г.

Дорогая Изабель,

надеюсь, что все приветы и пожелания, которые направил Вам Ваш новый класс, уже дошли до Вас, Я, мы все с удовольствием послали бы Вам нечто большее, чем просто несколько написанных слов, " но это мы сделаем чуть позже, когда Вы снова будете дома. Надеюсь, Вы чувствуете, как часто и всем сердцем я думаю о Вас. Я знала Вас только по Вашим приветливым словам "Доброе утро, фрау Келлер", когда мы встречались в школьном дворе,

если у меня было утреннее дежурство. Поэтому очень хорошо, что во время моего визита к Вам на прошлой неделе мы смогли поговорить друг с другом подольше. Из нашей беседы я извлекла для себя много поучительного, есть над чем задуматься.

Оставайтесь и дальше такой же мужественной! Иногда мы можем снять с человека часть его душевного бремени, которое он вынужден нести, одним лишь своим присутствием и своим душевным настроем. Конечно, с телесными болями Вам придется справляться в одиночку, если медицина и врачи не смогут их облегчить Вам. Однако я думаю, что сознание того, как много людей мысленно находятся с Вами в Вашей больничной палате, пытаются представить себе, как Вы страдаете, может прибавить Вам сил и придать уверенности.

Мои мысли обращены к Вам. И на этом я умолкаю, потому что то, что я испытываю в душе, выраженное на бумаге, будет звучать слишком выспренне. Я лучше останусь при том, что Вам уже известно: мы все мыслями с Вами и надеемся, что сила духа в самом широком смысле этого слова восторжествует над нашим бессилием в его физическом выражении.

Как только это будет возможно — Ваши родители дадут мне об этом знать, — я снова приду навестить Вас.

С сердечным приветом

Ваша Рут Келлер

8 сентября 1982 г.

Моя дорогая, дорогая Карелии!

Прости, что так долго не писала тебе. Твои два последних милых письма я получила. Спасибо!

Мне так хочется опять приехать к вам, и не на один денек, а как тогда, может, сразу на несколько. Я уже подумываю об этом. Вот было бы здорово! Мы могли бы погулять по заснеженным дорожкам и т.д.

Я теперь в новом классе, и он действительно просто супер! Они меня навещают как сумасшедшие, а я ведь даже еще ни разу не была у них в школе. Я, правда, многих из них знаю, тем не менее эти частые набеги просто что-то невероятно удивительное!

Моя милая маленькая Каролин, обнимаю тебя и крепко целую. Надеюсь, скоро увидимся.

Пока.

Твоя Белли

В эти дни в Кёльн приехал также Бьёрн, чтобы навестить тебя. С давних пор он был твоим поклонником и только ждал малейшего ответного сигнала с твоей стороны на проявление его чувств. Но как бы ни был он мил, он был не в твоем вкусе. Ты в этот день чувствовала себя плохо, тем не менее Бьёрн провел три часа у твоей постели и сделал несколько трогательных снимков. Никому из фотографировавших не удалось так точно запечатлеть атмосферу кёльнской больницы.

У тебя появился и другой источник, суливший тебе укрепление сил: Бад — психолог в Американской школе и твой бывший партнер по теннисному турниру в клубе — тоже захотел помочь тебе. Бад обратился ко мне и сказал, что может повысить твою сопротивляемость путем гипноза и упражнений на расслабление. "Гипноз" показался нам всем чем-то очень

подозрительным, но сам Бад внушал нам полное доверие. Я спросила профессора Л., можно ли с помощью гипноза переломить твой характер. "Он скорее переломает себе все зубы, чем сломит характер Изабель!" — таков был его ответ. Профессора Егеря мы тоже спросили, и он сказал, что помочь может все, во что веришь. Я только должна была пообещать ему, что мы будем строго соблюдать все его врачебные предписания. Но это для нас и так было само собой разумеющимся. Конечно, к этому времени все мы уже созрели и для того, чтобы употреблять в пищу только то, что прошло научное тестирование на предмет продуктов полноценного питания. В такой ситуации стараешься ведь не упустить ничего, что может дать хоть какой-то шанс. И тогда мы позволили Баду прийти к тебе.

Он настоял на том, чтобы остаться с тобой в палате наедине. А я должна была проследить, чтобы ник то не пришел и не помешал вам. Так что я опять уселась в роли Цербера на стул и охраняла дверь. Через час Бад вышел. Он активизировал твои здоровые клетки, чтобы они смогли побороть опухолевые, сказал он и на этом попрощался. Твой рассказ был восторженным: "Знаешь, мама, сначала было просто очень приятно, я должна была мечтать о чем-нибудь прекрасном, что раньше любила больше всего. Под конец он заставил меня мысленно плавать, а потом мы оказались на теннисном корте. Я во всем шла ему навстречу !" Ты отнеслась ко всему с юмором. Но он все-таки помог тебе, потому что с этого дня ты сама начала ежедневно разговаривать со своими "проклятыми опухолевыми клетками" и бороться с ними. Бад фантастически укрепил и активизировал твой боевой дух.

10 сентября 1982 г.

Дорогая Дорис!

Курс закончен, было очень тяжело, но зато он мне здорово помог. Сейчас боли вполне сносные, и мало того, мне разрешено уйти завтра на две-три недели домой. На это я вообще не рассчитывала. После этого перерыва тот же курс будет повторен. Так, теперь у тебя есть хотя бы приблизительное представление о том, как у меня дела. Мое душевное состояние на данный момент просто прима! Я безумно счастлива, весела и жажду развлечений.

В последний понедельник приходил Бьёрн. Это, пожалуй, самая главная бомба. Он был тут три часа, и я просто наслаждалась, потому что была очень рада, что он меня навестил.

Но, конечно, все кончилось так, как и следовало ожидать. Он спросил меня, люблю ли я его и т.д. Я мягко сказала — нет. Надеюсь, он это пережил! А в остальном в понедельник вечером здесь было жутко весело, потому что сейчас в отделении очень много молодых людей.

Дорогая Дорис, передавай от меня привет своей маме. Надеюсь, до скорого.

Твоя Белли

11 сентября мы вновь отправились домой. Эти поездки с тобой на машине из кёльнской клиники домой и обратно живо сохранились в моей памяти. Ты была то возбуждена от радости, что едешь домой, то охвачена страхом, что ждет тебя снова в клинике. Иногда ты поверяла мне самые сокровенные свои тайны. Однажды, когда мы ехали из Кёльна и проезжали мимо боннской больницы, ты спросила, нельзя ли тебе зайти и сказать Тёби: "Добрый день!" Он наверняка обрадуется, когда увидит, как хорошо ты себя чувствуешь. Я с некоторыми колебаниями согласилась. Утренняя конференция по обсуждению результатов рентгенологических исследований только что закончилась, и мы попали как раз в его обеденный перерыв. Он не воспринял наше появление как назойливое вторжение, чего я опасалась в душе, а действительно сердечно обрадовался, когда увидел тебя. Прощаясь, он

сказал, что ты можешь спокойно заходить, когда тебе захочется. Какая же я была робкая! К счастью, я последовала зову твоего чистого сердца.

Но я помню и те поездки, которые выдались особо трудными. Например, когда мы могли на один день поехать домой во время прохождения курса. Твой же лудок очень чувствительно реагировал на любое изменение в ритме движения: было ли то внезапное торможение или резкое увеличение скорости — и то, и другое было одинаково плохо для тебя. Я старалась изо всех сил везти тебя в нашем стареньком "таунусе" плавно, как на носилках. Практически это выглядело так: я пыталась ехать ровно и не тормозить, оставаться, если можно было, все время на одной и той же скорости. Я многому научилась благодаря этим поездкам: держать достаточную дистанцию по отношению к передней машине, заранее предугадывать возможные изменения в потоке движения — все это очень помогало мне. Тонкости и мягкости поведения, умению приспосабливаться к любой ситуации можно выучиться и во время автомобильной езды!

Твои новые одноклассницы по очереди приходили навещать тебя. Это делало тебя необыкновенно счастливой. Как-то раз в эти дни я прихожу домой, а у тебя три или четыре девочки из твоего нового класса. И в комнате горят курительные свечи, источая благовоние, — кто-то из них принес их тебе. По-моему, у Ингунд была еще гитара с собой. Вы сидели на полу и пели. Боже мой, ты же смертельно больна! У меня сердце сжалось в страхе за твое пораженное легкое — и в то же время я так радовалась за тебя, что судьба подарила тебе и такое ощущение жизни.

Несколько раз я ездила с тобой к миссис Гипсон, подруге Хетти. Там ты могла посмотреть видеофильмы. Она брала для тебя напрокат любой, какой тебе только хотелось увидеть. Два фильма я помню очень хорошо, ты была от них в восторге: "На золотом пруду" с Кэтрин Хепберн и Генри Фонда, где они играли дожившую до старости супружескую пару, которая на

закате своей жизни заполняла будничные дни любвеобильной войной по пустякам. Ты пришла домой и сказала: "Мама, этот фильм рассказывает про вас двоих через тридцать лет!" Другой фильм буквально потряс тебя. Это была "Клеопатра" с Элизабет Тейлор. Последние полчаса я смотрела фильм вместе с тобой. Клеопатра — эта великая женщина — хотела умереть достойно. Несвободе она предпочла укус ядовитой змеи.

Мысли о смерти занимали тебя все больше и больше. Однажды вечером зашел Тёби. Мы все сидели в гостиной. Папа тоже был дома. Я чувствовала, что твое сердце прожигают вопросы, которые ты могла бы обсудить только наедине с Тёби.

Я вышла из комнаты, надеясь, что папа последует за мной. Но он и не думал этого делать. Через пять минут я выманила его оттуда под предлогом телефонного звонка и попросила оставить вас вдвоем. Он нашел это чрезвычайно невежливым, но остался со мной.

Эти полчаса ты, похоже, использовала на то, чтобы выяснить, как может выглядеть смерть в случае такой болезни, как твоя. Ты всегда стремилась открыто смотреть людям и будущему в лицо. Тёби успокоил тебя и сказал, что не следует опасаться болей. Это породило в тебе надежду на смерть без утраты достоинства.

17 сентября 1982 г. Дорогая Дорис!

Я только что просмотрела всю переписку за последний месяц, и твоя пачка оказалась такой толстой, что я очень обрадовалась, что у меня есть

то не пришел и не помешал вам. Так что я опять уселась в роли Цербера на стул и охраняла дверь. Через час Бад вышел. Он активизировал твои здоровые клетки, чтобы они смогли побороть опухолевые, сказал он и на этом попрощался. Твой рассказ был восторженным: "Знаешь, мама, сначала было просто очень приятно, я должна была мечтать о чем-нибудь прекрасном, что раньше любила больше всего. Под конец он заставил меня мысленно плавать, а потом мы оказались на теннисном корте. Я во всем шла ему навстречу !" Ты отнеслась ко всему с юмором. Но он все-таки помог тебе, потому что с этого дня ты сама начала ежедневно разговаривать со своими "проклятыми опухолевыми клетками" ц бороться с ними. Бад фантастически укрепил и активизировал твой боевоп дух.

10 сентября 1982 г.

Дорогая Дорис!

Курс закончен, было очень тяжело, но зато он мне здорово помог. Сейчас боли вполне сносные, и мало того, мне разрешено уйти завтра на две-три недели домой. На это я вообще не рассчитывала. После этого перерыва тот же курс будет повторен. Так, теперь у тебя есть хотя бы приблизительное представление о том, как у меня дела. Мое душевное состояние на данный момент просто прима! Я безумно счастлива, весела и жажду развлечений.

В последний понедельник приходил Бьё'рн. Это, пожалуй, самая главная бомба. Он был тут три часа, и я просто наслаждалась, потому что была очень рада, что он меня навестил.

Но, конечно, все кончилось так, как и следовало ожидать. Он спросил меня, люблю ли я его и т.д. Я мягко сказала — нет. Надеюсь, он это пережил! А в остальном в понедельник вечером здесь было жутко весело, потому что сейчас в отделении очень много молодых людей.

Дорогая Дорис, передавай от меня привет своей маме. Надеюсь, до скорого.

Твоя Белли

11 сентября мы вновь отправились домой. Эти поездки с тобой на машине из кёльнской клиники домой и обратно живо сохранились в моей памяти. Ты была то возбуждена от радости, что едешь домой, то охвачена страхом, что ждет тебя снова в клинике. Иногда ты поверяла мне самые сокровенные свои тайны. Однажды, когда мы ехали из Кёльна и проезжали мимо боннской больницы, ты спросила, нельзя ли тебе зайти и сказать Тёби: "Добрый день!" Он наверняка обрадуется, когда увидит, как хорошо ты себя чувствуешь. Я с некоторыми колебаниями согласилась. Утренняя конференция по обсуждению результатов рентгенологических исследований только что закончилась, и мы попали как раз в его обеденный перерыв. Он не воспринял наше появление как назойливое вторжение, чего я опасалась в душе, а действительно сердечно обрадовался, когда увидел тебя. Прощаясь, он сказал, что ты можешь спокойно заходить, когда тебе захочется. Какая же я была робкая! К счастью, я последовала зову твоего чистого сердца.

Но я помню и те поездки, которые выдались особо трудными. Например, когда мы могли на один день поехать домой во время прохождения курса. Твой желудок очень чувствительно реагировал на любое изменение в ритме движения: было ли то внезапное торможение или резкое увеличение скорости — и то, и другое было одинаково плохо для тебя. Я старалась изо всех сил везти тебя в нашем стареньком "таунусе" плавно, как на носилках. Практически это выглядело так: я пыталась ехать ровно и не тормозить, оставаться, если можно было, все время на одной и той же скорости. Я многому научилась благодаря этим поездкам: держать достаточную дистанцию по отношению к передней машине, заранее предугадывать

возможные изменения в потоке движения — все это очень помогало мне. Тонкости и мягкости поведения, умению приспосабливаться к любой ситуации можно выучиться и во время автомобильной езды!

Твои новые одноклассницы по очереди приходили навещать тебя. Это делало тебя необыкновенно счастливой. Как-то раз в эти дни я прихожу домой, а у тебя три или четыре девочки из твоего нового класса. И в комнате горят курительные свечи, источая благовоние, — кто-то из них принес их тебе. По-моему, у Ингунд была еще гитара с собой. Вы сидели на полу и пели. Боже мой, ты же смертельно больна! У меня сердце сжалось в страхе за твое пораженное легкое — и в то же время я так радовалась за тебя, что судьба подарила тебе и такое ощущение жизни.

Несколько раз я ездила с тобой к миссис Гипсон, подруге Хетти. Там ты могла посмотреть видеофильмы. Она брала для тебя напрокат любой, какой тебе только хотелось увидеть. Два фильма я помню очень хорошо, ты была от них в восторге: "На золотом пруду" с Кэтрин Хепберн и Генри Фонда, где они играли дожившую до старости супружескую пару, которая на

закате своей жизни заполняла будничные дни любвеобильной войной по пустякам. Ты пришла домой и сказала: "Мама, этот фильм рассказывает про вас двоих через тридцать лет!" Другой фильм буквально потряс тебя. Это была "Клеопатра" с Элизабет Тейлор. Последние полчаса я смотрела фильм вместе с тобой. Клеопатра — эта великая женщина — хотела умереть достойно. Несвободе она предпочла укус ядовитой змеи.

Мысли о смерти занимали тебя все больше и больше. Однажды вечером зашел Тёби. Мы все сидели в гостиной. Папа тоже был дома. Я чувствовала, что твое сердце прожигают вопросы, которые ты могла бы обсудить только наедине с Тёби.

Я вышла из комнаты, надеясь, что папа последует за мной. Но он и не думал этого делать. Через пять минут я выманила его оттуда под предлогом телефонного звонка и попросила оставить вас вдвоем. Он нашел это чрезвычайно невежливым, но остался со мной.

Эти полчаса ты, похоже, использовала на то, чтобы выяснить, как может выглядеть смерть в случае такой болезни, как твоя. Ты всегда стремилась открыто смотреть людям и будущему в лицо. Тёби успокоил тебя и сказал, что не следует опасаться болей. Это породило в тебе надежду на смерть без утраты достоинства.

17 сентября 1982 г.

Дорогая Дорис!

Я только что просмотрела всю переписку V за последний месяц, и твоя пачка оказалась такой I толстой, что я очень обрадовалась, что у меня есть такая хорошая подруга. Твои кассеты с комиками — потрясная идея. Обе кассеты просто супер!

Как тебе, вероятно, сказал по телефону папа, мне сейчас не очень хорошо. В душе я страшно боюсь, что вся эта химиотерапия бесполезна, и готова даже принять решение больше не проводить ни одного курса, потому что все равно это ничего не дает, а только приносит мучения. В настоящий момент я совсем пала духом и подавлена, потому что почти сразу опять появились такие сильные боли. Ведь это был особо интенсивный курс и такой тяжелый, а у меня опять боли.

Я еще очень боюсь, как я буду умирать. Это так чудовищно. Иногда я совсем не могу дышать, а иногда — двигаться. А мне так хочется жить!

Дорогая Дорис, скажи своей маме что-нибудь приятное от меня.

Твоя Белли

21 сентября 1982 г.

Дорогая Белли!

Сердечное спасибо за твое письмо. Оно очень, очень откровенное. И я постараюсь быть с тобой такой же откровенной.

Хотя я в некоторой растерянности. Можно было бы о многом написать тебе — о погоде и всяком другом, но мне хочется поговорить о том, о чем пишешь ты, и не просто так, как бы между прочим, а чтобы хоть чуть-чуть помочь тебе, но мне приходит на ум только одно, что, по моему мнению, действительно может тебе помочь. Мне очень трудно при этом выразить свои мысли так, чтобы это не выглядело как бесполезная теория. Возможно, ты думаешь — конечно, ей легко говорить, ведь у нее все не так, как у меня. Тем не менее я попробую написать об этом. А вдруг это действительно поможет тебе?

Ты, конечно, знаешь, что я верю в Иисуса Христа. И я верю также, что Он может помочь каждому в любой ситуации. К сожалению, тут сразу же возникает первый вопрос, на который у меня нет ответа. Я не знаю, почему Он допускает, что тебе приходится терпеть такие боли. Это для меня совершенно непонятно. И потому может показаться невероятным, как можно верить в то, что Бог возлюбил каждого. Это кажется неправдоподобным, но я все-таки решаюсь придерживаться этого. Может, как раз потому, что Иисус принял столько страданий на кресте, Он и может понять тебя лучше, чем кто-либо другой. И поскольку Он тебя так хорошо понимает и знает, Он обязательно поможет, хотя нам и непонятно, почему Он допускает такие страдания.

Может, сейчас ты как раз думаешь: ей, конечно, просто рассуждать о Божьей любви, поскольку ей неведомо, что такое настоящие боли. Ты, конечно, права, но ведь есть много других людей, которые, несмотря на свои страдания, верят в Бога. Я думаю, например, о Йони. Поэтому я продолжу свое письмо, хотя я даже и приблизительно не пережила того, что пришлось пережить тебе.

Одно место в Библии нравится мне особенно. Там сказано: "Иисус Христос пришел для того, чтобы мы имели жизнь и имели с избытком". В первый момент эта фраза может показаться смешной и даже неверной, потому что какая уж там "жизнь с избытком", когда такие боли. Но у Бога совсем иные, порой недоступные нашему пониманию мерки. Когда Он говорит о жизни, Он имеет в виду не ту жизнь, которой мы так дорожим, ну, например, комфорт, развлечения и многие другие вещи. Бог дарует нам совсем иную жизнь: с исполнением предназначения, с благими помыслами, миром в душе и радостью. Такую жизнь Он предлагает каждому из нас. И это уже зависит от нас, будем ли мы уповать на Него и полагаться или нет. В одном месте в "Послании к Римлянам" (8, 34—38) говорится, что ничто не может отлучить нас от любви Божьей — ни смерть, ни жизнь и никакая Сила. И как следствие этого — ничто не может разрушить жизнь, дарованную Богом. И жизнь во Христе не имеет конца, она продолжается вечно, потому что она не подвластна мирским влияниям. Это означает, что независимо от того, успешным будет курс лечения или нет, ты все равно будешь жить. Бог не оставит тебя, Он даст тебе силы и поможет побороть страх.

Дорогая Белли, это все, что я хотела тебе сказать. Надеюсь, это не показалось тебе чересчур высокопарным и слишком теоретически-абстрактным. В своих молитвах я буду часто думать о тебе. Я желаю тебе всего самого-самого лучшего, Божьего благословения и от всей души успешного лечения.

Твоя Дорис

Моя мама шлет тебе самый сердечный привет.

19 сентября 1982 года, всего через две недели после окончания последнего курса, нам пришлось снова вернуться в Кёльн. У тебя начались такие сильные боли в колене, что ты могла передвигаться только на костылях.

19 сентября 1982 г.

Дорогая Дорис!

Я опять в больнице, дела мои не очень хороши. Лечение немного изменили, и меня часто мучает рвота.

Но мне очень хочется хотя бы поблагодарить тебя .за твое письмо.

Сейчас как раз пришел евангелический' священник. Он вроде еще с ноября 1981 года собирался заходить сюда регулярно, но так ни разу этого и не сделал.

Во время этого курса со мной папа. Он сейчас здесь сам на правах пациента, решил разок основательно провериться.

Дорогая Дорис, не сердись, что я написала так мало. Передай всем от меня привет.

Твоя Белли

22 сентября 1982 г.

Моя дорогая Дорис!

Я получила оба твоих письма и бересту тоже. Я нахожу это очень оригинальным, и почта обязана пересылать такое тоже.

Мне скоро придут ставить подключичный катетер, поэтому я спешу написать побольше писем.

Последний курс химиотерапии почти ничего не дал. Поэтому теперь хотят попробовать совсем новое лечение. Очень надеюсь, что оно будет для меня эффективным. В случае если эти мои надежды на новое лекарство не оправдаются, даже не знаю, что будет со мной от страха. А главное очень усилятся боли в легком.

Дорогая Дорис, я не знаю, как буду чувствовать себя в течение ближайших десяти дней во время нового курса, и не могу поэтому сказать тебе сейчас точно, когда напишу снова.

Будь здорова и всего тебе хорошего — в Оберузель я пока приехать не смогу.

Пока.

Твоя Белли

P.S. Передай привет маме.

То, что нам предстояло, было лечение платинексом. И нам уже разъяснили, каков риск при этом методе лечения и каковы могут быть негативные последствия: глухота и нарушение функции почек, если не промывать их постоянно. Нам предстояло ежедневно собирать суточную мочу и по возможности вливать в тебя от трех до четырех литров жидкости — и это заставляя тебя пить, не прибегая к капельнице. А ты вообще отказывалась что-либо есть и пить — так тебе было плохо. Мы должны были также вести строгий учет каждой выпитой тобой чашки и каждой выделенной потом капли мочи. Это довольно обременительное занятие даже для здорового человека, способного выдерживать стрессы, а каково это было для тебя, измученной болями девочки, которой приходилось ходить каждый раз в туалет в коридоре на костылях, таская за собой капельницу? Одна ты уже не в состоянии была это проделать. По меньшей мере, два человека должны были сопровождать тебя. Но ты упорно хотела кг можно дольше оставаться на ногах, сохраняя сво: свободу передвижений.

Это лечение требовало от тебя, да и от нас то* максимум приложения силы воли и соблюдения дисциг лины. Тебе почти непрерывно было плохо, и ты не мо) ла даже видеть никакую пищу, не говоря уже о заш хах. Мне приходилось выходить в туалет в коридор! даже чтобы почистить зубы. И завтракать или пит кофе мы с папой могли тоже только в коридоре. Когд папа пришел в пятницу после работы, чтобы сменит меня, я практически была уже без сил. Каково же тог да было тебе! Папа проводил меня со словами: "Попро буй немножко отдохнуть!" Я села в машину и начал; безудержно рыдать. Наконец я поехала в сторону ав тобана и вдруг почувствовала неодолимое желани< уехать отсюда — далеко-далеко — куда глаза глядя-и где бы я обо всем могла забыть! Я смотрела на ука затели на автобане с надписями Ахен — Бонн и дума ла о своей подруге Лу в Антверпене и моем брате Зиг фриде в Мангейме. Да, мне надо поехать к кому-то и: них, там я буду чувствовать себя полностью защищенной от любых бед и напастей. А что будет с Маттиа-сом и Кристианом? Они ждали меня дома, я была им так нужна. Они же не убегали от нашей общей судьбы, а разве мне можно? И тогда я поехала домой, к мальчикам, и рассказала им все про себя, что со мной только что было. Они оба были необыкновенно милы со мной и посоветовали уехать куда-нибудь на субботу— воскресенье. Вечером я позвонила Зигфриду и Улли. Рано утром в субботу я выехала в Мангейм.

Этот уик-энд подарил мне желанный отдых. Окруженная заботой, я чувствовала любовь к себе и понимание. Теннис и езда на велосипеде вызвали подъем физических сил и помогли мне расслабиться. В субботу вечером мы ужинали в хорошем ресторане. Наши разговоры крутились вокруг тебя и папы, но были, конечно, и другие темы. Это ублажение души и тела, а также изысканная еда сделали свое дело! Когда я в воскресенье вечером ехала домой, настроение было совсем другим, и я уже была в состоянии найти утешительные слова и для мальчиков. А когда я сменила рано утром в понедельник в клинике папу, то смогла подбодрить и тебя, рассказав много нового.

Единственным светом в окошке был в эти дни Якоб, которого мы прозвали "зштуЬоу"1,— молодой, привлекательной наружности, обаятельный студент-медик — он дежурил в этом отделении по ночам и проводил там развлекательную "терапию". Якоб приезжал каждый вечер на дежурство, бойко влетая в ворота на своем лихом автомобиле, который приобрел, конечно, благодаря своему исключительному трудолюбию. Самым удивительным в нем было, однако, помимо хорошей внешности и шарма его доброе сердце. Каждый вечер он приходил к тебе в палату и старался развеселить тебя. А мне не оставалось ничего другого, как без конца и надолго выходить в туалет — так мне хотелось оставить вас вдвоем. По вечерам мои возможности исчезнуть из палаты были очень ограниченны. "Весельчак" же не делал никаких тайн из того, что, несмотря на дистанцию, которую он всегда держал, ты нравилась ему. Ты каждый день радовалась, что он придет вечером на дежурство. Показывала ему фотографии, которые в последний раз сделал Зигфрид. Одну из них он выпросил у тебя. Как же это тебя обрадовало!

Фотографии, сделанные Зигфридом, доставляли тебе много радости и придавали новые силы. Чем все хуже ть себя чувствовала, тем большую роль начинали играть для тебя твои фотографии. Зигфрид заметил это и увеличил для тебя "Ангелочка", где ты снята в самом начале болезни, "Лысенькую" — твой портрет, который мь любим больше всего, и твои

снятые крупным планом губы. Все три фотографии он сделал в натуральную величину и вставил их в рамочку из прессованного дерева, так что ты смогла повесить их у себя в палате нг стену. Ты часто говорила о том, что эти прекрасные фотографии утешают тебя в те моменты, когда ты находишь себя безобразной. Позднее ты даже забрала их с собой в боннскую больницу и позволила нам повесить их напротив твоей кровати. Сегодня они украшаю! мансарду Маттиаса. Еще летом Зигфрид решил по собственной инициативе доставить тебе и мне большук радость. Он заказал в Корее по фотографии "Ангелочек' портрет маслом. Этот сюрприз ждал тебя дома, когда ты однажды в полном отчаянии вернулась из Кёльна. Как этому художнику из далекой Кореи удалось так хорошс написать твой портрет, глядя всего лишь на фотографию удивительно уже само по себе. В такой печальный для тебя момент Зигфрид действительно принес тебе радость и великое утешение. Мы и сегодня с радостью смотрим на этот портрет, он висит у нас в столовой.

А Sunnyboy выбрал для себя фотографию из серии "Лысенькая", на которой ты так хитро улыбаешься Сохранил ли он ее? После твоих похорон я ничего о нем не слышала, хотя и пыталась установить с ним контакт

Из Оберузеля приехала навестить тебя Дорис.

2 октября 1982 г.

Дорогая Дорис!

Это действительно было для меня невероятной неожиданностью, когда я проснулась и увидела, что ты стоишь возле моей кровати.

Через день пришла кассета от тебя. Большое, большое спасибо! Она уже скрасила мне многие часы и доставила море удовольствия.

Вчера, на девятый день, новый курс прервали, потому что количество лейкоцитов резко уменьшилось. Сказать, как я расстроена, — это ничего не сказать.

Знаешь, кто мне написал из учителей? Фрау Хертвек! Ты еще помнишь ее? Она преподавала нам в пятом и шестом классах биологию.

Меня это делает просто счастливой, что вдруг неожиданно отовсюду люди пишут мне письма, звонят по телефону и навещают меня в больнице. Сегодня во второй раз приходила фрау Келлер. Всего меня здесь уже посетило пять человек из Юа. Я просто удивлена такой их сердечности.

Дорогая Дорис, надеюсь, ты сможешь приехать ко мне в осенние каникулы.

Передай привет своей маме.

Пока!

Твоя Белли

Огромное количество писем, которые ты получала, были для тебя большой поддержкой — они облегчали тебе то трудное время, помогая переносить тяжелую болезнь. Письма были разные: как глубокого внутреннего содержания, заставлявшие тебя надолго задуматься, так и просто информативного характера, некоторые из них даже забавные. От фрау Белль и фрау Нифиндт ты получала письма во много страниц, они содержали подробный отчет о школьной жизни, включая анекдоты и маленькие веселые истории из повседневного быта

школы или даже их собственной личной жизни. Это не только отвлекало тебя, но и не давало оборваться ниточке, связывавшей тебя с твоей прошлой жизнью. А кроме того, у тебя постоянно появлялась забота отвечать на эти письма, чем ты и занималась, как только тебе становилось чуть лучше. И пока у человека есть хоть какое-то дело, он чувствует себя полезным и нужным — а именно такой ты и хотела всегда быть.

Твои новые одноклассники тоже писали тебе и все чаще приходили тебя навестить. Один из мальчиков все время писал тебе на пишущей машинке длиннющие письма, рассказывая в них о своих мечтах, желаниях и поставленных перед собой целях. Как по-разному вели себя и реагировали два классных коллектива из одной и той же школы! Очень важно, как относится к теме "болезнь и смерть" сам учитель и как подготавливает к этому свой класс. А как многое в жизни могут почерпнуть здоровые школьники из общения со своим больным одноклассником! Сегодня в некоторых детских онкологических центрах уже есть учителя, которые не только проводят уроки с детьми, страдающими онкологическими заболеваниями, но и поддерживают контакт с их школой, подготавливая учителей и учеников к тому, что выздоровевшие дети могут опять вернуться в свою школу.

Письма, посещения, телефонные звонки были для тебя жизненно необходимыми формами коммуникации и не менее важны, чем курсы химиотерапии!

Все сильнее становилась твоя потребность выразить и закрепить свои мысли на бумаге. Как только твое физическое состояние позволяло тебе это, ты тут же писала письма. Однажды твои новые одноклассницы принесли тебе маленькую книжицу, переплет ее был сделан из голубого китайского шелка. На передней обложке стояло 'таагу"1, а внутри все страницы были пустыми. "И что мне с этим делать?" — был твой пер-вый вопрос. "Ты можешь записывать туда свои мысли!" — ответила я. И еще в Кёльне ты действительно приступила к этому.

1 октября курс лечения платинексом был досрочно прерван, потому что количество лейкоцитов в крови катастрофически уменьшилось. Но и боли заметно поутихли, да и рентгеновские снимки тоже засвидетельствовали успех. Мы облегченно вздохнули. Папу и меня в тот вечер пригласили в гости наши друзья, чтобы мы хоть на короткое время могли подумать о чем-то другом. Ты позвонила около девяти вечера: у тебя сильная боль в ушах. Папа тотчас же поехал к тебе в Кёльн и остался с тобой.

На следующий день, в воскресенье, по коридору разнеслась пугающая новость: у Клаудии угрожающие изменения в картине крови, все указывает на гибель лейкоцитов. Она только что вышла из лейкопении после очередного курса химиотерапии. Еще вчера она сидела вместе с нами в коридоре, а сегодня уже известили ее братьев и попросили приехать издалека. Мы попробовали скрыть от тебя такое развитие событий. Но у нас ничего не получилось. В понедельник ты встретила в коридоре одного из братьев Клаудии и спросила его, почему она не выходит из палаты. Михаэль, тот юный студент, который опять был в это время в отделении на лечении, попытался объяснить тебе все как можно мягче, подбирая осторожные выражения. Для всех нас это было ужасно, но для тебя особенно. Из всех пациентов отделения она была тебе ближе всех.

Сестра Элизабет тут же принялась хлопотать, чтобы тебя отпустили из клиники. Тебе не следовало находиться здесь в момент смерти Клаудии, эти переживания были не для тебя. В ночь со вторника на среду она наконец отмучилась — о том, что было дальше, ты рассказываешь сама гораздо лучше!

15 октября 1982 г.

Моя милая дорогая фрау П.!

Меня отпустили всего четыре дня назад, а у меня уже есть так много что Вам рассказать. Собственно, я могла бы писать Вам по письму в каждый из этих дней, и каждый раз другое,

вновь и вновь обсуждая свалившуюся на нас "проблему" и охватившее всех нас тягостное чувство. Но все произошло так быстро, удар за ударом, так что только сейчас все как-то обрисовалось окончательно, и я уже пережила и смирилась со всем.

Но лучше все по порядку: меня отпустили во вторник утром, и я уже была в большом горе, как и моя мама, потому что в отделении умирала молодая женщина. Сейчас Клаудиа уже ушла от нас. На моих родителей и меня это страшно подействовало, потому что мы все Клаудию очень любили и потому что именно она придала мне мужество в очень критическое для меня время в начале июня. Ей двадцать семь лет, и у нее было заболевание лимфатических желез (рак?). Ее лечили три года, но все как-то без особого успеха. Временами она чувствовала себя очень хорошо, и я считаю, что она обладала невероятной жизненной волей и мужеством. Несмотря на это, опухоль все равно победила ее.

Сестра Элизабет (из нашего отделения) попыталась сделать так, чтобы я ничего не узнала, опасаясь, что это сведет на нет мое только что стабилизовавшееся эмоциональное состояние. В понедельник утром я обо всем узнала от ее (Клаудии) брата и очень этому рада, потому что, если бы я днем позже спросила о ней, неизвестно еще, в какой форме мне сообщили бы о ее смерти. Клаудиа умерла во вторник вечером. И это, конечно, тоже дело рук сестры Элизабет, которая нажала на все рычаги и кнопки, чтобы меня быстренько отпустили и я уехала бы еще до того, как Клаудиа умрет. Узнать я об этом все равно бы узнала, но она постаралась избавить меня от того, чтобы я это увидела. Я поражаюсь на мать и обоих братьев Клаудии и ее друга, как стойко они приняли этот удар судьбы. В отделении, однако, у всех было очень подавленное настроение.

Я никак не могу понять, как это состояние Клаудии могло так быстро измениться. Она совершенно неожиданно для всех, выйдя из обычной, вызванной лечением лейкопении, вошла в новую, обусловленную прогрессированием заболевания, перестала поддаваться лечению и осталась в таком состоянии уже до самого конца. Но всего неделю до смерти она бегала по отделению и сидела со своим братом на скамейке, а потом вдруг — раз! — и не может больше встать с постели и так и не встала и очень вскоре после этого умерла.

Как могло все произойти так быстро? Она сама-то как раз именно этого и желала, и даже очень, но смерть — это то, что меньше всего вяжется с ней, и я никак не могу взять этого в толк. Сам этот факт переворачивал мне душу еще и до вторника вечером, и я все расспрашивала своих родителей и говорила с ними только о смерти и о том, почему я ее так боюсь и скоро ли я умру, так же, как Клаудиа?.. Примерно через час мой папа сказал мне: если я не перестану постоянно твердить и думать вслух только об одном и том же (о смерти), то изведу в конец своих родителей. Я поняла, что поступаю подло и веду себя крайне эгоистично и что это очень не нравится моим родителям, но, поверьте, это была только самозащита, когда я так беззастенчиво играла у них на нервах и топтала их любовь.

В этот момент я готова была сдаться без всякой борьбы, но, к счастью, меня никто ни о чем не спрашивал. Я думала лишь о том, что тоже скоро умру, и была по-настоящему сильно подавлена, прямо как в "лучшие" времена. Но после просьбы моего папы я решила взять себя в руки, и мне это очень неплохо удалось. Ночью меня один раз вырвало. А до этого были еще сильные боли в легком, потом, правда, нет. В среду утром я немного прибралась в своей комнате и сидела, не зная, чем заняться, а в три часа дня ко мне пришли гости. Но в течение всего дня боли все нарастали и нарастали. Вечером уже терпеть не было никаких сил, я была очень обеспокоена, но мы пока ничего не предпринимали. Болела, как всегда, вся правая сторона. В четверг мы так и так были назначены на прием к доктору Тёбеллиусу, хотя пошли бы туда и без этого. Боли были настолько сильными, что я с трудом смогла идти. Такое состояние буквально повергло меня в полное уныние, получается, что боли практически вернулись сразу, да еще такие сильные. Я была совершенно растеряна, потому что не могла себе объяснить, почему они появились так быстро. Ведь рентгеновские снимки были такими хорошими! Доктор Тёбеллиус тут же посоветовал нам немедленно начать новый курс. Я не знала, как поступить. Возвращаться назад в Кёльн с таким настроением? Там три года все сражались за Клаудию и все же потеряли ее... И у меня это тоже будет самый короткий перерыв из всех...

Но с другой стороны, эти изнурительные боли, от которых другим путем не избавишься. Я была совершенно разбита. Опять я построила слишком далеко идущие планы.

Я была так... так... — к сожалению, не могу найти подходящего слова, ну, я никак не могла поверить, что мне опять надо возвращаться в Кёльн, — я была просто убита! Вот! Но сейчас все складывается так, что если я сразу начну курс, то смогу пройти его в боннской больнице. И тут я так обрадовалась! Туда я согласна пойти даже добровольно. И хотя ничего еще не изменилось и боли не ушли, а мне уже все кажется не таким мрачным. Кёльн мне сейчас было бы очень трудно перенести!

Мама считает, что появление болей у меня объясняется еще чисто психологически. А именно: стоит мне прийти домой, как — ХЛОП! — боли опять тут как тут.

Может, было бы очень неплохо, если бы Вы смогли поговорить с каждым из нашей семьи в отдельности или хотя бы как обычно. Мы с мамой были бы очень рады, да и моим братьям это тоже бы не помешало. Мне кажется, они так и не сумели ее переработать (мою болезнь).

С папой мне тоже надо об этом поговорить. Дорогая, дорогая фрау П., я так восхищаюсь Вами, как Вы несете это тяжкое бремя!

Я желаю Вам всего самого лучшего, что только есть на свете.

Ваша Изабель

Фрау д-р П. была не просто детский врач, она была психолог — беседовала с тобой, писала тебе письма, и ты полностью доверяла ей, как своей старшей подруге. Тогда при онкологических отделениях еще не существовало психологической службы, куда пациенты могли бы обратиться за советом, найти для себя поддержку в жизни, а их близкие родственники почерпнуть квалифицированные сведения и укрепиться духом. И поэтому эти полные гуманного сочувствия и понимания разговоры и письма представляли собой такую ценность для тебя и нас. Мне кажется, ты даже не знала, что фрау д-р П. изучала психологию. Встречи с психологом как таковым ты, вероятно, не искала и даже вряд ли смогла бы кому-нибудь довериться, потому что, по твоему убеждению, с твоей душой все было в порядке, и лечение требовалось только твоему больному телу. Но разговор с тонким, душевным, обученным психологии собеседником очень помогал тебе, и не только тебе одной, но и нам. "На кушетку" к психоаналитику не стремится ни один онкологический больной, как и никто из членов его семьи, но целительные беседы с профессионально подготовленным специалистом, умеющим сглаживать возникающие трения и вносить в израненную душу покой, очень помогают выстоять в этот тяжелый период жизни и смягчают душевные травмы, наносимые тяжелой болезнью. Редко когда люди оказываются столь восприимчивы к общению с квалифицированными работниками психологической службы. Но все, что обычно предлагает им вместо помощи такая служба, — это профилактические меры против тяжелейших душевных мук и позднейших угрызений совести.

Кёльн, 19 октября 1982 г.

Моя милая Изабель,

сегодня был очень напряженный день, Вы заметите это по моему почерку, но мне все же хочется написать Вам еще сегодня.

Я очень обрадовалась Вашему такому длинному и откровенному письму. Могу себе хорошо представить, каково у Вас было на душе. Большое спасибо за Ваше доверие ко мне!

Знаете, Изабель, я много думаю о Вас каждый день, мысленно посылаю Вам огромные букеты из самых лучших моих пожеланий. Эти мои думы о Вас становятся особенно неотступными, когда я предчувствую, чтб происходит с Вами. Я очень рада, что Ваше мужество и стойкость вернулись к Вам после перенесенного тяжелейшего потрясения в

связи со смертью Клаудии. Насколько это тяжело, я знаю по личному опыту. И тем не менее я думаю, что надо всегда спокойно и открыто и не раз, и не два, а сколько потребуется говорить о своих собственных внутренних страхах. Не насилуйте себя, не загоняйте боль вглубь. Это уносит слишком много душевных сил, которые Вам лучше направить на борьбу с болезнью.

Если Вы, моя милая Изабель, или кто-то из Ваших близких захочет поговорить со мной, я всегда готова это сделать и найду для этого время. Вы только должны известить меня об этом.

Значит, Вы уже два дня в больнице. Я очень надеюсь вместе с Вами, что врачам удастся вскоре диагностировать характер болей в коленном суставе и назначить после этого соответствующее лечение. Только не теряйте терпения, как бы тяжело это ни было, поскольку очень часто случается так, что только время может показать, что же, собственно, произошло с тем или другим органом тела.

"Брыська" — мой бельчонок — тоже хочет "написать письмо", он все время грызет шариковую ручку, изучает с умным видом буквы на бумаге и фыркает на меня возмущенно, когда я отнимаю у него листок. Чтобы Вы могли получить представление об этом маленьком чудовище, я вкладываю для Вас в конверт его фото. Он так мило приветствует Вас по-своему.

Я тоже шлю Вам свой сердечный и теплый привет и не пропадайте, пишите еще. Все мои самые лучшие пожелания да будут с Вами. И не стоит мною восхищаться — Вы не менее стойкая, чем

Ваша Ульрика П.

Еще раз приехали навестить нас Зигфрид с Улли и Сашей. Они хотели доставить нам только радость и внести разрядку в нашу жизнь, а не прибавить нам хлопот и забот. И потому они приехали, привезя с собой наши любимые блюда, наготовив их на всех нас.

Ни в субботу, ни в воскресенье они даже не дали мне войти в кухню. Очаровательное маленькое существо по имени Саша, ее интуитивная привязанность к тебе были для тебя огромным утешением.

В эти,дни мы раскладывали у себя дома — в нашей гостиной — откидную кровать. Чтобы ты могла постоянно наслаждаться нашей самой красивой комнатой, откуда открывается удивительный вид в сад, и чтобы ты все время была в центре жизни всей нашей семьи. Ночью я спала здесь же, рядом с тобой.

Когда Саше исполнился годик, тебе захотелось непременно как-нибудь порадовать ее.

17 октября 1982 г.

Моя маленькая любимая Саша!

Хотя ты сейчас еще и очень мала и не знаешь, зачем тебе это письмо, но я надеюсь, что позднее ты прочтешь его.

В моей сегодняшней ситуации физическое и духовное здоровье кажутся мне чем-то чрезвычайно важным и желанным, и я всем сердцем надеюсь, что твоя судьба подарит их тебе.

Тебе исполнился всего только годик, и, даст Бог, ты еще долго проживешь, и впереди у тебя много-много счастливых лет.

Мне очень хочется, чтобы такому маленькому и сладенькому существу, как ты, жизнь как можно реже приносила разные беды и трудности.

К сожалению, я очень немного видела тебя на протяжении твоей такой уже долгой жизни

в годик, но ты все равно сумела привязать меня к себе своим шармом и улыбчивостью.

Надеюсь, что мяч, который мы тебе дарим, будет долго радовать тебя. У нас был точно такой же, и мы очень любили играть им.

Желаю тебе прекрасного и веселого первого дня рождения и как можно больше любви на этом свете.

Мы все тебя горячо поздравляем!

Твоя Изабел

16 октября 1982 года из Канады позвонил Ян долго разговаривал с тобой. Он собирался приехать Германию на Рождество, чтобы навестить своих род» телей и тебя. Он постарался влить в тебя новые силь

В воскресенье вечером зашел еще разок Тёби. О кое-что принес тебе в подарок: маленький старинны стальной слиток, на котором были выгравирован! герб и надпись "Привет из Эгерланда"1. Историю это го слитка мы не знали. Он подарил тебе этот приве! как он сказал, "просто так". Уже после всего я отда ла гравировщику отполировать этот слиток и верну ла его Тёби как "пресс-папье" — на память о тебе.

В понедельник, 18 октября, мы появились в бонн ской больнице. Ты боялась нового курса. Кто-то и: нас теперь всегда оставался с тобой на ночь. Врачи по пробовали облегчить твои боли в коленном суставе прибегнув к облучению, но это не помогло. 22 октяб' ря начался второй курс лечения платинексом. Перед: тем как поставить катетер, тебе еще разрешили принять в отделении ванну. В просторной ванной комнате больницы мы были с тобой вдвоем одни. И ты захотела услышать от меня, не думаю ли я, что ты умрешь. Я сказала, что все еще надеюсь и верю в чудо, но ты почувствовала, что вера моя стала совсем маленькой и робкой.

К счастью, многие наши друзья хотели нам помочь в разговорах с тобой на эту тему. Приехала Инга и привезла книги, где затрагивались человеческие проблемы перед лицом надвигающейся смерти, но это было явно не то, слишком глубоко и фундаментально, а тебе нужно было другое. Три учительницы — фрау Келлер, фрау Белль, фрау Нифиндт — уловили готовый сорваться с твоих дрожащих губ вопрос и честно постарались найти вместе с тобой на него ответ. Тебе хотелось еще успеть сделать до того рождественские подарки: вышить салфеточки, кое-что связать — несмотря на боли в руке. Бригитта и Хетти обсудили все вместе с тобой, купили все необходимое и помогли тебе.

В коридоре меня вдруг остановил доктор Тёбелли-ус, чтобы поговорить со мной. Он сказал, что собирается через четыре дня после окончания этого твоего курса уйти на месяц в отпуск, что это будет дальнее путешествие и его уже никак нельзя отложить. Используя эту возможность, он сказал также, что еще никогда не привязывался так сильно ни к одной юной пациентке и что ему будет очень нелегко уехать через несколько дней. Ты приняла это известие молча, без всяких жалоб. Как бы милостиво отпуская его. На следующий день сестра Ульрика принесла тебе две его фотографии. С точки зрения медицины при докторе Петри и докторе Керне ты была в надежных руках, но Тёби тебе заменить никто не мог.

31 октября курс был закончен, но боли не нсчезт Тебе принесли в палату еще один аппарат, с помощь* которого ты сама могла регулировать поступление организм обезболивающего

лекарства дипидолор. Эт< помогло тебе! Боли стали терпимее, но весь фокус за ключался в том, чтобы уметь правильно дозироват] количество вводимого лекарства.

Однажды ночью случилось нечто ужасное. С тобо! был папа, он позвонил около одиннадцати часов ве чера: "Мне кажется, Белли умирает, пожалуйста приезжай немедленно!" — "Ты уже позвал кого-ни будь?" — "Сестра Ульрика поставила в известноеп дежурного врача".

У меня не было ни телефона, ни адреса заведующего отделением доктора Петри, но зато был телефон старшего ординатора, его заместителя, — она жила рядом и немедленно появилась в больнице. Я еще никогда не доезжала на машине до больницы так быстро. В коридоре отделения я наткнулась на сестру Ульри-ку. Она сказала мне, что ты жива, что ситуация уже под контролем. Вы установили отметку для дипидоло-ра слишком высоко, и у тебя внезапно наступило кол-лаптоидное состояние. Начались галлюцинации, и создалось полное впечатление, что ты уже на пути в мир иной. Нет, так ты не хотела умереть.

Но на то, что ты должна умереть, ты настроилась давно. Только, пожалуйста, не так. Это была не твоя смерть и не твое прощание. На следующее утро пришел доктор Тёбеллиус и успокоил тебя. Он теперь все чаще заходил каждый день — через два дня он уезжал. Он избегал всего, что могло бы походить на окончательное прощание. Сколько раз он ни пытался поговорить с тобой, он ни разу не смог застать тебя одну. Кто-нибудь да обязательно сидел в палате. Ты неоднократно заверила его, что с тобой все в порядке и что так и будет до его возвращения через месяц. 5 ноября он отбыл в Тибет.

В эти дни папа часто рассказывал тебе разные маленькие истории, стараясь развлечь и утешить тебя. Когда он уходил, он записывал на маленьких пластиковых карточках "маленькие рассказики для Белли". Ну, например, такой:

"Почему?.. — спросила маленькая девочка. — Ну почему именно я должна все время помогать маме?" И мама ответила: "Потому что ты — девочка, а девочки всегда охотнее помогают, чем мальчики!" — "Да, мне так нравится помогать тебе, мальчикам это нравится тоже, но только они не помогают вовсе!" И тогда маленькая девочка решительно направилась к папе: "Папа, скажи, я ведь помогаю не хуже мальчиков и тебя, но почему-то все делает мама, а я хорошая девочка?"

Или вот еще другой:

"У папы плохое настроение, потому что нет мамы. Маленькая девочка очень обеспокоена этим. "Папа, давай наведем здесь уют. Ты будешь накрывать на стол, а я тебе помогать. Конечно, ты можешь еще быстренько сходить к "Килиану", пока я буду вытирать посуду. А когда мама придет, она очень обрадуется". Папа немногословен, он выходит на балкон и закуривает. Маленькая девочка начинает громко возмущаться. Папа осознает, что маленькая девочка права. И тогда они вместе накрывают на стол. Приходит мама, все очень радуются и единодушно сходятся на том, что папа — злостный "вонючка". "Курить — вредно!" Папа торжественно обещает исправиться.

В эти дни твоя палата в боннской больнице больше становилась нашим "домом". Кто-нибудь нас обязательно находился с тобой. Маттиас и Кр тиан тоже могли приходить к тебе практически бесп пятственно — после школы или после окончания бочего дня в магазине. Таким образом, мы как чле единой семьи могли ежедневно подменять друг дру Больничная палата все больше приобретала вид п] вычной жилой комнаты. И не только потому что стене висели твои увеличенные фотографии в рамк Папа рисовал для тебя в эти дни на бумаге свои г стрaктные представления о космосе. Для тебя это бы очень интересная тема разговора, тем более что паг ны фантазии и его дар воплощения были достаточ впечатляющими. Эти ставшие рисунками красочн] мечты и образы, конечно, тоже украшали стены пах ты.

К врачам и сестрам этой больницы ты испытыв ла огромное доверие и потому чувствовала себя зде в полной безопасности.

5 ноября у папы был доклад в Берлине. Я подба ривала его и посоветовала взять с собой Маттиаса остаться с ним на субботу-воскресенье в Берлине у с стры, твоей тети Фридель, и ее мужа. В конце концо у Маттиаса 8 ноября был день рождения. Так хоч пусть у них двоих будет что-то радостное. И они скр пя сердце уехали, но все обошлось благополучно!

В выходные у тебя было много посетителей. В пя' ницу пришел больничный священник — мы с бабуи кой были в это время у тебя, — ни о чем не спраин вая, взял и заявился в палату, свалившись как снег н голову. Он сказал, что хотя у него и очень мало времени, но к тебе он хотел зайти непременно! Ты спросила: "Почему?" Он ответил, что справился в отделении, кто здесь самый тяжелый больной. "Вы имеете в виду, кто умрет следующим? Тогда, возможно, вы и не ошиблись адресом, но в данный момент мне не до этого". Он больше не появлялся у тебя. Ну как можно прийти к больному, который ведет счет оставшимся дням жизни на часы, и сказать, что у него мало времени?!

В субботу снова приехали с Сашей Зигфрид и Улли. Это было огромной радостью для тебя. В воскресенье во второй половине дня хотел зайти навестить тебя еще разок Якоб, студент-медик. Ты радовалось этому. Твоим единственным опасением было, как бы папа с Маттиасом не вернулись из Берлина слишком рано. Якоб специально приехал из Ахена. Как только он вошел, я сразу уехала домой, а когда вернулась, он все еще был тут. Я заметила, что этот визит был особенно важен для тебя. К счастью, папа с Маттиасом приехали чуть позже. Они рассказали, что тетя Фридель и ее муж буквально вывернулись наизнанку, но им двоим все равно было не до веселья. Мыслями они все время были с тобой.

Ночью дежурил доктор Керн. Вечером он заглянул еще раз, чтобы полакомиться "медвежатинкой"! У тебя всегда было что-нибудь припасено для гостей-посетителей. А доктор Керн оказался большим любителем мармелада, особенно имевшего форму любимой всеми в детстве игрушки — медвежонка. И как только у него выдавалась свободная минутка, он заходил к тебе, садился и съедал хотя бы одного "медвежонка". Ты спросила его, как положено во время ночного дежурства — может ли он хоть немного поспать? Он ответил, что было бы неплохо, если бы ты разбудила его

утром без двадцати восемь. С этого момента каждое утро первой твоей мыслью было: "Мне надо разбудить доктора Керна!" Между вами установились сердечные отношения. Доктор Бурби тоже тебя часто навещал. Он, правда, работал сейчас в другом отделении, но он дружил с доктором Керном. Часто они приходили вдвоем. Своего маленького мехового ежика, которого подарила тебе на прошлое Рождество Марен, ты уже давно прозвала "Бурби". Пусть когда-нибудь потом, так ты решила, доктор Бурби получит этого ежика на память о тебе.

8 ноября у Маттиаса был день рождения. Тебе уже было совсем плохо. Бабушка испекла дома пирог и ждала нас. Нам разрешили взять тебя на два часа домой в кресле-каталке и с костылями. Вверх по лестнице тебя внесли Маттиас с папой. Закутанная в плед ты сидела вместе с нами за столом. Что за грустный день рождения был у Маттиаса! И тем не менее' мы радовались, что ты была с нами. Вечером мы опять отвезли тебя в больницу. Да ты и не хотела оставаться на ночь дома, потому что тебе необходимо было чувствовать непосредственное присутствие врачей, только так у тебя появлялось чувство надежности. Невероятно любезно было с твоей стороны, что ты отправила меня в тот вечер домой. Чтобы я спала дома. Папа уезжал к вечеру по своим делам, и ты не хотела, чтобы Маттиас в свой день рождения оставался один. Приготовив тебя ко сну, я ушла, нежно поцеловав тебя.

На следующее утро ты уже не могла дождаться, когда я приду, так тебе было плохо. Боли были везде, потом поднялась температура. Вызвана температура опухолью или причина в чем другом? Это оказалось вирусное воспаление легких. Но ты не сдавалась. Умирать от воспаления легких ты не собиралась. Ты же пообещала доктору Тёбеллиусу не делать никаких глупостей. До сих пор ты справлялась с опухолью, а какое-то воспаление легких должно сломить тебя? Ну уж нет, ты и его обуздаешь!

В эти дни доктор Керн как-то спросил меня, когда мы были в ординаторской одни, как это мне удается и как мы все это выдерживаем. И тут я призналась ему, что больше двадцати лет — со дня смерти моей матери — жила под страхом опухоли. Каждый день у меня где-то что-то

болело, и я не могла решиться даже просто с кем-то поговорить об этом, даже с мужем — и то нет. Пожалуй, не было такой ситуации, которую я не проиграла бы в своем воображении, не видела бы все собственными глазами. Только в моих страхах онкологической больной всегда оказывалась я сама! — И вот уже год, с тех пор, как злой рок поразил тебя, я утратила свой страх. Этот разговор развоpотил мне всю душу. Доктор Керн дал мне чего-то успокаивающего, и я опять пошла к тебе. В конце концов, сейчас мне нужно было быть с тобой, а плакать и рыдать время будет и потом.

11 ноября 1982 года был особенный день. Ровно год назад ты поступила в боннскую больницу. И это была третья годовщина смерти дедушки, и еще это был праздник — день Святого Мартина1. Значит, можно было все-таки ожидать от этого дня и чего-то светлого. Мь решили доставить сестрам отделения немного радост] в день Святого Мартина. В конце концов, сегодня уж 11 ноября, снова Святой Мартин, и, следовательно, мь прожили с тобой на целый год дольше. Год назад счег шел на дни. "Мартин", которого я заказала испечь был ростом с метр. Старик-пекарь Шульц в булочно! на углу сделал его вручную из теста для медовых пря ников и так красиво украсил миндалем, что сестры н< решались его съесть.

После обеда к тебе пришла Бригитта. Но не одна а с Валери, жившей по соседству, дети которой захо тели спеть для тебя любимую всеми песню в честь Свя того Мартина. Этот трогательный жест с их сторонь умилил и взволновал тебя. Раздался телефонный зво-нок Бригитты. И я услышала в трубку, как детские голоса поют знакомую песенку и одновременно тво* всхлипы. На тебя нахлынули воспоминания, в памяти ожили веселые шествия школьников по городу Е этот день, в которых ты всегда принимала участие ее всеми вместе. И все же это были радостные для тебя слезы.

Пришла навестить тебя и твой бывший тренер по теннису Сибилла Паженкопф. Вспомнились яркие победные всплески твоей коротенькой теннисной карьеры. И с этим ты мысленно тоже уже простилась.

Со всей семьей приехала из Бельгии еще раз Лу. Нам приходилось уже координировать визиты к тебе, потому что твое время и твои силы были ограничены. Каждый старался, прощаясь с тобой, оговорить время для следующего своего прихода, чтобы только не оставлять зависавшую в воздухе горечь последнего прощания.

Из Бельгии дважды приезжала в эти дни Мари (летом она окончательно вернулась домой). Для тебя это каждый раз был праздник. В первый ее приезд ты еще смогла подарить ей связанные тобой шарф и шапочку. Твоя радость по поводу ее радости была огромной. В тот первый ее визит, это было еще в октябре, мы с Мари были приглашены вечером в теннисный клуб на банкет. Летом мы вместе с ней участвовали в теннисном турнире. Таково было тогда твое страстное желание! Ну а теперь нам предстояло забрать свои победные трофеи. Две недели назад ты еще обсуждала вместе с нами дома, не пойти ли тебе тоже на этот банкет и что тебе тогда надеть. За один и тот же вечер и в одном и том же разговоре ты вдруг пожелала еще узнать, во что одевают покойников. За один час и бальное платье, и саван мертвеца! И тогда мы отклонили твою просьбу сопровождать нас. Нам не нужна была свита из призраков — у нас на это просто уже не было сил!

А второй визит Мари я никогда не забуду. Это было в воскресенье. У тебя были папа, я, мальчики и Мари. Ты была такая счастливая. Вы, обе девочки, отлично понимали друг друга. Ты рассказывала о Якобе и твоей заново открытой любви к флирту. Вы обе строили разные планы. Если ты не умрешь, то вы поедете в путешествие на роскошном океанском лайнере и будете вовсю развлекаться. "Вот тогда, Мари, мы и заарканим себе мужчин, а?!" — воскликнула ты. Мы смеялись от души.

Раздался стук в дверь. Вошли доктор Петри и доктор Керн. У них обоих был выходной день, однако им захотелось навестить тебя. Они несколько смутились, что их встретили таким залпом смеха. "Уважаемые

господа доктора! Заходите, пожалуйста! Это, конечно палата вашей тяжело больной пациентки, но нам тоже хочется повеселиться. Могу я предложить вам кекс?' Они быстро оправились от смущения и включились Б нашу веселую болтовню.

Тем временем ты настолько освоилась с регулированием поступления дипидолора, что научилась укрощать боли до терпимых пределов. От всего лечения оставалось еще только облучение колена.

Ты все чаще говорила о Тёби. Твои мысли кружились вокруг него, несмотря на то что он был в далеком Тибете. Ты не раз делилась мыслью, что хотела бы иметь такого мужа, как он. Правда, у тебя возникла бы с ним одна проблема: ему пришлось бы отказаться от своих маршрутов в высокогорные районы, потому что ты, если выздоровеешь, все равно не сможешь ездить туда вместе с ним. "Дорогая Белли, — сказала я, — этого ни в коем случае нельзя требовать. Или ты поедешь вместе с ним, или ты отпустишь его одного". "Ну хорошо, мама, тогда на это время я буду возвращаться к вам!" — ответила ты.

Ты начала сознательно и обдуманно прощаться со всеми. Позвонил из Канады Ян и попросил тебя продержаться, хотя бы до его приезда. Тёби ты тоже пообещала повременить со смертью. Это было единственное, что удерживало тебя в жизни. Но оба они должны были приехать только в начале декабря. Дотянешь ли ты до того времени? А если — да, то почему бы не дожить тогда и до Рождества? А умирать в январе, сразу после веселого Рождества, тоже как-то грустно — так в своих надеждах ты уже перешагивала в следующий год!

С 8 октября 1982 года ты начала вести дневник — писала часами, а иногда и все ночи напролет. Ты постоянно спрашивала меня — не мешает ли мне это? Нет, я была рада, потому что знала, насколько глубоки твои мысли. А кроме того, ты сказала, что этот дневник — для нас. 12 ноября ты высказала свое затаенное желание, написать письмо Тёби. А почему бы тебе этого и не сделать? "Да, мама, но я люблю его. Если я не умру, я хотела бы выйти за него замуж". — "А почему бы и нет? Перед своим отъездом он сказал мне, что тоже очень любит тебя". — "Но ему придется подождать, пока мне не исполнится двадцать пять лет. А до этого времени я еще хочу учиться!" Следующей ночью ты начала писать ему письмо.

Посреди ночи ты спросила меня: "Мама, а если Господь Бог сотворит надо мной чудо, и я выздоров-лю, и мне исполнится двадцать пять лет, я должна буду выйти замуж за Тёби? А вдруг я к тому времени передумаю?" — "Дорогая Белли, не ломай себе сейчас над этим голову. Насколько я знаю Тёби, у него такое великодушное сердце, он сумеет все понять!"

На следующий день ты захотела поговорить с Мат-тиасом. Ты знала, что для него это тяжкое испытание. Четырнадцать лет своей жизни он всегда плыл в твоем кильватере. Между вами бьша разница всего в полтора года. Ты всегда шла впереди него и показывала ему путь. Сначала это был детский сад, в который он пошел вслед за тобой, потом это бьша начальная школа и под конец — гимназия. Ты же позвала его за собой играть в теннис и бегать по утрам. Как будет складываться его жизнь дальше, без тебя? Сумеет ли он найти свой дальнейший путь самостоятельно? Он говорил с тобой тогда о смерти и о загробной жизни, сказала ты мне потом.

Во время этих очень личных прощальных разговоров я всегда оставляла тебя одну, хотя мне очень хотелось при них присутствовать. Вы оба читали книгу Астрид Линдгрен "Братья Львиное Сердце". Вы обменивались мыслями, находясь в этом удивительном сказочном мире. Как я была рада, что читала эту книгу вместе с вами еще тогда, когда никто из вас и не помышлял ни о болезни, ни о смерти! Теперь чтение вслух и то, что вы читали сами, приносило свои плоды. В эти дни я еще начала читать тебе и мальчикам, если они находились в это время у тебя, "Бесконечную историю" Михаэля Энде. Очарование "девочки-короле вы" невольно связывалось с тобой.

Вечером ты позвонила фрау д-р П. Это был глубоко задушевный разговор. Она тоже плохо себя чувствовала и не рассчитывала на счастливый конец. Вы обе договорились встретиться в раю.

Ночью ты спросила меня, как умерли мои родители и где тебе их искать. Я сказала, что мои родители и твой другой дедушка стоят у врат рая и ожидают тебя. Мы не плакали во время таких разговоров и оставались совершенно спокойными.

Некоторых из своих друзей ты непременно хотела увидеть еще раз. Мы все чувствовали — это твои последние дни. Ты хотела поговорить с Дорис и Марен, Йоханнесом и Доротеей. В субботу из Оберузеля приехала Дорис.

17 ноября 1982 г.

Дорогая Белли!

Как было хорошо, что мы с тобой увиделись в субботу. К сожалению, в воскресенье никак не получилось.

Я все еще думаю о нашем разговоре. Ты спросила меня, не слишком ли это обременительно для меня. Как раз напротив! Я очень обрадовалась твоим словам и нахожусь под большим впечатлением от глубины твоей веры. Я впервые воочию увидела, какое это доброе дело — религия и как вера способна укрепить дух. Я нахожу это прекрасным. И именно с таких позиций я и определяю, что ты обрела истинное счастье. Это наверняка дано только очень немногим людям, а тем более в таком положении.

Дорогая Белли, желаю тебе успешно преодолеть воспаление легких, а потом и окончательно поправиться, ведь для Бога нет ничего невозможного. Но превыше всего я желаю тебе, чтобы ты была по-настоящему счастлива и всегда и во всем полагалась на Бога.

С самыми теплыми приветами и пожеланиями

Твоя Дорис

Передай, пожалуйста, от меня сердечный привет всей твоей семье. Моя мама тоже желает тебе всего самого лучшего.

Мне еще вспомнилось одно место из Библии и маленькая притча:

"Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах". (Послание к Ефесянам, 1,3);

Я просил у Бога всего,

чтобы я мог наслаждаться жизнью.

Он же дал мне жизнь,

чтобы я мог наслаждаться всем.

Йоханнес тоже пришел тебя навестить. Об этих разговорах мне мало что известно, только одно — что они были важны для тебя. Марен приехать в воскресенье не смогла по состоянию здоровья. Но приехал Ханс-Юрген и привез тебе букет алых роз.

В ночь с воскресенья на понедельник с тобой остался папа. Ты хотела обязательно поговорить с ним. Несколько дней до того ты обсуждала со мной, как будут обстоять дела в нашей семье после твоей смерти. Я поделилась с тобой своими опасениями, что мальчикам нелегко будет ладить с отцом. (Это единственное, о чем я сожалею еще и сегодня — не надо было вселять в твое сердце этой тревоги. Действительно, не нужно было этого делать.)

Когда я пришла рано утром в понедельник, то увидела, что вы оба почти не спали. В этот день тебе должны были снова делать рентгеновские снимки, чтобы посмотреть, дал ли что последний курс. И ты хотела полностью использовать свободное до того время. Сначала ты

продиктовала мне список, кто что должен получить на память о тебе. Затем последовала длинная запись в твой дневник. Боже мой, чего мне только не пришлось выслушать! Но твои формулировки и твой голос были настолько категоричны, что я не решалась возражать тебе и только все исправно записывала.

В одиннадцать часов все было готово для рентгена. Ты уже несколько дней жила на кислороде. Чтобы не причинять тебе дополнительной боли, тебя решили отвезти на снимок прямо на твоей кровати. Но на это время нужно было отключить кислород. В больнице все рассчитали — тебе придется пробыть без кислорода пятнадцать минут. Чтобы не терять ни минуты, все подготовили заранее: двери в коридоре были распахнуты настежь, лифт стоял на этаже, запрограммированный на всякий случай на "Аварийную ситуацию", в рентгеновском кабинете тоже все были наготове. Через пятнадцать минут мы действительно снова вернулись в твою палату, и тебе сразу дали кислород. Теперь оставалось только ждать результатов рентгеновского исследования. И за это время ты продиктовала мне несколько писем, в которых прощалась с людьми.

Несколько дней назад у тебя был продолжительный разговор с доктором Керном. Я присутствовала при нем. Ты спросила, какие у тебя на сегодня возможности. Он сказал, что все зависит от результатов исследования. "Если исследования покажут, что платинекс что-то дал, тогда это лечение будет продолжено?" — "Да, так". — "А если последний курс ничего не дал и опухоль снова растет, тогда у нас нет больше никаких шансов?" — "Да!"

В тот вечер ты как-то вдруг все стала видеть яснее, почувствовала что-то вроде освобождения и часами пребывала в состоянии эйфории. То, что твоя дальнейшая судьба зависела от рентгеновского снимка,_было тебе известно. Врачи и я — мы уже очень скоро знали, что метастазы распространились по всему легкому. Но ты не спрашивала про результат. Еще нужно было обговорить так много всяких дел и сделать так много распоряжений — так ты считала. На несколько минут я вышла в коридор, якобы чтобы кое-что принести из кухни, и обсудила все с доктором Петри и доктором Керном. Старший ординатор тоже подошла к нам. Надо ли сообщить обо всем доктору Тёбеллиусу?.. Справлялась ли уже Изабель о рентгеновском снимке?.. Нет, она ни о чем не спрашивала. А что ответить по поводу доктора Тёбеллиуса, я прЪсто не знала. Я только спросила врачей: "Он ведь отдал распоряжения на все случаи жизни?" — "Да!" — "Он что-нибудь говорил о своем возвращении из отпуска, если угроза смерти станет реальна? Или о том, чтобы поставить его об этом в известность?" — "Нет, ничего такого сказано не было". — "Тогда оставьте его, пожалуйста, пусть он спокойно проводит свой отпуск до конца. Ему еще понадобятся силы для других пациентов." И я опять пошла к тебе.

Ты по-прежнему приводила в порядок свои бумаги. Около двух часов дня к тебе вошел доктор Керн. "Вы уже видели мои снимки грудной клетки?" — спросила ты его. — "Да!" — "И какие они?" — "Плохие. Размеры метастазов увеличились!" — "Значит, я устойчива и к платинексу тоже?" — "Да!" — "Тогда я больше не хочу лечиться. Если Бог действительно захочет сотворить надо мной чудо, Ему не понадобится для этого никакая химиотерапия. Я отдаю свою судьбу на волю Божью! И хочу еще только поговорить со своими родителями".

Папе тем временем я обо всем сообщила. Он уже был в пути. С доктором Керном ты обсудила еще некоторые детали. Ты хочешь умереть, не теряя достоинства и не задыхаясь мучительно от нехватки воздуха и, если это возможно, безболезненно, чтобы твоя семья не испытывала излишних страданий. Тебе обещали оградить тебя от болей, сказав, что ты просто спокойно заснешь. Как долго это примерно продлится? Этого тебе никто не мог сказать. Как только ты перестанешь бороться, опухоль скорее всего очень быстро одержит победу.

Приехал папа. Доктор Керн проинформировал его о положении дел, и ты попросила доктора Керна оставить нас наедине. Твое решение было твердым и предельно ясным: никакого нового лечения. Ты взяла власть в свои руки. И не допускала никаких возражений, взвешиваний, обдумываний и тем паче дискуссий. Это была твоя жизнь, и решать было только Богу — жить тебе или нет.

Ты просила нас мужественно держаться всем вместе... не дать семье распасться... любить своих сыновей так же, как мы любим тебя... и заботиться о бабушке. Маттиаса, Кристиана и бабушку мы уже тоже успели вызвать. Кристиан примчался прямо из магазина. Я все сказала ему в коридоре. Врачи и сестры стояли у двери, никто из них не решался ни о чем нас спрашивать.

Для Кристиана развитие событий оказалось слишком быстрым. Он не мог и не хотел так легко смириться с жестокой судьбой и стал просить врачей и сестер уговорить тебя начать новый курс лечения. Это разрывало мне сердце. Я стала очень строгой и сказала: "Я никого не пущу в палату к Изабель, кто не уважает ее решения!" Кристиан взял себя в руки. Когда ты разговаривала с ним, он оставался спокойным. Ты просила его подчиниться судьбе. Обращаясь к нему, ты сказала: "Я знаю, у тебя впереди трудное время. На следующей неделе у тебя экзамен. Я бы с удовольствием дотянула до того дня, но это невозможно. Тем не менее иди и сдавай экзамен и постарайся его выдержать. Я помогу тебе. Буду сидеть на твоем плече и подсказывать. И никто не поймает нас на том, что мы их провели!"

А Маттиасу ты сказала: "Маттиас, если у тебя получится, расскажи в школе, как я умирала. Может, они смогут даже заказать по мне заупокойную мессу. Я бы так гордилась тобой, если бы ты во время службы рассказал им о моем смертном часе".

Потом ты спросила, сколько сейчас времени. Был вечер, половина седьмого. Ты вынула письмо к Тёби, что-то приписала еще. Заклеила его и попросила нас отдать это письмо и картину с розой, которую ты нарисовала, доктору Тёбеллиусу. "Папа и мама, теперь, пожалуйста, идите и позовите врачей, пусть начинают".

Они все стояли за дверью. Доктор Петри и доктор Керн уже все приготовили для твоего погружение в глубокий сон. Вот для чего, оказывается, служил тот маленький ящик на колесах, который мы время от времени видели в Кёльне!

Твой самый первый вопрос был: "Доктор Петри, я умру естественной смертью?" — "Да, эти лекарства оказывают всего лишь успокоительное действие, ты просто погрузишься в глубокий сон". — "А я еще раз проснусь?" — "Нет, если ты этого не захочешь. Ты будешь спать, пока смерть не принесет тебе избавления". — "Мне будет больно?" — "Насколько нам, врачам, об этом известно, нет!" Ты знала, что, умирая, ты задохнешься, и не хотела принимать такого мученического конца, оставаясь в сознании: "Пожалуйста, доктор Петри, тогда приступайте". Доктор Петри установил капельницу, обхватил своей левой рукой твою левую руку, нащупал пальцами правой твой пульс. В течение всего этого времени ты оставалась совершенно спокойной — почти даже веселой, — словно скинула с себя тяжкий груз. Последующие сорок пять минут ты непрерывно говорила, оставаясь — до самого последнего момента — в полном сознании и целиком и полностью с нами.

"Мне бы так хотелось увидеть еще раз доктора Тёбеллиуса. У него такая милая улыбка. А я была такой самонадеянной, что уже спланировала всю его жизнь. Я называла его Тё'би. Не знаю, можно ли мне это было? Но ведь в конце концов он не какой-нибудь Тёби, он — мой Тё'би!"

"Доктор Петри, почему, собственно, многие люди так боятся смерти?" И прежде чем он успел что-либо сказать, ты ответила сама: "Конечно, не у каждого такая чудесная семья, такие милые врачи и не все получили такое хорошее воспитание, как я!"

"Маттиас, бери стены штурмом! И если тебе не удастся сломать стену сразу, пробей в ней дыру и попытайся ее расширить!"

"Кристиан, следи за собой! А когда ты придешь на первое свидание, я буду сидеть на твоем плече и шептать тебе в ухо, чтб ты должен сказать или сделать!"

"Папа, гордись своими сыновьями!"

"Мама, ты была моей самой лучшей подругой!" "Теперь вы все четверо заживете прекрасной жизнью, уж я позабочусь об этом.

Доктор Петри спросил тебя: "Мне задержать твое теперешнее состояние? Ты сейчас в эйфории под наркозом. Если хочешь, я могу вернуть тебя назад!" — "Если я сказала "но!", то уже никакого "тпру!" не будет! Сейчас я счастлива и ухожу такой в мой рай. И стану там легкой и прозрачной, но смогу вас видеть".

"Папа, у нас с тобой договоренность на двадцать два часа, не забудь про это". (Папа всегда хотел ровно в двадцать два часа увидеть на небе одну определенную звезду и мысленно встретиться там с тобой.)

"Мама, в какое время мы будем с тобой всегда разговаривать?" — "В семь утра". — "Давай лучше договоримся на шесть, тогда у тебя еще останется время побегать".

"Кристиан, а с тобой?" — "В семь часов вечера, когда я прихожу домой!"

"Маттиас?" — "Я постоянно думаю о тебе."

"А с вами, доктор Петри?" — "В половине седьмого утра, когда я встаю!"

"А вы, доктор Керн?" — "Ну, это абсолютно ясно — без двадцати восемь".

"Сестра Ульрика?" — "В половине седьмого, когда я прихожу в отделение".

"Скажите Марен, умирать — это не трудно. Она должна прийти для этого в боннскую больницу. Она ведь тоже скоро умрет. Жаль, что мне не удалось еще разок повидаться с ней, но у меня нет больше сил".

"Скажите Доротее, пусть не упрекает себя, что не смогла прийти в воскресенье. Ко мне приходил Йохан-нес, и мне было с ним очень хорошо".

"Передайте Зигфриду и Улли, я была счастлива еще раз увидеть свою крестницу. И пусть у них будет еще много детей и тоже дружная и счастливая семья".

"Мне бы очень хотелось повидать еще Яна и Тё'би. Я все же больше люблю Яна, чем думала".

"Я устала и я счастлива. Как бы я хотела остаться с вами... Я скоро встречусь с дедушкой. Мама, а твои родители узнают меня, они же никогда меня не видели? Я всегда буду с вами, даже если вы больше не сможете видеть меня... Особенно когда вы будете праздновать и веселиться и будете счастливы".

Твоя речь становилась все более путаной и неясной. Я спросила тебя, не хочешь ли ты помолиться вместе с нами и прочитать "Отче наш". Эти хорошо знакомые и часто произносимые слова были последними, слетевшими с твоих губ.

Твоя семья сгрудилась вокруг тебя. Врачи и сестры оставили нас с тобой одних. Эта тишина была наполнена святостью. Нас утешала мысль, что ты больше не чувствуешь никаких болей. Твое дыхание, поддерживаемое кислородом, было спокойным и легким.

Старший ординатор посоветовала мне поехать с мальчиками домой. Бессознательное состояние могло продлиться еще несколько суток. Я послушалась ее совета. Приехали Пол и Хетти и увезли с собой Мат-тиаса, Кристиана и бабушку. Они постарались утешить мальчиков дома. Этой же ночью приехал из Мангейма Зигфрид. Папа и я остались с тобой одни. Мы почти не разговаривали, но чувствовали наше единение как никогда. Через несколько часов папа и меня отправил домой поспать, а сам остался с тобой, вместе с ним

была сестра Ульрика. Наверняка вы с папой смогли еще о многом рассказать друг другу, обмениваясь мыслями.

В эти часы еще не оборвалась тесная связь между тобой и другими людьми. Инее написала тебе письмо, ничего не зная о твоем состоянии.

16 ноября 1982 г.

Моя дорогая Изабель,

моя милая девочка, я думаю о тебе очень, очень часто, и мне хочется тебе об этом сказать. Если бы я могла помочь тебе, то отдала бы тебе все крохи оставшихся у меня сил. Но я знаю, у тебя достанет и своих, и духовных тоже и хватит мужества, чтобы примерно сносить твою тяжелую болезнь. Любовь твоей семьи, твоих друзей помогут тебе, но я знаю также, что главное — в тебе самой. Я уверена, ты справишься с ударами судьбы и сумеешь ее принять.

Я помолюсь за тебя. Я нежно укрываю и укутываю тебя своими мыслями о тебе.

Твоя Инее

И Тёби тоже в своем далеком Тибете был мыслями с тобой и написал тебе открытку, датированную 15 ноября — днем, когда ты сознательно прощалась с нами. Открытка пришла в канун похорон. На лицевой стороне рядом с индийским слоном стоял юноша. Текст я могу воссоздать только по памяти, потому что открытку мы положили тебе в гроб под цветы. Самый конец фразы я помню наизусть: "...ну, значит, скоро я стану "повелителем слонов"." Доктор Тёбеллиус выражал еще надежду, что ты не натворишь никаких глупостей.

На следующее утро мы пришли с Маттиасом охранять твой глубокий сон. Папу мы отпустили на несколько часов домой немного отдохнуть.

На следующий день вечером мы опять собрались все вместе возле тебя. Солнце только что село. Мы стояли и смотрели на Семигорье1 и на огни на берегу Рейна. Я взяла в руки твой дневник и начала читать его вслух.

ДНЕВНИК БЕЛЛИ

8 октября 1982 г.

Мне довольно грустно. Не знаю почему. Возможно, потому что здесь, в этой дурацкой кёльнской больнице, я одна и у меня болит ухо. Мне все здесь потихонечку опротивело. Я здесь уже почти три недели. И Якоб не позвонил. Он, правда, звонил домой, а сюда — нет. Я бы очень обрадовалась, если бы он позвонил. Про себя я, конечно, надеялась, что он зайдет, но мои надежды ничем не оправданы.

У меня действительно потрясающие родители. Сегодня вечером они были приглашены в гости, и я только что туда звонила, и папа сразу сказал, что сейчас приедет. Я очень рада, что он придет. Я не выпрашивала этого по телефону, но то, что он сам сказал, что придет, это очень здорово.

Стоит мне только подумать про правое ухо, как оно тут же начинает болеть. Значит, мне не надо про это думать.

Мне кажется, я смогла бы неплохо подружиться с Ингунд. Когда она тут, у меня всегда хорошее настроение, мне весело. Моя бестолковая правая рука все время болит. Надеюсь, что это скоро пройдет. Иначе как же я буду играть в теннис!

Изабель

16 октября 1982

Клаудиа умерла. Милостивый Боже, пожалуйста прими ее с миром и воздай ей за ее силу и мужество Я сама узнала обо всем в понедельник от Михаэля. Сначала я никак не могла поверить. Клаудиа всегда была для меня одной из тех, кто так настойчиво сопротивлялся этой болезни и умел побеждать ее. Всего лишь в июне я мечтала о том, чтобы добиться того же, чего добилась она. Кто бы мог подумать, что эта молодая волевая женщина, во всем для меня пример, умрет так быстро. Клаудиа придала мне столько мужества, когда я уже совсем пала духом и думала, что ниточка моей жизни вот-вот оборвется. Она была для меня образцом терпения и целеустремленности. После я, правда, узнала, что так было не с самого начала, а даже совсем наоборот, и только уже потом, в конце, да и то когда уже поздно было. Но Клаудиа определенно умерла не напрасно. Я, во всяком случае, надеюсь извлечь из ее ошибок урок и буду стараться не проявлять такого нетерпения и больше следовать советам врачей. У меня ведь есть пусть и сомнительное, но преимущество — у меня всегда боли, когда опухоль растет. А Клаудиа умерла хотя бы без мучений и всего за четыре дня. У нее никогда не было болей, и поэтому она так часто удлиняла перерывы между курсами и даже прерывала их. Надеюсь, это послужит мне уроком!

Я-то ведь всегда замечаю, когда возвращаются боли, а значит, и увеличивается опухоль. Это, конечно, изводит меня, как, например, вчера ночью колено, но с другой стороны, это хорошо функционирующий сигнал тревоги, как громкие удары колокола. Собственно, я должна быть благодарна за это, но так трудно быть благодарной за то, что тебя мучит.

В последние дни боли опять усилились и настроение у меня было подавленное, потому что я надеялась — раз курс был успешный, то и болей подольше не будет. Сначала новый курс хотели провести в Кёльне, но теперь меня оставят на лечение в боннской больнице. Я так рада этому. В Кёльн мне сейчас очень не хочется возвращаться.

Доктор Тёбеллиус приходил сегодня к нам домой, чтобы еще раз все обсудить, наверняка все будет хорошо...

Сегодня в одиннадцать утра позвонил Ян (из Канады) и очень долго разговаривал, почти пятнадцать минут. Я так была рада!

Изабель

18 октября 1982 г.

День пока складывается не очень хорошо. У меня сильно болит колено, приходится много принимать болеутоляющих лекарств, и поэтому я сама не своя. У меня часто бывают видения, все какие-то жуткие картины: например, девочка падает из баловства в глубокое ущелье, а внизу ее ловит юноша. Или на меня катится стена, но в самый последний момент она отходит в сторону. Все это я вижу очень живо и образно и потому всегда сильно пугаюсь.

До этого, да и сейчас еще у меня что-то так скверно на душе. Я боюсь нового курса химиотерапии. В такие минуты чаще всего я кажусь

себе уродиной, да и вообще вижу все, как сквозь серую пелену.

А вот вчера вечером я показалась себе хорошенькой и потому была совершенно спокойно но ближе к ночи покой улетучился, и мне хотелось бежать, куда глаза глядят.

Это все дурацкие болеутоляющие лекарства. Я довольно §гоё§у'. Писать мне трудно, но сейчас с болями полегче, вот разве что только колено.

Надеюсь, они в скором времени разберутся, что там, и начнут мне его лечить. А то периодически возникающие боли очень изматывают меня.

Вечером. Первый день в боннской больнице прошел не очень удачно. У меня в памяти все осталось по-другому, и сама атмосфера была друге Сестры почти все сменились, а доктор Керн сегодня вообще не пришел.

Похоже, мне придется здесь много заниматься собой самой. Я все время обдумываю, что бы придумать такого симпатичного для всех к Рождеству. Маме я, пожалуй, что-нибудь вышью.

Изабель

19 октября 1982

Эту ночь я не очень хорошо спала. Я, правда, приняла только одну таблетку фортрана, вот и просыпалась почти каждый час. Мое колено ужасно меня изводит. Если оно не перестанет болел то скоро доконает меня. Я чувствую себя полупарализованной. И все время злюсь, что сестры помогают другим, у кого всякая ерунда, а кому так тяжело — вовсе нет!

Будем надеяться, что до начала курса дела с коленом пойдут на лад. Меня это пугает не на шутку — как я буду с капельницей и на костылях!

Моя дорогая мамочка, надеюсь, она скоро придет! День вдруг повернулся к лучшему. Мама одела меня и позавтракала со мной, потом я отправилась с Бригиттой на ультразвук, а после пришла миссис Мартин, много шутила, и все было так здорово. А затем одновременно пришли Инга и фрау Келлер. Но мне нужно еще было быстренько сходить вниз на рентген. Они обе были очень предупредительны и привели за это время в порядок мою постель. Невероятное внимание с их стороны.

Наконец-то у меня есть подарок для Маттиаса. Идею мне подала Хетти. Я подарю ему что-нибудь из спортивного магазина "Ника". А что другим, надо еще придумать.

Изабель

20 октября 1982 г.

Мои родители и Тёбеллиус думают, что я скоро умру, потому что не выдержу долго этого жесткого курса, да и с коленом тоже все хуже и хуже. Но я не хочу умирать. Да и не чувствую, что к этому идет. Конечно, я тоже нахожу, что очень ослабла, но я не собираюсь умирать. Сейчас это будет зависеть и от меня, сколько времени я смогу выдержать лечение. Но я вовсе не собираюсь сдаваться. Я просто не могу себе представить,

как это так, что меня больше нет. Нет, я просто не могу умереть. Мои родители страшно обеспокоены и напуганы. Мама сегодня утром, во время купания, говорила со мной так, как будто мне этого больше уже не выдержать, и с тех пор я вся дрожу. Даже не знаю почему.

Только не от страха. Где-то сзади слева ласково так опять побаливает слегка верхушка легкого. Не хочу я умирать. И мне кажется это чересчур жестоким — вставать каждый день и знать, что, того гляди, за тобой придет твоя смерть.

Я должна по-настоящему захотеть этого. Сегодня после обеда так и случилось в первый раз. Но мне вот-вот поставят катетер, а в пятницу уже начнут курс.

У меня есть только три пути: облучение подействует, и боли притихнут; химиотерапия доведет все-таки дело до победного конца; или я отказываюсь от всякого лечения и тогда, вероятно, умираю.

Я только что говорила об этом с фрау Белль. Я сказала ей, что беспокоюсь за своих родителей и братьев, потому что они с каждым днем все меньше видят меня живой.

Но иногда, вот как сейчас, меня буквально захлестывают волны уверенности, и я точно знаю, что справлюсь со всем. Фрау Белль говорила со мной о Боге, о том, что Он всемогущ и что мы во всем должны полагаться на Него. Может, все и так, как сказала фрау Белль. То есть если мне действительно суждено умереть, то это сулит благодать, и понимание этого поможет моим родным пережить то, что случится.

Я определила для себя срок тупика на конец декабря. И думаю, что сейчас я действительно должна показать всем, как еще хочу жить. Ведь есть еще так много разных дел, которые я себе наметила. Я даже представить не могу, что они не сбудутся. При этой болезни смерть, похоже, очень долго крадется, но потом приходит очень быстро. Клаудиа ведь тоже рухнула "внезапно", да и для меня всего лишь два месяца назад забрезжила перспектива полного выздоровления — и нате вам, пожалуйста, как все выглядит сейчас.

Только что позвонила миссис Мартин, и я так плакала по телефону. Она хочет немедленно приехать. Как это мило! Надеюсь, мы сможем понять друг друга. Это очень трудно говорить на сложные темы, когда нет достаточного запаса слов.

Изабель

21 октября 1982 г.

Они говорят, незачем долго страдать, если лечение перестанет помогать. Я в ужасе! Я, собственно, не хочу умирать. И даже не могу себе этого представить, хотя до смерти всего один шаг.

У меня очень сильные боли. Но ведь даже если я перестану хотеть с ними бороться, они все равно не уйдут, пока не придет смерть-избавительница, а я вовсе не жду ее. Тогда что же мне остается еще делать, как не бороться? От этого будет только лучше. Я просто не могу себе представить, как это все будет, когда я уже буду знать, что умираю и пришла пора проститься со всеми моими близкими. Я не хочу еще умирать! Пожалуйста, Боже

милостивый, дай мне силы справиться со всем этим. Ближайшие десять дней будут для меня невероятно тяжелыми, но я хочу выдержать. Я должна!

Вся правая нога так болит, и никто ничего не может с этим поделать. У меня нечеловеческие боли в ноге! Колено так распухло, что скорее всего придется еще раз делать пункцию. Сегодня разговаривала с доктором Керном и узнала, что колено можно дренировать только с помощью химиопрепаратов. Я все еще как пыльным мешком стукнутая — мне только недавно сделали укол фортрала.

Изабель

22 октября 1982 г.

Вторая половина дня была вчера очень неудачной. Из-за болеутоляющего я все время как бы отсутствовала. Не могла нормально двигаться, разговаривать, глаза закрывались, но, к счастью, я как-то сумела все-таки совладать с болью, и лекарство отменили, а вечером мне стало гораздо лучше.

Что касается душевных настроений, я то взмываю вверх, то лечу в пропасть. В данный момент со мной все в порядке, потому что колено не болит, как сумасшедшее, и я довольно сносно провела ночь. Облучение все-таки помогает. Я думаю, что выдержу десять дней!

Мне сейчас совсем хорошо. Я только что получила чудесную весточку от Яна. Он теперь в Канаде тоже всегда ходит в беретике, хочет быть похожим на меня. Он сказал Терезе, что мог бы полюбить меня, хотя летом у меня были другие предчувствия. Ему очень хочется увидеть меня. Возможно, они приедут вместе в начале декабря.

Изабель

23 октября 1982 г.

Боли опять усилились, особенно в копчике. Я так боюсь, что умру, ведь улучшений никаких нет. Я все больше понимаю, что это такое — тяжело больной человек. А мысль, что кое-кого из милых мне людей я уже больше не увижу, настраивает меня на очень грустный лад, потому что если я умру, то наверняка еще до Рождества. Только вчера я была так во всем уверена, а сегодня утром представить себе не могу завтрашнего дня. Даже смерть и та причиняет мне боль. Но я еще не хочу умирать. Еще есть так много дел, которые мне хочется сделать. Увидеть Яна и Терезу, встретить Рождество в Шварцвальде. Нет, я просто еще не хочу умирать. Но если этот курс химиотерапии не принесет никакого улучшения, тогда, так я

думаю, у меня не хватит больше сил бороться с болями. Тогда мне останется только накачиваться болеутоляющими средствами и медленно так, бездумно умирать.

Если бы по крайней мере сам путь к смерти вдруг оказался приятным по ощущениям, без болей, и я могла бы провести этот отрезок времени в полное удовольствие с близкими и любимыми мною людьми, тогда было бы куда проще пройти этот путь и покончить со всем. А так я знаю, что смерть только усилит мои боли и мое положение станет еще невыносимее, вот я и мучаю себя от одного курса

к другому, в надежде, что перед смертью станет все-таки чуточку лучше.

Приступ боли прошел, и я снова чувствую себя вполне сносно. Я только что потрясающе хорошо поговорила с мамой, а папа кажется мне невероятно нервным.

Сейчас придет Мари. Мне самой иногда кажется, что я весь день словно катаюсь на "американских горках" — то вверх, то вниз. В данный вот момент опять все очень хорошо — я поела и самочувствие совсем неплохое.

Благодарю Тебя, милостивый Боже, что ты поднял мне настроение. Сегодня утром я так боялась умереть. Мари очень обрадовалась шарфу. Она, так мне кажется, была еще очень тронута — мы обе чувствовали себя несколько смущенно.

У меня опять появилось желание помыться. Сейчас мне даже кажется, что я справлюсь с этим сама. Боязнь умереть — это что-то ужасное. У меня был такой страх, такой жуткий страх.

Что меня очень радует — это участие ко мне со стороны фрау Белль и фрау Нифиндт. Они обе предложили мне, что придут в любое время, если понадобится. Меня разбирает страшное любопытство — отправлюсь я сегодня еще "кататься" на "американских горках" или второй день лечения принес уже свои ощутимые результаты. Боли появляются только приступами.

Сейчас десять часов вечера, и я чувствую себя опять очень хорошо. Только сегодня утром я еще думала, что уже никогда не буду чувствовать себя хотя бы сносно. Уже судя по этому ясно, что мне не следует терять надежду. Завтра опять придет Тёби. А я уже сегодня этому рада. Мама все-таки пошла сегодня вечером на бал теннисистов. Надеюсь, что они с Мари хорошо повеселятся!

Изабель

24 октября 1982 г.

День начинается чудесно. Марлена помыла меня, и у меня нет никаких болей. Правда, нельзя сказать, что я идеально спала эту ночь, но я все же глубоко убеждена, что справлюсь с трудностями.

Сегодня весь день прошел просто прекрасно. Со мной очень долго были Мари, Кристиан и мама, а до них еще приходил Ролли, он сейчас живет в Каире. Может, еще придут миссис Мартин и Тёби, и уж наверняка придет Маттиас.

Боли удалось укротить, и мне кажется, что с ногой тоже лучше. На сей раз я настраиваюсь на очень долгое пребывание здесь, в боннской больнице. Я думаю, что тогда у нас будет больше шансов быстрее и успешнее справиться со всеми этими делами. Что невероятно отрадно, так это то, что во время этого курса я могу есть и пить, и мне не становится дурно. К тому же это лекарство хорошо помогает мне, и я не впадаю в сонливость. Меня жутко

интересует, кто еще придет меня навестить. Мне еще хочется немного позаниматься в эти дни. Но моя память стала сильно сдавать.

Изабель

25 октября 1982 г.

Сегодня мне что-то не хочется писать, но кое-что я хочу сообщить: скучать сегодня по-настоящему

было некогда. Ко мне приходили фрау Белль, бабушка и мама. Папа ночевал со мной. Мы анализировали с ним мой сон. Было жутко интересно.

Изабель

27 октября 1982 г.

Вчера был какой-то чумовой день. Было оче? много посетителей, и они утомили меня. Без предупреждения пришла Инга и принесла м несколько книг — о жизни после смерти. Папа нашел это очень глупым. Да я и не собираюсь V, читать.

Неожиданно позвонил вчера Якоб. Меня это честному сильно поразило, я уже совсем переста. на него рассчитывать. Сказал, что как-нибудь зайдет.

Вечером приходил еще Кристиан, был со мно! такой милый и ласковый. Он все-таки просто молодчина!

Сестра Ульрика тоже что надо. Она уже дала две фотографии врачей боннской больницы, и Т(там тоже есть. Это самая милая сестра из всех, к у меня только были. Она предложила мне сегодн утром пойти разбудить доктора Керна. Я так и сделала. Вот была потеха!

Изабель

31 октября 1982 г.

Папа пишет для меня премиленькие маленькие рассказики. Вот один из них.

Жил-был гном. Он часто жаловался, что у него такие большие ноги. Он все просил: "Боже милостивый! Дай мне ноги поменьше!" И чудо свершилось. Санта-Клаус принес ему на Рождество маленькие домашние тапочки. Когда гном их примерил, его большие ноги с легкостью уместились в крошечных уютных шлепанцах. Но осталось еще невыполненным его желание превратиться из маленького гнома в большого человека. И он опять стал молить Бога.

Или вот еще другой.

На небе мигает звездочка.

"А люди там живут?" — спрашивает маленькая девочка. Папа задумался. "Да, только они совсем маленькие, у них кривые ноги, и сами они зеленого цвета, а голова у них, как яйцо, только с антенной". — "Ах, они точь-в точь похожи на Маттиаса, когда он злится!" — весело воскликнула маленькая девочка.

Изабель

4 ноября 1982 г.

Мне кажется, я опять одержала маленькую победу. У меня такой прилив сил, снова появилось чувство голода, и я опять могу ходить.

Я ужас как люблю доктора Тёбеллиуса. Мне кажется, я ему тоже нравлюсь. Он сегодня три раза прощался со мной. Завтра он уезжает в Тибет, будет там подниматься в горы. Маме он сказал, что у него еще никогда не было такой сильной привязанности к юной пациентке, как ко мне. Мы вчера с мамой долго разговаривали вечером, она считает, что, когда мне исполнится двадцать пять, я вполне смогу стать для него парой. Я бы с удовольствием вышла за него замуж. Одна только эта мысль делает меня счастливой. Мы так прекрасно понимаем друг друга.

Доктор Бурби тоже попрощался со мной сегодня. С ним и доктором Керном у нас тоже отличное взаимопонимание.

Моя воображаемая "эмболия легкого" была, между прочим, всего лишь реакцией на то, что мы вчера слишком высоко поставили отметку для дипидолора.

Я все думаю, как пройдет в воскресенье встреча с Якобом. А еще я волнуюсь, понравятся ли всем мои рождественские салфеточки.

Изабель

5 ноября 1982 г.

Я только что выкупалась и испытала огромное наслаждение. До этого я позвонила Бертину и спросила, нельзя ли получить одну его пластинку. Видимо, он жутко изменился. У него совершенно низкий голос, прямо бас, и весь он из себя прямо супер.

Сегодня утром опять приходил священник Мюллер. Я попыталась выведать у него, почему он считает возможным являться ко мне, не предупреждая меня и ни о чем не спрашивая, а прямо так, как снег на голову. Я нахожу это в известной степени обременительным.

Сегодня Тё'би первый день в отпуске. Мне очень грустно, что я теперь так долго не увижу его.

Зигфрид, Улли и Саша придут только завтра. Они сегодня мало спали, были в дороге и чувствуют себя совершенно разбитыми. Завтра придет господин Киршштайн, извиняюсь, Фридрих. Он все шутил, какая я консервативная, раз все еще разговариваю с ним на "вы". Сегодня Маттиас встретится с Фридеманом.

Папа с Маттиасом со вчерашнего дня в Берлине.

Изабель

6 ноября 1982 г.

Сегодня был чудесный день. У меня были Саша, Зигфрид и Улли, а Саша такой прелестный ребенок.

Сегодня я впервые за долгое время опять съела мороженое. У меня вообще чудовищный аппетит.

Завтра тоже будет сумасшедший день. Придут Йоханнес, папа, Маттиас и Якоб. Меня просто съедает любопытство, как все это пройдет. Я, к сожалению, не могу сегодня много писать, потому что болит рука. Однако все мною очень довольны. На следующей неделе я решила попробовать вставать, чтобы начать постепенно выкарабкиваться. А еще через неделю я хочу выйти в город и купить себе много разных красивых вещей.

Изабель

7 ноября 1982 г.

Только что были Маттиас, и папа с мамой, и Кристиан. Они очень смешно рассказывали про Берлин, Фиди приедет в среду. Я очень рада, потому что очень люблю ее. Я всю жду, когда к придет Якоб. Он опять звонил сегодня после обеда, когда я лежала и дремала. Он, правда, сказал, что у него кашель, но так как число лейкоцитов поднялось опять до 1900, это не так страшно.

Когда Тёби вернется, мне надо обязательно его спросить, не может ли он подарить мне свою фотографию. У меня, правда, есть фотографии, которые мне дала Ульрика, но на них его почти ^ невозможно узнать, так что мне хотелось бы I' получить другую от него самого.

Якоб приходил и был с половины пятого до шести. Все было чудесно. Мы болтали очень ; оживленно. Говорили много про любовь и дружбу. Похоже, у него уже было много знакомых женщин, и в постели он наверняка тоже не новичок.

По мнению Якоба, у меня хорошая фигура и симпатичная мордашка. Я думаю, что запросто могла бы пофлиртовать с ним и получила бы от этого удовольствие. Во всяком случае, я нахожу очень милым с его стороны, что он не считает за труд приехать из Ахена навестить меня.

У него сложилось впечатление, что я с радостью и довольно ловко кружу мужчинам головы. Но он по крайней мере обращается со мной как с женщиной, а не как с маленькой девочкой. Тёби все же больше относится ко мне как к ребенку, но он, конечно, и намного старше меня. Вообще, это необыкновенно интересно познавать мир мужчин, и мне очень нравится флиртовать с ними.

В следующий понедельник Якоб опять приедет, и мы продолжим с ним наши разговоры. Сегодня он на прощание погладил меня по щеке. Меня разбирает любопытство, на что он может решиться еще.

Изабель

9 ноября 1982 г.

Вчера был день рождения Маттиаса, поэтому после обеда меня отпустили. Ах, что за прекрасное чувство побыть опять дома! Маттиас, так мне показалось, безумно этому радовался. Кристиан и родители — тоже.

Это был по-настоящему приятный и уютный вечер в домашней обстановке. Однако ночью я ясно почувствовала, какое это было для меня напряжение. Я никак не могла заснуть, потому что все мышцы сводило судорогой, я была в полном отчаянии, пришлось прибегнуть к фортралу.

На меня опять накатывает иногда страх, вот как сейчас, справлюсь ли я вообще, боли-то ведь опять появились, правда, я пока еще не могу сказать, что это за боли — только мышечные или что посерьезнее. Я чувствую себя совершенно обессиленной. Ходить — чудовищное напряжение для меня, я сразу задыхаюсь. Изменится ли когда что к лучшему? Вчера вечером мама уложила меня здесь в постель и погладила по головке. В этот момент я почувствовала себя совсем маленькой, так еще нуждающейся в родительской опеке. Это так здорово осознавать, что можно позволить себе быть такой.

Изабель

Я чувствую себя глубоко несчастной. И я боюсь, что не смогу справиться. У меня все болит, и мне та нехорошо. К счастью, сейчас придет мама.

Изабель

10 ноября 1982

Мы опять, что называется, в яме. У меня вирусная простуда. Сегодня утром я жутко испугалась, потому что сначала подумала, что температура поднялась от опухоли, а это означало бы, что она снова растет, несмотря на химиотерапию. Однако это не так, и уже выяснилось, что это инфекция. Для меня это тоже очень опасно, я могу от этого умереть. Но мне надо обязательно с ней справиться, потому что я обещала доктору Тёбеллиусу не делать никаких глупостей.

Сегодня утром я мысленно уже писала прощальные письма и обдумывала, как мне успеть закончить свои рождественские подарки, чтобы хоть немного порадовать других. Я приготовилась уже сдаться без боя, в таком я была ужасе.

Но я еще далеко не в безопасности и могу очень быстро погибнуть, потому что число лейкоцитов опять низкое, а температура утром была 40,1° по Цельсию. Сейчас она уже спустилась до 38,3° благодаря новальгину и компрессам на икры. Доктор Керн вытащил также катетер и поставил его на левую руку, чтобы исключить образование тромба.

Папа был напуган сегодня утром не меньше моего. У него на глазах все время были слезы, и он, наверное, тоже сразу подумал о смерти.

Я хочу справиться с этим недоразумением как можно быстрее. Конечно, теперь и думать нечего, чтобы выйти в город, но это я как-нибудь переживу. Ведь сегодня утром я подумывала о том, что пора писать прощальные письма. Просто смех, как изменчиво мое настроение и как я во всем неуверена. Всего три часа назад я поставила на себе крест, а сейчас уже вижу все в другом свете, да и моя напряженность ослабла. Мне кажется, я даже сделала только что немножко в постель — водичка сама вылилась.

Я была бы очень рада, если бы Марлена смогла меня после обеда вымыть и постелить мне чистую постель. Я думаю, что, несмотря на инфекцию, мне разрешат вскоре искупаться, тем более что и катетера наверху нет.

Пришла мама и принесла мороженое и чипсы.

Изабель

Сегодня вечером у меня произошел очень честный и прямой разговор с доктором Керном. До сих пор я все время жила иллюзиями. Я думала, что лечение платинексом — это как панацея и после нескольких курсов может наступить полное исцеление. Но как выяснилось сегодня, и эта химиотерапия действует только избирательно, и общая картина в легком вообще может нисколько не улучшиться.

Вот рука же продолжает болеть. Следовательно, платинекс тоже не является спасением от всех бед, и чем чаще меня им лечат, тем я становлюсь устойчивее к нему, то есть он теряет для меня свою эффективность. А это, в свою очередь, означает, что мои шансы все уменьшаются и я, вероятно, скоро умру. Это известие чудовищно потрясло меня, доктор Керн лишил меня всяких иллюзий, сорвал пелену с моих глаз. Но в любом случае я предпочитаю лучше так и нахожу это правильным. Я даже в какой-то мере обрадовалась и очень счастлива. Теперь по крайней мере все точки расставлены и перспектива ясна. Это, конечно, вовсе еще не означает, что с этого момента я складываю оружие. Напротив, я не думаю, что вирус отбросит меня так безнадежно назад. Боли, конечно, усилятся, и следующий курс, очевиднее всего, чуда не сотворит.

Доктор Петри и доктор Керн заходили ко мне сегодня вечером еще раз, и оба сказали, что мне не следует опасаться болей, если наступит мой последний час. Так что я сейчас по-настоящему счастлива.

Но если я все-таки непременно захочу жить дальше, то безо всякого смогу продлить свою жизнь еще на месяц — даже без химиотерапии, только с помощью облучения, болеутоляющих средств и кортизона.

Я определенно хочу жить так долго, как это только возможно, чтобы облегчить судьбу моих близких.

Я испытываю такую приятную усталость и чувствую себя так хорошо, как уже давно не было. Я просто совершенно даже не думаю о том, чтобы умирать. Я чувствую себя физически такой сильной.

Папа с мамой только что ушли домой, хотя мама потом снова придет.

С папой мы немножко посентиментальничали. Это было впервые за много лет, что мы с ним опять поцеловались в губы. Раньше — когда я была маленькой — это было для меня абсолютно естественно, а сегодня этот жест означает для меня нечто другое, сегодня это для меня скорее символ влюбленности.

Я слишком устала, мои глаза просто слипаются, а рука, того гляди, отвалится. Я с радостью жду завтрашнего дня. Мне никак нельзя забыть, что я должна разбудить доктора Керна!!!

Изабель

11 ноября 1982г.

Ровно год назад в этот день меня привезли в боннскую больницу. Сейчас еще очень-очень рано, всего 2 часа 33 минуты. Какое это странное ощущение, когда тебя выше головы накачивают болеутоляющими лекарствами! Я чувствую такую усталость и тем не менее не могу спать. Меня невероятно беспокоит моя собственная ситуация. В данный момент я вообще не могу логически рассуждать. Мне так хочется от чего-то избавиться, а от чего, я и сама не знаю.

У меня немножко совесть нечиста по отношению к маме, потому что я не даю ей спать.

Мои дорогие родители, тысячу раз спасибо вам за то, как самоотверженно вы ухаживаете за мной. Я вас бесконечно люблю и никогда не оставлю вас.

Сейчас я в очень меланхолическом настроении. Но не могу расценить его как приятное или неприятное. По сути, я нечеловечески устала, и у меня невольно слипаются глаза, но стоит мне лечь, и сна как не бывало. Я никак не могу себе представить, что меня скоро не будет, что я должна умереть.

Мне так еще хочется как следует насладиться жизнью: пофлиртовать с мальчиками и взрослыми мужчинами, встретить свою любовь и выйти замуж Я бы с радостью вышла замуж за Тёби, потому что ним я чувствую себя, как за каменной стеной, и потом что мы понимаем друг друга без слов.

В этой жизни у меня есть еще одно желание — я хочу увидеть Тёби, чтобы он поддержал и утеших меня. Мне так хочется жить еще, но я не верю, что меня спасет чудо.

Я слишком устала. Я кончаю писать и молю Бога, чтобы Он ниспослал мне сладкий сон и приятные сновидения. Милый Боженька, окажи мне пожалуйста, такую любезность.

Изабел

Я попеременно ощущаю себя то очень счастливо? то смертельно несчастной. Незадолго перед этим я была в ужасном смятении, когда поговорила с доктором Керном, хотя во время разговора все мне казалось предельно ясным. Чаще всего я обычно все-таки плачу после разговоров с ним.

Только что здесь наверху побывали у меня шестеро детишек, они спели песенку св. Мартина. Я жутко радовалась, только очень разволновалась и даже заплакала, потому что во мне ожили многие воспоминания. Клаудиа и Бригитта невероятно мило утешали меня.

Собственно, лучшее время, чтобы умереть, — это начало января. Тогда я и Рождество смогу отпраздновать, и Тёби и Яна увижу, и душой подготовлюсь к смерти. Ведь, собственно, для всех будет ужасно, если я умру через три месяца.

Изабель

12 ноября 1982 г.

Еще очень раннее утро, а я опять мешаю папе спать. Я верю в непременное чудо. Почему я не могу с этим справиться? Вчера вечером приходили еще Кики и Бригитта. Кики была так взволнована. Я с каждым днем люблю ее все больше и больше.

Почему я не смогу одолеть эту треклятую опухоль? Выложусь до последнего и задам ей трепку. Я без памяти люблю своих родителей, и моя победа стала бы для них подарком им на Рождество.

Изабель

Я жутко боюсь, что заработаю воспаление легких. Тогда я определенно умру до возвращения Тёби и приезда Яна. Папа только что (в пять часов утра) купил мне фанту. Он такой милый. Я не хочу его терять!

Изабель

Все-таки у меня воспаление легких. У меня есть шанс справиться с ним, но вот буду ли я жить дальше, это пока маловероятно. В настоящий момент у меня даже нет никакой мотивации, чтобы проходить третий курс платинекса. Я боюсь еще раз подвергнуть себя этой пытке. Но я же только что так бодро объявила всем про свою огромную волю к жизни, и вдруг сразу так трусливо поджать хвост? Отказываюсь, и все тут? Но в любом случае

я постараюсь сейчас справиться с воспалением легких, и тогда многое еще будет зависеть от того, в какое время все это произойдет. Если уже будет идти декабрь, а я все еще буду жить, и без всякой химиотерапии, и смогу несколько дней повидать Тёби и Яна, тогда — так я думаю — я откажусь от дальнейшего лечения. Я бы согласилась, конечно если был бы хоть какой-то шанс. Но на эту тему я буду еще думать, но только после того, как справлюсь с воспалением легких, — или уже вообщ< ни о чем больше думать не буду. Когда я расспрашиваю Марлену, как будут обрабатывать мой труп, она только хихикает в ответ. Мама говорит, что она сама страшно боится смерти.

С Тёби я определенно могла бы об этом поговорить. Мне хочется еще спросить его: имело бы смысл использовать мой труп в научных целях? Мж так хочется открыться ему в своих чувствах. Но я не знаю, нужно ли ему это. Мне так хочется прижаться к нему и найти утешение. Но вот захочеа ли он этого? И будут ли у меня тогда еще силы, чтобы говорить или обнимать его?

Милостивый Боже, прими от меня, пожалуйста, еще и эту мою большую просьбу — дай мне увидеть Тёби, пока я еще буду в сознании!

Я все никак не могу перестать верить в чудо. Почему это мне не по силам побороть воспаление легких? И чувствовать себя лотом на все сто, может, удастся даже набраться сил и выдержать платинекс в третий раз? И почему это он мне больше не поможет? А если этот курс все-таки что-то даст? Тогда это прибавит мне снова мужества, и я попробую проделать его еще раз!

Только что приходила Астрид. Я могу теперь говорить ей "ты": у нее день рождения в один день со мной. Мне вдруг так захотелось дожить до своего дня рождения, когда мне исполнится семнадцать! У меня опять появилось такое желание жить! Будет так грустно умереть ни Рождество — получить столько подарков и сразу после этого умереть. А вдруг моя воля к жизни и какое-нибудь хорошо переносимое лечение смогут сделать гораздо больше, чем эти убийственные курсы?

Только что был обход, и мне сказали, что дела мои идут на лад и что медицина свое дело делает. Я и на самом деле чувствую себя сейчас совсем неплохо. Завтра у доктора Керна и доктора Петри выходной. Но несмотря на это, они собираются прийти навестить меня.

Я только что говорила с Маттиасом о смерти. Этот разговор оставил в моей душе прекрасное и окрыляющее чувство. Маттиас сказал, я должна представлять себе рай таким, как в книжке "Братья Львиное Сердце", и помнить, что смерть тоже может быть прекрасной.

Все это время я чувствовала себя очень счастливой, а тут еще и Бурби пришел и был невероятно мил со мной. Он обещал мне поддержку при проявлении мною воли к жизни и медицинскую помощь на тот случай, если я все-таки приму обратное решение.

После него у меня была дыхательная гимнастика, и мне действительно удалось добиться кое-каких успехов и отхаркать много мокроты. Ах, какое это удивительно приятное ощущение! Правда, после этого я была совершенно без сил. Сейчас мой оптимизм несколько поугас, потому что я вся выложилась, откашливаясь. Вот и правая рука сильно дрожит, что так заметно по моему почерку. На левое колено тоже нельзя давать никакой нагрузки, но об этом сейчас не стоит беспокоиться. Зато правой рукой я опять могу свободно двигать, как захочу — все-таки я еще верю в чудо. Спасибо Тебе, милостивый Боже!

Я получила фотографии от Бьё'рна и вовсе не кажусь себе на них такой хорошенькой, как он считает. Думаю, надо утешить его и написать ему приветливое письмо.

А сейчас я хочу отдохнуть.

Изабел

Я только что разговаривала по телефону с фрау д-р П. Я теперь говорю ей "ты", и у нас был долгий задушевный разговор. Ей перелили не ту кровь, и она чувствует себя сейчас очень плохо. Она очень хочет умереть, и она тоже верит, как и я, в жизнь после смерти (см."Братья Львиное Сердце"). Она говорит, что поддерживает контакт со своим сыном, который уже умер. Я обещала ей часто звонить. Ей сейчас очень плохо.

Собственно, в нормальной жизни я никогда не была так счастлива, как сейчас.

Изабель

13 ноября 1982г.

Сегодня утром я совсем не ощущала себя счастливой, хотя спала хорошо. Я была в таком смятении, и никакой уверенности в своих чувствах. Но зато у меня был волчий аппетит, и я съела верхушки обеих булочек. И мне сразу полегчало. Я уже начала писать письмо Тёби, мне действительно нужно многое ему сказать. В одиннадцать часов приходила Дорис, и с ней у меня был очень глубокий и наполнивший меня ощущением внутренней радости разговор. В тот момент я опять была невероятно счастлива и очень спокойна. И могла гораздо лучше дышать. Она хочет, это я сама ей предложила, получить потом назад все свои письма из нашей переписки. Я ощущаю новый прилив сил, и старший ординатор сказала, что если я и умру, то не от сердца, хотя пульс и очень частый.

Это очень забавно, когда я спрашиваю некоторых людей, чтб бы им доставило радость получить от меня в подарок на память обо мне, поскольку я все-таки думаю о своей смерти. Конечно, все это будет выглядеть крайне глупо и нелепо, если я останусь жить. Но моя жизнь теперь полностью в руках Божьих.

Изабель

Одна из папиных историй про маленькую девочку. На пороге Рождество. Маленькая девочка сгорает от любопытства, чтб она всего такого получит в подарок. "Папа, а подарков будет много?" — "Да, детка, много". — "Вот здорово! Мама, у меня будет во-от столько подарков! Папа, а много — это сколько?" — "Столько, вот столько и еще полстолько". — "Так мно-о-о-го??? Мама, я получу так много всего — и то, и это, и еще вот это! А мальчикам достанется только это. Я так рада, что скоро Рождество".

Только что звонил из Канады Ян. Я жутко обрадовалась. Я пообещала ему, что буду жить, пока он не приедет. Он так мило выслушал меня. Я все еще очень люблю его.

Изабель

Попрощалась только что с Бьёрном и поблагодарила его за фотографии. Любопытно, как он отреагирует на мое письмо. Недавно приходил Йоханнес, пробыл полтора часа, — и мы прервали нашу беседу, потому что вошел папа и на свой вопрос, не многовато ли это, услышал "нет", тогда он разозлился — такое у меня было впечатление — и с шумом вышел опять. Йоханнес сжал мне на прощание обеими руками мою ладонь, сердечно и искренне, и мне так показалось, что еще чуть-чуть — и он обнял бы меня или поцеловал. Он сказал мне, что я для него много значу и что ему еще никогда не доводилось ни с кем так разговаривать о смерти. Йоханнес мне очень-очень симпатичен. Он хочет прийти еще раз. Из всех моих сверстников он мне больше всех нравится. Мы говорили с ним о дружбе в товарищеском понимании и сексуальном, о наших представлениях о вечной жизни, и еще я сказала ему, что однажды видела его в своих мечтах во сне. Он тоже уже один раз видел во сне девушку. Вот уж никогда бы не подумала!

Изабель

У меня невероятно сильное предчувствие, что я выздоровлю. Я только боюсь химиотерапии. Может, произойдет чудо, и я выздоровлю благодаря своей воле к жизни? Милый Боженька, пожалуйста, помоги мне в этом! Я ведь упряма, как ослица!!!

23.30. Отхаркала так много мокроты, и все благодаря папе. Потрясающий успех!!!

Изабель

15 ноября 1982 г.

Так как в выходные пришлось сделать перерыв с облучением от болей в правой руке, то сегодня в понедельник я не в состоянии собственноручно записывать свои мысли. Но поскольку я питаю к моей любимой мамочке неограниченное доверие и мои родители так и так получают право прочесть после моей смерти мой дневник, она исполнит мое желание и запишет все мои мысли последних дней.

В субботу вечером с папиной помощью мне удалось избавиться от обильной мокроты, так что, собственно, у нас была хорошая перспектива спокойно провести ночь. Но этому не

суждено было сбыться. У нас состоялся очень долгий, честный и в известной степени трудный разговор. Я вдруг вспомнила про свое обещание, данное маме несколько ночей назад во время одного нашего разговора, и оно заключалось в том, что я поговорю с папой о его запутанных отношениях с сыновьями. Я дала маме такое обещание, потому что она в тот вечер перед отъездом мужчин в Берлин была дома неправильно понята всеми троими — мужчинами нашей семьи — и даже ощутила на себе их несправедливость. Частично я разделяю ее точку зрения, во всяком случае, я решила ей помочь.

Итак, я спросила папу напрямик, что он скажет на то, если я стану утверждать, что у сыновей проблемы с отцом. Он потребовал подробных объяснений — я их ему предоставила. Среди всяког разного было одно, а именно его заявление, что он не потерпит ущемления своих прав с их стороны. Он отреагировал на это очень бурно и резко, сказав, что все это лишь пустые фразы, которые я повторяю за своей матерью. Я очень обиделась, потому что не собиралась поучать его, а хотела только открыть ему глаза. За то, что мне не хватил< на это достаточного умения и что аргументы действительно произросли не совсем на лично унавоженной почве, я искренне извинилась. Я попросила его не сердиться на меня, но сказала, что меня будет очень огорчать, в случае моей смерть если он переложит это обвинение на сыновей. Он сказал, что в любом случае постарается избежат: этого, потому что будет их горячо и искренне любить Я попросила его наладить после моей смерти самые теплые и сердечные отношения с сыновьями, потому что это и меня сделает счастливой.

Кроме того, я сказала ему, что буду видеть все из моего рая и мыслями всегда буду с вами. Мы дали себе обещание думать каждый вечер друг о друге в двадцать два часа и не терять, таким образом, единой связи. Я сказала ему также, что пусть он проведет дни траура по мне как еще одну счастливую пору со своей любимой женой. Когда два человека вместе теряют плод своей любви, скорб! может еще сильнее привязать их друг к другу.

В эту ночь мы спали мало. Результат не замедлил сказаться на следующий же день.

Меня помыли, и я хорошо поела, но потом вдруг начались адские боли в правой руке. Было около десяти утра, так что доктора Керна еще не было. Пришел дежурный врач и дал мне какое-то очень сильное болеутоляющее. Мои опасения оправдались, я опять как с цепи сорвалась. К счастью, на этот раз я не утратила над собой контроля и потому не задохнулась. Но очень испугалась: я еще не приготовилась к смерти, а с точки зрения моего физического состояния ситуация была крайне опасной для меня. Сестра Клаудиа проявила как всегда твердость в критический момент и успокоила меня, больше часа она тщательно растирала меня транспульмином. За это время доктор Керн уже успел все взять в свои руки и дал мне успокаивающие капли. А папа сидел и гладил мне ступни, пока я не заснула — я проспала целых два с половиной часа. К счастью, никто не звонил. Думаю, папа разорвал бы того на части прямо по телефону. В половине третьего произошла смена — пришла мама, а папа отправился домой, чтобы прийти в себя от шока. Пока мама была здесь, я продиктовала ей по памяти что-то вроде завещания. Я очень хочу доставить некоторым своим хорошим друзьям еще немного радости, оставив им после себя разные свои мелкие вещицы. Все это будет еще потом самым подробным образом описано в дневнике, потому что я чувствую себя достаточно сильной, чтобы жить столько, сколько захочу.

С мамой я спокойно провела ночь, проспав семь часов, хотя и с перерывами.

На этом твой дневник заканчивался. После него следовало еще несколько прощальных писем к близким тебе людям, которых ты не смогла повидать в последние дни. То что мы привезем бабушку, когда придет твой последний час, этого ты никак не могла предугадать.

15 ноября 1982 г.

Дорогая бабушка!

Моя такая очень любимая мною бабушка, я, вероятно, больше не увижу тебя перед тем, как уйду в рай. Я наверняка встречу там дедушку, но мне, возможно, не придется ему ничего рассказывать про нашу жизнь тут внизу. Мы и дальше будем жить в наших мыслях с вами. Мне еще так не хочется умирать. Я очень противлюсь тому, чтобы уходить от вас. Может, Господь Бог еще сотворит чудо. Если мне будет отпущено время, я еще много раз напишу тебе.

Я люблю тебя всем сердцем!

Твоя внучка Белли

15 ноября 1982 г.

Моя такая дорогая мне Лу!

Мне не хватило немножко силы воли сказать тебе эти слова лично. Но ты и сама знаешь, как высоко я ценю и как сильно люблю всю вашу семью. Вы подарили мне столько радостных часов. Я от всего сердца благодарю вас за это. Письмо потому и адресовано намеренно тебе, потому что я знаю, что ты как мать сумеешь лучше всех сказать в семье каждому то, что он ждет.

Пожалуйста, передай Карелии, что она была близка мне и дорога, как сестра. Наш язык общения состоял из мимики и жестов, но недоразумений не возникало. Меня редко кто из подруг обнимал так сердечно и так нежно целовал, как она. Я буду часто думать о Карелии и надеюсь, что иногда она будет замечать и чувствовать мою любовь.

Я думаю, Акселю известно, что я очень долгое время бредила им, если не сказать, была влюблена в него. Я еще и сегодня очень люблю его и надеюсь, что моя личная симпатия к нему прошла для него не бесследно. Это было так прекрасно и волнительно, обмениваясь с Акселем взглядами, изучать свой первый контакт с мальчиком. Он часто снился мне. А являлась ли я хоть когда ему во сне? В то время мне бы очень хотелось это знать.

Дорогая Лу, а теперь о тебе самой. С тобой меня связывают самые тесные узы дружбы. Я всегда доверялась тебе. Желаю тебе также счастливо прожить еще многие-многие годы, как вы счастливы друг с другом теперь, насколько я это понимаю.

Мануэля, Кэти и Альберта я знаю слишком мало, и мне нечего им особенно сказать, но все равно я их всех любила. Обними их крепко за меня.

Я многим тебе обязана.

Твоя Изабель

15 ноября 1982 г.

Дорогой Ян! Я очень тебя уважаю. Спасибо тебе за твою порядочность и честность во всякие времена.

Твоя Изабель

15 ноября 1982

Дорогая Мари,

я люблю тебя, как свою сестру. Это было так прекрасно — испытать чувство, что у тебя есть сестра. Ты так много дала мне в жизни.

До свидания в моем раю!

Твоя Белли

P.S. Сердечный привет всей твоей семье и вашей экономке тоже, а совсем особый — твоей дорогой, никогда не забывавшей написать мне открыточку маме.

Самым последним в дневнике лежало еще запечг тайное письмо Тёби. "Моему дорогому Тёби" стоял сверху на конверте. Все напряженно глядели на эт письмо. Я взяла его в руки и сказала: "Содержани этого письма знает только Белли. Это письмо остане! ся тайной Тёби и Белли!" Я закрыла дневник.

Папа, Маттиас, Кристиан и я провели остато ночи у твоей постели. В самые последние минуты м] плотнее сгрудились вокруг тебя и взяли друг друга з руки — ты навсегда соединила нас! Это был день пс каяния и молитвы. 17 ноября 1982 года в пять часе утра ты отошла в мир иной, отмучившись и получи избавление.

Зигфрид забрал мальчиков и взял на себя вместе бабушкой и Улли заботы о них.

Мы исполнили наш последний долг. Вместе с сесг рой Ульрикой мы обмыли твое тело и в последний рг одели тебя. Все указания я получила от тебя еще да дня назад. Ты хотела, чтобы на тебя надели твое белое платье, в котором ты принимала причастие. На голове — хлопчатобумажная косыночка пастельных голубых тонов, "только никакого парика, но, пожалуйста, и лысой головы тоже не надо". Даже в смерти ты хотела быть красивой. Ты еще распорядилась, чтобы я покрыла лаком твои ногти. И это было единственное, чего я не смогла сделать.

Врачи дали согласие на то, чтобы твое тело до вечера оставалось в твоей больничной палате. Какой это был благородный жест! Мы с папой украсили палату цветами. Гроб с твоим телом, одетым в белое платье, мы поставили на твою койку. Для нас ты лежала, как зачарованный ангел. Мы никак не хотели верить, что твоя душа уже покинула тело. Мы сняли фотографии и рисунки со стен и освободили шкафчик и тумбочку. Собрали и сложили все твои последние земные принадлежности. Сестре Клаудии и сестре Ульрике мы отдали на память о тебе несколько любимых тобою вещиц. Со всем остальным скарбом мы постарались покинуть больницу под защитным покровом утренних сумерек. Во второй половине дня мы собирались еще раз вернуться сюда всей семьей в полном составе и в кругу самых близких друзей, чтобы проститься с тобой.

Дома Кристиан и Маттиас, к счастью, спали. Мы все исполнили свой долг и сделали гораздо больше, чем когда-либо могли предположить, что способны на такое. Мы с папой тоже погрузились на несколько часов в спасительный сон.

А Зигфрид и бабушка оповестили за это время всех наших самых близких друзей о случившемся. И они тоже испытывали благодарность, что мы все вместе сможем к вечеру в полном уединении проститься с тобой в тех стенах, которые стали для тебя привычными и где ты провела последние недели своей жизни.

Мы плакали и молились все вместе. И радовались что врачи предоставили нам твою палату для после днего прощания с тобой. Нам всем были хорошо изве стны случаи другого отношения к людям в подобный ситуациях.

А ты давала нам силы, и мы стояли словно окол дованные магией твоей непреклонной воли. Все после дующие дни мы были такой же опорой для других. Ть воспринимала свою смерть как начало новой жизни как нечто возвышенное, как награду свыше! Друзья которые приходили, чтобы утешить нас в горе, уходили от нас, настроенные благостно и духовно обогащенные, потому что мы рассказывали им о тебе, о том, как ты безоговорочно приняла свою судьбу и, примирившись, попрощалась с жизнью. В тебе постепенно развилась воля к такому уходу из жизни, на что, сильно повлияло, как мы построили Наши отношения с тобой, само обстоятельство, что мы жили по правде, ничего от тебя не скрывая, что существовала полная гармония между врачами, тобой и нами, что тебе всегда были известны все результаты исследований и что по возможности все разговоры с врачами велись в твоем присутствии. Только так ты смогла поверять нам свои мысли, страхи и надежды. Это явилось предпосылкой того, что по мере течения болезни тебе удалось проделать весь этот путь развития, что и сделало возможным само примирение со смертью. Это производило на людей ошеломляющее впечатление.

Исключая тот факт, что физически тебя больше не было с нами, мы не ведали других причин для печали. В первые дни это .охранное чувство, это волшебство магии были самыми сильными. Мы гордились, какая у нас была дочь и сестра. Ты исполнила свою судьбу, прожила свою жизнь, хотя и в ускоренном темпе.

То, что мы смогли наполнить это короткое время такой интенсивной жизнью, а не ощущали себя только жертвами, этим мы обязаны тебе. И это стало для нас чрезвычайно ответственным и очень важным жизненным опытом, связавшим нас воедино.

Ты смиренно принимала все неизбежное в твоей жизни; все же остальное старалась всегда крепко держать в руках и добиваться своего. Для многих людей, кто знал тебя, ты пример и еще станешь им для многих-многих читателей, и это прожив всего шестнадцать с половиной лет!

Для церемонии похорон ты дала нам самые точные указания, как и по поводу могилы тоже. "Пожалуйста, пусть это будут грандиозные похороны! Пусть каждый, кто захочет прийти попрощаться со мной, получит эту возможность". Мы же думали, что у нас уже ни на что нет больше сил. Ты пожелала, чтобы тебя отпевал священник, конфирмовавший Маттиа-са, но чтобы все происходило в нашей приходской церкви, где конфирмовалась ты. Когда священник посетил нас, чтобы обговорить траурную церемонию, я прочитала ему — как ты поручила — твой дневник. "Чтобы не нес всякой чепухи про меня!" Отец Хофман видел тебя только в день причастия. Он узнал тебя через твой дневник и остался от него под большим впечатлением.

Погребение должно было состояться после экзамена Кристиана, только через девять дней. .Он и, конечно, ты все сделали наилучшим образом. Он выдержал экзамен, несмотря на огромное душевное напряжение, с экзамена сразу направился в церковь на заупокой-

ную мессу. Для Кристиана этот день оказался самым трудным. В дни между твоей смертью и погребением мы старались всячески отвлечь мысли Кристиана от печального, чтобы он душевно не утратил своего шанса успешно сдать экзамен на торгового служащего. И вот в своем темном костюме он появился в церкви, придя туда прямо из Торгово-промышленной палаты. О проповеди священника Хофмана я ничего не могу тебе рассказать. Помню только, что он приложил немало усилий, чтобы мы смогли спеть хорал "Хвала Господу нашему", как сами того пожелали, и рождественскую песню "Вот и розочка распустилась". После этого проникновенно заиграло камерное трио музыкантов. Я крепко обняла Кристиана, а папа — Маттиа-са.

На кладбище мы по-настоящему осознали размеры траурной процессии. Увидели эти шпалеры из живых цветов и великолепных венков с двух сторон. Некоторые венки были такими пестрыми и радостными по своим краскам, как ты того и хотела. "Это должна быть радостная могила, и, пожалуйста, приходите навещать меня почаще!" Маленький

темно-зеленый гроб, в котором ты лежала, мы украсили в виде креста живыми белыми розами с последних цветущих на воле кустов. И это было все, что мы еще могли для тебя сделать, провожая в последний путь. Это было грандиозное и торжественное прощание.

Из Канады прилетел Ян. Он потом долгие годы все никак не мог пережить, что не попрощался с тобой, пока ты была жива. Мы подарили ему японский амулет, который привезла тебе бабушка — подарок семьи Исикавы — и который ты так много носила. Ян хранит его еще и сегодня. Как много людей любили тебя, мы воочию увидели в тот день — среди них было много японцев и других наших заграничных друзей. И нас — твоих родителей и твоих братьев — это наполняло великой гордостью. Нам хотелось, начиная с этого дня, как-то особенно постараться тоже стать такими, чтобы и ты могла гордиться нами.

Маттиас первым прошел через это испытание во время траурной мессы. В твой смертный час ты попросила его рассказать школьникам, как ты умирала. "Я обещал ей это, — сказал Маттиас, стоя в церкви впереди во время панихиды по тебе, — и она сказала мне, что не надо бояться смерти. Она была глубоко убеждена, что будет жить дальше и еще встретится с нами. Вечером Изабель тихо ушла, счастливая, получив избавление, в свой рай".

Ты наверняка очень гордилась им.

Сочувствие со стороны школы и всех друзей и знакомых было огромным. Тебя наверняка заинтересует, например, некролог в газете теннисного клуба, написанный твоим тренером:

"Изабель Цахерт нет больше с нами — ей было всего только шестнадцать лет. Тщетно боролись целый год врачи, и особенно она сама, с самой коварной из всех болезней. Находясь постоянно между страхом и надеждой, Изабель упорно сопротивлялась, ожесточенно стиснув зубы, грозному концу. Она знала, что он неизбежен.

Перерыв в лечении дал ей на Троицу последнюю возможность прийти в наш клуб — ее спортивный "отчий" дом. Мы с удовольствием вспоминаем ее заметку в клубной газете, в которой она так радостно, можно сказать, весело описала свои впечатления от юношеского турнира. Начав играть в клубе еще девочкой, она стала многократной чемпионкой клуба и всегда оставалась счастливым и веселым по натуре человеком, с легкой и отзывчивой душой, всегда готовая помочь каждому. Она, обещавшая вырасти в хорошего игрока и стать в клубе достойной сменой, сказала мне еще в последнюю неделю своей жизни -— тихо и грустно: "Теперь я, пожалуй, скорее всего лишь утрата для клуба".

Изабель действительно потеряна для нас — теперь уже навсегда.

Сибилла Паженкопф".

Профессор Л. подарил нам стихотворение, которое он написал в память о тебе (см. стр. 212).

После похорон мы поехали, как ты нам и наказывала, на неделю в Шварцвальд, в Альтгласхюттен к Герде и Эрнсту. Маттиасу мы разрешили пропустить школу.

Лишь постепенно мы поняли, насколько все мы были напряжены. Если бы во время этой поездки мы прямиком отправились все вместе на небо, мы бы не стали даже возражать, так сильно мы тосковали по тебе. Что за находка для времени, чреватого несчастными случаями и катастрофами, такое состояние, как наше! Но к счастью, ты хорошо следила и оберегала нас.

В Шварцвальде память водила нас по следам воспоминаний. Это было в последний раз, когда мы с Кристианом и Маттиасом были зимой в Альтглас-хюттене. Рождество мы там больше уже никогда не будем праздновать. Но возможно, позже нас опять потянет к Герде и Эрнсту еще раз побродить по Шварцвальду.

В декабре вернулся из своего азиатского путешествия Тёби, и мы вручили ему, как ты просила, письмо с надписью "Моему дорогому Тё'би" и рисунок с изображением розы. Тёби за это время стал нашим близким другом, как тебе того и хотелось.

Жизнь продолжалась. Твое маленькое "состояние" — твои сбережения — мы "прокутили", выполняя твой наказ, вместе с бабушкой в "Риа Матернус". А ты была с нами, как ты и обещала, маленьким ангелочком-" невидимкой". Это было впервые, что мы опять вышли в люди — случилось это в день двадцать первой годовщины нашей свадьбы!

Первое Рождество без тебя — это было нелегко. Мы сходили после полудня с Кристианом и Маттиасом на кладбище и принесли тебе любовно украшенную елочку. Забота и уход за твоей могилой были для нас небольшим облегчением. Мы утешали себя мыслью, что все делаем так, как ты того желаешь. На Новый год Лу и Альберт пригласили нас с мальчиками в Антверпен. И другие наши друзья и знакомые приглашали нас в эти дни на обед или погостить у них в субботу — воскресенье. Это очень помогало нам вернуться к нормальной жизни. Но я только знаю, что мы принимали все приглашения, а воспоминаний об этих первых неделях без тебя в памяти почти нет — все как погрузилось в туман.

В январе и феврале мы стали все-таки медленно возвращаться к обычной жизни. Нас утешало, что у нас есть еще два здоровых сына, за жизнь которых мы несем ответственность, и это очень помогало нам. Ради них мы хотели снова сознательно повернуться лицом к жизни. Да и ты нам тоже так наказывала. Мы пригласили Лу и Альберта и их четверых детей на уик-энд к нам в Бонн. В Семигорье еще лежало много снега, и мы организовали для нас десятерых катание на санках с гор возле замка Левенбург. Физические движения, свежий с легким морозцем воздух, красивейшие пейзажи, естественный смех и задор наших гостей вернули нам вкус к жизни. Для Кристиана и Маттиаса, и для нас с папой, было очень важно, как мы отныне будем жить дальше. Вечером мы заказали в курортном местечке Хоннеф в старинном винном погребке "Штайнхауз" местную еду под названием "Рейнская бомба" — фирменное блюдо из тертого картофеля, приправленного салом и колбасой, которое три часа запекается в чугунке в печи. Самая подходящая еда для двух основательно продрогших и вернувшихся голодными после долгого катания семейств, нуждающихся в поддержании угасающих жизненных сил.

Эта прогулка имела огромный успех. Она частично вернула Кристиану и Маттиасу их естественность и свободу поведения. Мы повторили это катание на санках в следующий уик-энд с группой других наших друзей, которым мы хотели высказать таким образом нашу благодарность за их длительную поддержку. Во время этого беззаботного веселья на природе ты всегда была среди нас и сидела с нами на санках. Трое старых отслуживших свой век санок мы разломали вконец за два этих наших разудалых похода.

В другой уик-энд мы уговорили Кристиана принять участие в конькобежной вылазке, устраиваемой его коллегами на замерзших Рейнских прудах. Мы навестили его и его друзей в тот солнечный зимний день, приехав с термосами, полными глинтвейна, и пакетами сытного масляного печенья. И это тоже пробудило в нас живой интерес к жизни.

Моя дорогая Изабельхен, я хочу устоять против искушения пересказывать тебе все, что происходило в те последующие дни. Ты это и так знаешь. Но о некоторых очень важных событиях я все же еще скажу _ я должна освободиться от этого груза. Ведь могло же такое случиться, что ты слишком много флиртовала в раю и чуть-чуть отвлеклась от наших дел!

Через четыре месяца в боннской больнице умерла Марен, как ты нам и предсказала в свой смертный час. С этого момента мы, родители, Инга, Ханс-Юрген и мы с папой, видим вас, двух девочек, всегда вместе, весело прыгающими и скачущими без костылей и инвалидных колясок.

Твоя крестная Инее умерла через два года после тебя. Когда она в последний раз легла в больницу, она попросила меня приехать в Мюнхен и побыть с ней и ее дочерьми.

В 1985 году Кристиан рассказал нам, что видел по телевидению на канале ЗГР твои рисунки. Это была документальная передача о детях, больных опухолями, знавших, что умрут, и

отобразивших это в своих рисунках. Я навела справки о передаче и познакомилась таким образом с фрау Маргрет ван Корб, автором этого фильма.

Она выразила желание встретиться с нами лично, так как очень много слышала о тебе от фрау д-р П. В свойственной этой женщине мягкой и проникновенной манере она сумела нас склонить к одному проекту, который мы поначалу решительно и единодушно отклонили. Она хотела, чтобы мы приняли участие в форме интервью в одном фильме, повествующем о жизненном опыте родителей, дети которых были онкологическими больными, с целью добиться через общественность улучшения ситуации для других таких детей.

Сначала мы очень сомневались и колебались, но потом, через год, все же согласились дать такое интервью. Мы договорились о сроке встречи на летнее время, когда Кристиан и Маттиас уедут на каникулы, чтобы не ворошить хотя бы в их памяти всю боль о прошлом.

В полученном ею интервью фрау ван Корб собрала столько впечатлений и информации, что спросила нас, нельзя ли ей попытаться сделать из этого материала телевизионный фильм только про тебя. Она пообещала нам, что до самого последнего момента за нами останется право запретить показ фильма. В этом фильме рассказывается история последнего года твоей жизни, фамилия и место действия не обозначены. Фигурирует только твое имя. Автор фильма дала ему название "Встретимся на звезде". Впервые фильм был показан по телевидению в 1987 году и имел такой широкий резонанс, что с тех пор его повторяли уже трижды.

Для нас это был первый опыт использования документальных материалов о последнем годе твоей жизни. А для меня — первый шаг на пути, приведшем к созданию этой книги.

Михаэля, студента с первичной опухолью, твоего знакомого по кёльнской клинике, я встретила несколько дней назад. Через десять лет после лечения в Кёльне он представил мне свою жену и трехлетнего сына. Я так обрадовалась, что совершенно спонтанно заключила его в свои объятия: "Михаэль, вы одолели опухоль!"

Около двух недель назад я позвонила фрау д-р П. и сообщила ей о своем намерении написать эту книгу. Она сказала мне: "Вы обязаны это сделать, и справитесь с этим!" Она как раз опять собиралась . житься в клинику на операцию.

Любовь наших детей и друзей поддерживала н Папа и я — мы снова обрели себя, а тем самым и д] друга. Все это время мы оба жили как бы в партн стве с тобой. Но пришла пора, и мы поняли, что н надо найти пути друг к другу и что мы можем и д< жны это сделать. Хотя бы ради будущего Маттиасг Кристиана! Конечно, мы потеряли нашу дочь в ее з< ной жизни, но мы сохранили наших двух замечате.1 ных сыновей. Ты хотела, чтобы мы и после твоей см(ти оставались дружной и счастливой семьей. Тебе з удалось — мы стали ею. И став такой семьей, мы ; пешно идем по нашему жизненному пути!

Моя дорогая маленькая Белли, я сижу в Сомм-Л на балконе и мечтаю. Все задуманное нами складьп ется удачно! Вчера в Арденны приехал навестить ме папа. Лил проливной дождь. Мы сидели у потреск вающего камина, и я прочитала ему все, что излож ла за это время на бумаге, черпая из кладезя воспом наний. К счастью, я не заблудилась в долине слез.

Он очень растрогался и остался всем доволен, была глубоко счастлива. По мере того как я писала, душе у меня с каждым днем становилось все светлее, настроение — все радостнее. Эта книга, которая ро: дается здесь сейчас, всего лишь необходимое дополнен к твоим письмам и твоему дневнику — это твоя книга и она станет скромным памятником тебе! Ты это заслужила. А для меня она — выполнение невысказанного обещания тебе. Твоя жизнь и твои страдания полны глубокого смысла. Ты умерла не напрасно. Ты — пример дня всех, кто знал тебя в жизни, и станешь отныне примером для многих других людей. Проблема смерти — это вопрос, который занимает каждого человека, пока он живет. Страх самому определить отношение к смерти — очень велик, и ты сможешь помочь в этом многим людям! Лично для меня твой пример — мерило всей моей дальнейшей жизни,

Сегодня воскресенье, полдень. В Сомм-Ле'з звонят колокола. Это были чудесные десять дней, проведенные неразлучно с тобой. Но прежде чем я вернусь в будни, я еще должна

кое-что с тобой обсудить: "Что ты думаешь, как мне поступить с твоим письмом Тёби?" Тё'би отдал его мне перед моей поездкой в Арденны. Почти десять лет спустя после того, как ты написала это письмо, мы узнали его содержание. Тёби сказал: "Если ты будешь писать книгу об Изабель, получишь тогда и письмо Белли". Таково было мнение нашего друга. А каково твое мнение? Ты хочешь, чтобы читатели поверили нам, что твоя жизнь была исполнением предназначенной тебе судьбы? В твоем письме к Тёби ты сама даешь мне ответ: "Я вселяю во стольких людей мужество и, надеюсь, освобождаю их от страха перед смертью, потому что душа моя светится радостью".

13 ноября 1982 г.

Мой дорогой доктор Тёбеллиус!

У меня непреодолимое желание довериться Вам и рассказать о самых сокровенных своих чувствах, и поскольку обстоятельства сейчас таковы, что я никак не смогу надоесть Вам с этим, я хочу высказать все совершенно откровенно

Я вообще решаюсь написать Вам об этом только потому, что верю. Вы по крайней мере поймете меня а может, даже испытаете немного радости.

Я ведь пообещала Вам не позволять себе создавать проблемы в Ваше отсутствие. И мне очень жаль, что ситуация сейчас все же осложнилась, но я обещаю, что употреблю всю свою волю, чтобы продержаться по меньшей мере до того момента, пока Вы не вернетесь.

Может, Ваше присутствие вольет в меня опять столько сил, что я протяну и подольше, и у нас еще будет немного времени друг для друга.

Во всяком случае, мои ощущения подсказывают мне, что я сумею со всем этим справиться.

В то время, когда я видела Вас ежедневно, это всегда были самые счастливые минуты для меня за весь день.

Ночью я часто мечтала о том, как это было бы чудесно, если бы и Вы питали ко мне те же чувства, что я к Вам.

Сейчас это звучит, конечно, чересчур самонадеянно — как это я, молоденькая девчонка, вообразила себе, чтобы такой уважаемый всеми человек предпочел другим именно меня, и мне, кроме того, и без этого абсолютно ясно, что я пока еще никак не могу быть для Вас равной партнершей. Мне даже нечего предложить Вам, чтобы это было достойно Вас, как тему для интеллектуальной беседы.

Но в своих мечтах мне всегда хотелось, чтобы Вы стали, после моего выздоровления, личным другом нашей семьи, и тогда, подрастая, я с годами, возможно, все больше интересовала бы Вас, пока не наступил бы момент, когда я в жизненно важных вопросах оказалась бы с Вами на равных.

И это было, как я уже сказала, моей прекрасной мечтой, хотя я знаю, что взлетела с ней очень высоко. Поэтому я даже во сне никогда не решалась притронуться рукой к окутывающей ее радужной оболочке, опасаясь, что она лопнет, как мыльный пузырь.

Как я уже обещала в самом начале, я обязательно хочу продержаться до Вашего возвращения, но, к сожалению, не могу этого гарантировать. Поэтому и пишу Вам, надеясь, что мои мысли скажут Вам что-то о моей любви, моем доверии, моем величайшем уважении и восхищении Вами.

Мне так часто хочется прижаться к Вам и помечтать, что Вы крепко обнимаете меня, придавая мне силы.

Я нарисовала для Вас картину, на ней изображена роза с крошечным бутончиком. Большой прекрасный, полный жизненных сил розовый куст — это Вы, а я — маленький бутончик, который ищет у Вас защиты. Зеленый листик никакого особого смысла не имеет. Он просто заполняет пустое пространство в рисунке.

На тот случай, если я все-таки скоро умру, что очень вероятно, хотя и не так неотложно, хочу Вам сказать, что единственное, чего мне недосталось в земной жизни — это полюбить мужчину и выйти за него замуж. Не знаю, приятна ли Вам будет эта мысль, но я прекрасно могу себе представить свой брак с Вами.

Пожалуйста, простите мне мою дерзость, но мне доставляет невероятное облегчение, что я могу сообщить Вам свои самые затаенные мысли, ничем не обременяя Вас при этом.

О содержании этого письма никто ничего не узнает, даже мои родители, хотя я питаю к ним безграничное доверие.

И кроме того, я не знаю, насколько приятны Вам или неприятны мои чувства, и поэтому Вы — единственный адресат.

У меня нет страха перед смертью. Вы, доктор Петри и доктор Керн избавили меня от всякого страха перед болями в момент смерти, и поэтому в последние дни я счастлива как никогда.

Многие просто поражены этим, потому что другие люди чувствуют себя подавленными и боятся, а я верю в жизнь после смерти, которая будет точно такой, как я ее вижу в своих мечтах, и там я еще смогу испытать любовь к мужчине и даже готова дождаться Вас, чтобы услышать там от Вас о Ваших чувствах.

Однако сейчас у меня жгучее желание жить дальше, пока Вы не вернетесь. Возможно, Вам будет потом неприятно смотреть мне в глаза, после того как я так откровенно сказала Вам о своих чувствах. Но Вам вовсе не стоит опасаться, что этим письмом я как бы хочу оказать на Вас нажим.

Я не стану заговаривать о своем письме, так что это останется полностью в Вашем распоряжении — возвращаться к нему в разговоре или нет.

Вы — свободный человек и останетесь им, а я только хотела рассказать Вам о своих чувствах, надеясь, что это Вас обрадует. Вы, собственно, обронили однажды в разговоре с моей мамой схожую мысль, что Вы очень любите меня. Поэтому я подумала, что мои объяснения могут осчастливить Вас.

Моя воля жить, пока Вы не вернетесь, невероятно велика, поскольку я обещала Вам не делать никаких глупостей. И я не хочу, чтобы Вы потом упрекали себя, что Вас не было здесь, когда я умирала.

Но я верю в чудо. Почему бы это опухоли не отступить и не признать своего поражения, снова почувствовав мою волю к жизни?.Мне только так не хочется опять брать на себя все эти муки нового курса химиотерапии, поскольку шансы на исцеление именно с его помощью очень уж малы. Или Господь Бог оставит меня жить без всякой химиотерапии, или Он даст мне умереть и с химиотерапией тоже.

Сейчас у меня непреклонная воля жить, но смерти я не боюсь. Если это идут мои последние дни, то они определенно были самыми счастливыми.

Я часто спрашивала себя, почему такой симпатичный и незаурядный человек, как Вы, не имеет жены, но, возможно, жизнь больницы настолько заполняет Вас и приносит такое удовлетворение, что жена Вам просто не нужна. Это, конечно, немножко огорчает меня, в том смысле, собственно, что тогда и я Вам буду не нужна.

Пожалуйста, не считайте меня высокопарной и много воображающей о себе, раз я допускаю такое высокое мнение о собственной персоне, я просто чувствую себя такой сильной, полной жизни и любви, так что все остальное было бы чистой неправдой.

И если все же исполнится мое желание увидеть Вас еще раз, это будет просто чудесно.

Тогда уж наверняка не возникнет никаких недоразумений и я опять буду чувствовать себя под надежной защитой, раз Вы рядом. Я крепко-крепко прижмусь к Вам, и мы будем с Вами совершенно одни.

Я почувствовала бы себя глубоко счастливой, если бы в мой смертный час Вы держали мою руку в своей. Я молю Бога только об одном, чтобы Вы не истолковали моего письма превратно, не почувствовали себя в затруднительном положении и не приняли бы меня за дурочку.

Я считаю, что Вы еще настолько молоды, что сумеете проявить достаточное понимание к моим чувствам. Сейчас, в этот момент, я ощущаю в себе такую необычайную силу и не чувствую никаких болей. Я воспринимаю мою болезнь и надвигающуюся на меня угрозу как дар Божий.

Я вселяю этим во стольких людей мужество и, надеюсь, освобождаю их от страха перед смертью, потому что душа моя светится радостью.

15 ноября 1982 г., 18.30

Мне так хотелось увидеть Вас еще раз. Я снова встречусь с Вами в моем раю. С горячей любовью

Ваша Изабель

Ваша Изабельхен

Мы благодарим всех друзей, разделивших с нами нашу судьбу, и всех тех, кто помог нам перенести ее достойно.

Кристель и Ханс Цахерт,

Кристиан и Маттиас

Ноябрь, 1992

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С тех пор как Изабель находилась в больнице, многое изменилось в практике лечения детей и подростков, больных раком. Тем не менее никто бы не смог сказать, выжила бы Изабель сегодня или нет, так как и в теперешнее время выздоравливают не все дети, пораженные этой коварной болезнью. Однако более чем двум третям из них все же удается это сделать, хотя им по-прежнему приходится мириться с трудностями, сопряженными с прохождением курсов химиотерапии, поскольку при лечении детских онкологических заболеваний химиотерапия все еще остается самым эффективным методом. Правда, общая продолжительность лечения за это время сократилась, но курсы химиотерапии стали одновременно интенсивнее и, можно сказать, агрессивнее, что несет с собой больше побочных действий. Хотя, впрочем, против таких особо неприятных для пациентов явлений, как тошнота и рвота, уже найдено очень действенное средство. И благодаря этому курсы химиотерапии переносятся теперь больными значительно легче. В общем и целом улучшились и усовершенствовались методы диагностики, так что наблюдение за течением болезни отличается теперь большей точностью и больного лечат целенаправленно.

С начала восьмидесятых годов в этой области медицины в целом удалось изменить многое, но особенно это касается взаимодействия с родителями, которые практически повсюду объединились в группы самопомощи, содействия и инициативные организации помощи детям. После начального старта общественной программы по улучшению условий ухода за больными нам, врачам, удалось совместно с родителями добиться, чтобы федеральными структурами было найдено ключевое решение относительно сетки штатного расписания врачей, сестер и сиделок в детских онкологических отделениях. Это было осуществлено с помощью тогдашнего федерального министерства труда. При повторном заходе уже стало возможным финансирование штатных единиц для работников психологической и социальной службы — первоначально из федеральных денег, а потом через больничную кассу по статье расходов "уход за больными". Так что сегодня психологи, духовники, психотерапевты, воспитатели и сотрудники отдела социального обеспечения являются частью обслуживающего медперсонала любого детского онкологического отделения. Однако материальное обеспечение этих рабочих мест все еще оставляет желать лучшего, поэтому родительским группам приходится брать на себя до одной трети расходов по их дополнительному финансированию.

Правила посещения больных в детских онкологических отделениях и раньше были заметно более мягкими и свободными, чем во всех остальных отделениях, потому что здесь всегда придавалось большое значение присутствию членов семьи возле больного ребенка, что существенно влияет на весь ход течения болезни. Но так как детей лечат в основном в специальных онкологических центрах, расположенных, как правило, далеко от местожительства родителей, им часто трудно ездить туда-сюда каждый день. Для того чтобы при больном ребенке постоянно находились мать или отец, их раньше "устраивали" в отделении на раскладушке или размещали в случае необходимости в общежитии для сестер. Но возникшие родительские

группы уже очень скоро смогли арендовать квартиры и дома вблизи клиник или даже приобретать их в собственность, расселяя там целые семьи, пока больной ребенок проходит лечение в клинике. Мы считаем крайне важным, чтобы в процесс лечения была вовлечена вся семья, поскольку случившееся всегда затрагивает всю семью целиком, выбивая иногда за одну ночь ритм ее жизни из привычной колеи. Это влечет за собой множество самых разных проблем, в решении которых большую помощь может оказать единый коллектив сестер, врачей, работников психологической и социальной службы и родительских групп взаимоподдержки.

Благодаря содействию родительских групп детские онкологические центры обустроены сегодня гораздо лучше — они отремонтированы, расширены и модернизированы. В Бонне в университетской детской клинике есть специальное отделение детской гематологии,

другими словами — детское онкологическое отделение, которое ежегодно принимает от 30 до 50 первичных больных: оно относится к средним по размеру лечебным заведениям. В его работе активное участие с 1982 года принимает зарегистрированный Общественный фонд помощи детям, больным опухолями и лейкемией. Этот фонд помог отремонтировать помещение, профинансировал дополнительные штатные единицы сиделок и санитарок, а также работников психологической и социальной службы и оборудовал дом для родителей в непосредственной близости от клиники. В настоящее время на средства Общественного фонда для этого отделения сооружается более просторное здание. Когда заболела Изабель, ничего этого еще не было.

Не менее значительным является также вклад Немецкого объединения финансовой поддержки научных исследований в области лейкемии, имеющего в своем составе зарегистрированную организацию "Помощь детям, больным раком". Это объединение является одновременно головной организацией по координации работы родительских групп взаимоподдержки. Но в первую очередь это оно способствует проведению исследовательских работ в области детской онкологии и улучшению материальных условий для этого. При его поддержке в декабре 1994 года был также создан Немецкий фонд для детей, больных раком. Так что мы надеемся, что благодаря совместным усилиям нам удастся приблизиться к поставленной цели. Инициатива госпожи Цахерт, написавшей эту книгу и создавшей Фонд для улучшения социальной и психологической помощи детям с онкологическими заболеваниями и членам их семей, является важной составной частью той мозаики, из которой складывается наше общее дело.

Июль, 1995 г.

УДО БОДЕ

профессор, доктор медицинских наук,

руководитель онкологического отделения

детской гематологии Педиатрического центра

при Боннском университете

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

С самого начала моим желанием было улучшить с помощью публикации этой книги ситуацию для детей с онкологическими заболеваниями и помочь их близким. Ободренная огромным резонансом, который вызвала эта книга у немецких читателей, я основала Фонд имени Изабель Цахерт — он призван поддерживать мужество и стойкость больных детей и их родителей. Для этого, например, Фонд создает условия для родителей, чтобы они могли ночевать со своими больными детьми в онкологических центрах, организует обслуживание пациентов и их семей врачами-психологами, а в отдельных случаях оказывает целевую денежную помощь при недостаточной материальной обеспеченности семьи больного ребенка.

Так как права на издание этой книги приобрели уже свыше 20 различных стран и на десяти языках она уже вышла, я обратилась к иностранным издательствам с предложением подхватить эту идею и открыть соответственно в каждой стране специальный счет для сбора пожертвований в помощь детям собственной страны, страдающим онкологическими заболеваниями. Первая радостная весточка пришла из Словакии, где издательство оказало финансовую помощь детскому онкологическому отделению в Братиславе. Особую радость доставило мне сообщение из Польши, где детская больница в Варшаве получила благодаря финансовой поддержке с разных сторон два компьютерных томографа. Это говорит о том, что послание Изабель тронуло души многих людей разных стран.

Фонд имени Изабель Цахерт управляется в Бонне доверенным лицом основанного в 1994 году Немецкого фонда для детей, больных раком. Это делается, с одной стороны, чтобы избежать дополнительных издержек по управлению Фондом, а с другой, чтобы иметь возможность опираться на совет опытных детских онкологов.

На открытый мною счет Фонда я перевела часть моих гонораров. Многие читатели уже поддержали меня в этом моем начинании, за что я приношу им особую благодарность. Издательство Густава Люббе, где вышла эта книга, также поддерживает в финансовом отношении Фонд имени Изабель Цахерт.

Бонн, сентябрь 1995 г.

Дорогие читатели русского варианта этой книги!

Я очень рада, что теперь и русскоязычные читатели узнают нашу дочь Изабель.

Стойко перенося боль и зная, что ее жизнь в опасности, она проявляла волю к жизни, но когда пришло время, сумела найти в себе силы умереть.

Желаю всем русским читателям мужества и силы для преодоления трудностей в их современной жизни. Тем же, кто потерял из-за этой чудовищной болезни дорогого им человека, желаю по прочтении этой книги душевных, приносящих утешение разговоров.

Буду очень рада, если книга окажет действенную поддержку начинаниям медицинских работников, врачей и инициативных родительских групп помощи детям, страдающим онкологическими заболеваниями.

Кристель Цахерт

Бонн, октябрь 1997 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

На исходе XX века, так же как и в его начале, нет ничего более хрупкого в мире живой материи, чем жизнь человека, и нет ничего могущественнее силы его духа. Жизнью своей человек как бы соединяет прошлое с будущим, и, чтобы "не распалась связь времен", уход его, даже безвременный, должен быть достойным — без обид и проклятий.

На пороге XXI века, несмотря на титанические усилия ученых всего мира, осталась непобежденной одна из самых страшных болезней — рак. И сегодня фатальной неизбежности человек может противопоставить только силу своего духа. Существует даже теория, названная физиологией оптимизма, согласно которой, пока человек духовно стоек — никакая болезнь не доведет его до смерти.

Проблему рака принято рассматривать с различных точек зрениия: и с общественно-политической, и с социально-экономической, и с идейно-нравственной, и с религиозно-философской. Важным же является лишь одно — лежат ли в основе этих теорий рассуждения о глобальности проблемы или же боль конкретного человека.

Помочь всем миром, кто чем может — вот что важно. Речь идет не столько о благотворительных акциях, безусловно нужных, но временных. Мы говорим об истинном сострадании, об адресной поддержке, которую ждут от нас страждущие, о конкретной помощи тем, кто находится на краю вечности в приюте, в больнице. И да минует нас чаша сия!

Кто знает, кому, где и в каких условиях наша книга будет полезна — на широких путях, на которых толпится человечество, встречи бывают самые неожиданные. Мы надеемся, книга попадет в добрые руки: сколько отличных людей было найдено там, где и ожидать нельзя.

Издательство благодарит

Фирму A8TA-MEB1CA, Германия

Немецкий книжно-информационный центр, Москва

Типографию Патриаршего издательско-полиграфического

центра за помощь, оказанную при издательстве книги.